

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

СЕРИИ «ПРАВО»

Выпуск 16

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Донецк
2019**

УДК 082.1:34
ББК Ч25я54+Х400.73
Г72

Государственное образовательное учреждение высшего

Г72 профессионального образования «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»: сборник научных работ серии «Право». Вып. 16: Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях / ГОУ ВПО «ДонАУиГС». – Донецк: ДонАУиГС, 2019. – 209 с.

В сборнике представлены результаты научных исследований учёных, аспирантов правовых кафедр ДонАУиГС, высших учебных заведений ДНР, ЛНР, России и СНГ. В материалах рассмотрены актуальные вопросы становления и развития национальной правовой системы в условиях формирования современного государства. Освещены пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического и правового развития государства.

Сборник предназначен для научных работников, аспирантов, магистрантов, студентов, практических работников.

УДК 082.1:34
ББК Ч25я54+Х400.73

Сборник научных работ серии «Право» включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Министерства информации Донецкой Народной Республики серии ААА №000067 от 16.11.2016 г.

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики сборник научных работ серии «Право» включён в Перечень рецензируемых научных изданий.

Учредитель:

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»

Главный редактор:

Ворушило В.П. – кандидат юридических наук, доцент.

Заместитель главного редактора:

Саенко Б.Е. – кандидат экономических наук, доцент.

Редакционная коллегия:

Голос И.И. – кандидат наук по государственному управлению, доцент;

Саенко В.Б. – кандидат наук по государственному управлению, доцент;

Сасов А.В. – кандидат юридических наук, доцент;

Витвицкая В.В. – кандидат юридических наук, доцент;

Сабирзянова И.В. – кандидат философских наук, доцент;

Каблов Д.С. – кандидат юридических наук;

Сичкар В.А. – кандидат юридических наук, доцент;

Смирнов А.М. – кандидат юридических наук, доцент, профессор Донецкого Национального университета;

Шестак С.В. – кандидат юридических наук;

Кушаков М.Н. – кандидат юридических наук;

Моисеев А.М. – доктор юридических наук, профессор Донбасской юридической академии ДНР;

Седнев В.В. – доктор медицинских наук, профессор, сотрудник Генеральной прокуратуры ДНР;

Беляев В.П. – доктор юридических наук, профессор Юго-Западного государственного университета г. Курск, РФ;

Маркова-Мурашова С.А. – доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», РФ;

Стремоухов А.В. – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Ответственный секретарь:

Сасов А.В. – кандидат юридических наук, доцент.

Адрес редакции: ДНР, 83015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163-А.

Телефон: (062) 337-66-09

Издаётся по решению Учёного совета ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

© ГОУ ВПО «ДонАУиГС», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Абашина Я.В., Воронова В.А. Значение эффективности аппарата государственного управления в условиях политико-правовой нестабильности	5
Беседина А.Л. Систематизация нормативных правовых актов как основа правотворческой деятельности государственных органов исполнительной власти Донецкой Народной Республики	12
Витвицкая В.В., Мусейчук Д.Ю. Понятие международного терроризма в международном и национальном уголовном праве	22
Ворушило В.П., Петрук К.В., Щуцкий А.Л. Формирование молодёжного парламента в ДНР, его роль и перспективы развития.....	32
Забаренко Ю.А. Валютный контроль и ответственность за нарушение валютного законодательства в ДНР.....	45
Карабут Л.В. Общие положения трудового процессуального производства	58
Лазор И.В. Аксиологическое значение коллективного договора в системе социального партнёрства.....	69
Матюшайтись Н.В., Мусейчук Д.Ю. Является ли смертная казнь нарушением прав человека на жизнь.....	84
Матюшайтись Н.В., Хархардина К.В. Институт нотариата среди других органов государственной власти	94
Матвиенко Е.А. Права человека: развитие генерационного (поколенческого) подхода.....	102

Прокофьев Н.А., Щербань О.В., Ченцова А.Н.	
Исследование видов криминалистической идентификации	114
Разбейко Н.В.	
Проблемы расчёта задолженности за предоставленные населению услуги по газоснабжению	123
Родзина А.В., Швец М.А.	
Незаконное лишение свободы и похищение человека.....	131
Саенко Б.Е.	
Обеспечение эффективности государства путём оптимизации взаимодействия экономической и правовой систем	139
Сичкар В.А.	
Проблемы оптимального сочетания централизованного и локального регулирования трудовых отношений.....	151
Сичкар В.А., Кондрашина К.С.	
Историко-правовой анализ проблемы квалификации мошенничества	160
Смирнов А.М.	
Законодательное закрепление механизма обеспечения национальной безопасности Донецкой Народной Республики....	174
Смирнов А.А.	
Применение исключительной меры наказания как психологический аспект профилактики преступности	182
Ушакова Д.С., Руденко С.И.	
Пути развития экономики с помощью принятия Закона «Об инвестиционной деятельности» в Донецкой Народной Республике.....	191
Шпиняковская Е.С., Сасов А.В.	
Понятие и правовое регулирование незаключённого договора	199

ЗНАЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ АППАРАТА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Абашина Я.В.,
ассистент кафедры
административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;
Воронова В.А.,
студентка группы ЮР-18-1
факультета юриспруденции
и социальных технологий
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В статье раскрывается значение аппарата государственного управления и влияние условий политико-правовой нестабильности на его эффективность. Даются определения аппарата государственного управления и методов повышения его эффективности, условий политико-правовой нестабильности, а также понятие государственной службы как одного из важных элементов аппарата государственного управления. Подчёркивается, что повышение эффективности аппарата государственного управления оказывает позитивное влияние и ускоряет процесс преодоления условий политико-правовой нестабильности в государстве.

Ключевые слова: государственное управление, государственная служба, государственная власть, политико-правовая нестабильность.

The article reveals the importance of the state administration apparatus and the influence of the conditions of political and legal instability on its effectiveness. Definitions of the apparatus of public administration and methods for increasing its effectiveness, conditions of political and legal instability, and the concept of public service as one of the important elements of the apparatus of public administration are given. It is concluded that increasing the efficiency of the state administration apparatus has a positive impact and accelerates the process of overcoming the conditions of political and legal instability in the state.

Keywords: public administration, public service, public authority, political and legal instability.

Постановка задачи. Государственное управление является важным элементом в политико-правовом пространстве государства, так как это основа сохранения и устойчивого развития функционирования основных структур и институтов, кроме того – это непосредственная реализация государственной власти.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучением вопросов сущности и назначения аппарата государственного управления, его роли в осуществлении и реализации государственной власти занимались такие учёные как Г.В. Атаманчук, В.Е. Чиркин, Н.Н. Козлова, М.А. Малышева и другие.

Актуальность. Тема значения аппарата государственного управления в условиях политико-правовой нестабильности – одна из наиболее актуальных для построения прочной системы управления в государстве.

Поэтому *целью данной статьи* является определение влияния условий политико-правовой нестабильности на функционирование аппарата государственного управления.

Изложение основного материала исследования. На понятие государственного управления существует несколько взглядов. Так, например, Г.В. Атаманчук под государственным управлением понимает сознательное организующее и регулирующее воздействие государства на общественную (публичную) жизнедеятельность людей в целях её упорядочения, сохранения или преобразования [1, с. 23-24]. В.Е. Чиркин трактует государственное управление как «процесс регулирования и упорядочения жизнедеятельности и отношений личности, коллектива, государства и общества, установления рациональных взаимосвязей между ними путём применения государственной власти» [2, с. 156]. Помимо учебных пособий термин «государственное управление» закрепился ещё и в законодательстве многих стран мира, однако единого понимания его сущности как способа реализации государственной власти так и не сложилось. Поэтому, чтобы лучше понять сущность, нужно обратиться к функциям государственного управления, среди которых особое внимание следует уделить регулирующей функции.

В рамках регулирующей функции осуществляются многие процессы государственного управления: контроль, координация, учёт, руководство, планирование, прогнозирование [3, с. 61].

Для реализации государственного управления существует совокупность органов, которые объединены между собой в аппарат государственного управления. Состояние данного аппарата влияет на жизнедеятельность всего государства. Его чёткая, слаженная и эффективная работа обеспечивает развитие и оптимальное функционирование общества и государства, что, в свою очередь, требует высокого уровня законодательства, которое бы регулировало его деятельность. Однако при нестабильности политической ситуации и несовершенстве законодательной базы с наличием пробелов в ней начинают происходить сбои в системе государственного управления, что приводит к кризисным ситуациям, дестабилизирующим всю управленческую систему.

В условиях политико-правовой нестабильности появляется ряд обстоятельств, снижающий уровень эффективности работы аппарата государственного управления. К таким обстоятельствам следует отнести:

1. Дезорганизацию во многих сферах жизнедеятельности общества.

При таком условии у органов государственного управления теряются определённые ориентиры их деятельности, что приводит к падению степени достижения целей и снижению эффективности работы, т.к. поставленные задачи могут быть не выполнены совсем. Из этого следуют пробелы в важных сферах жизни государства и, соответственно, недовольство общества.

2. Нестабильность нормативных актов.

Нормативные акты являются основой деятельности любого органа управления, т.к. они отображают основные направления действий, регламентируют полномочия, правовой статус и устанавливают ответственность за несоблюдение или нарушение предписаний. Нестабильные условия в государстве провоцируют постоянную смену нормативной базы – изменение или внесение поправок в документы или принятие новых и, как следствие, это приводит к нарушению слаженности и устойчивости механизма государственного управления.

3. Непостоянство руководящей силы.

В кризисных условиях, которые характеризуются нестабильностью политической сферы зачастую идёт так называемая «борьба за власть», когда с определённой

периодичностью одна руководящая сила сменяет другую, изменяя при этом нормативную базу и расшатывая культуру властвования, что может привести к созданию коррупционного механизма и разного рода злоупотреблению власти.

Чтобы избежать снижения эффективности работы аппарата, государственным органам необходимо проявить мобильность, т.е. гибкость реагирования на факторы, перечисленные выше.

Н.Н. Козлова считает, что субъекты управленческой деятельности, несмотря на многие негативные характеристики правовой системы, обязаны следовать требованиям законности. Иначе функционирование управленческих структур только усилит нестабильность [4, с. 6].

Стоит помнить, что эффективный аппарат государственного управления имеет большое значение для развития государственных структур и государства в целом, поэтому нельзя допускать его упадка, а наоборот, различными методами улучшать функционирование.

Чтобы понять, как улучшить эффективность механизма государственного управления следует рассмотреть такой его элемент как государственная служба.

Согласно статье 4 закона Донецкой Народной Республики «О системе государственной службы Донецкой Народной Республики», государственной службой является профессиональная служебная деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий Донецкой Народной Республики, а также полномочий государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Донецкой Народной Республики [5, с. 3]. Государственная служба не является основным элементом аппарата государственного управления, однако имеет большое значение, так как от компетентности и отношения к своей работе государственных служащих зависит функционирование самого аппарата государственного управления.

В части 1 статьи 10 закона Донецкой Народной Республики «О системе государственной службы Донецкой Народной Республики» говорится, что государственный служащий – гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счёт средств государственного бюджета [5, с. 6].

Именно с мотивации государственных служащих оптимально начинать повышение эффективности аппарата государственного управления. Мотивация осуществляется в нескольких аспектах: административном, экономическом и социальном.

Административный аспект подразумевает под собой разработку и принятие прочной и точной нормативной базы, которая характеризуется как обязательная для выполнения [6, с. 49]. Это:

- принятие нормативно-правовых актов государственного уровня, которые стали бы основой деятельности и обеспечили устойчивость механизма государственного управления;

- принятие нормативно-правовых актов локального характера (должностные инструкции, организационные схемы), что позволило бы регламентировать внутриорганизационную деятельность;

- установление ответственности за невыполнение своих обязанностей, превышение полномочий или правонарушения дисциплинарного характера. Чтобы действительно повысить уровень эффективности, к данной категории нельзя относиться уступчиво.

Административный аспект мотивации позволит повысить уровень дисциплинированности служащих, культуры их деятельности, сформирует отношение к своей работе с чувством долга.

Экономический аспект заключается в материальном стимулировании служащих. Так сложилось исторически, что материальные поощрения коллективов и отдельных лиц улучшают их производительность и увеличивают заинтересованность в своей деятельности. Поэтому метод «кнута и пряника» отлично работает в любой исторический период, включая современное общество – строгое, но справедливое наказание за правонарушение в противовес хорошему материальному поощрению побудит государственного служащего более ответственно подходить к выполнению своих обязанностей и у него не возникнет желания выходить за рамки закона, чтобы получить дополнительный доход. Таким образом, экономический аспект мотивации ограничит возможности формирования коррупционного аппарата.

Социальный аспект имеет не меньшее значение, чем административный и экономический, так как он подразумевает под собой формирование так называемого психологического климата в коллективе. Именно социальный аспект устанавливает ценностные ориентиры государственных служащих, социальную политику посредством взаимоотношений в коллективе. Если говорить о внутриорганизационной структуре, то следует выделить такие мероприятия:

1. Пример руководителя. Модель поведения коллектива всегда исходит от руководителя, так как он своими действиями задаёт пример подчинённым, которому они следуют. Квалифицированный руководитель, который не выходит за рамки своей компетенции, может правильно организовать деятельность коллектива.

2. Возможности социального общения государственных служащих. Социальное общение государственных служащих между собой в определённо установленное время поможет удовлетворить их культурные и духовные потребности, что способствует дружественному настрою в коллективе и, соответственно, повышению трудоспособности.

3. Установление моральных санкций и поощрений. Моральные санкции представляют собой выговоры или замечания, они оказывают мотивационное влияние на государственного служащего работать лучше, чтобы сохранить свою репутацию в коллективе и не портить отношения с руководителем. Меры морального поощрения представляют собой какие-либо почётные грамоты, благодарности и тому подобное, они стимулируют государственного служащего, показывая ему его значимость. Такие меры в большей степени задают настрой дальнейшей деятельности.

Все вышеперечисленные методы повышения эффективности влияют не только на работу каждого государственного служащего, но и на работу аппарата государственного управления в целом.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что аппарат государственного управления как способ реализации власти является основой стабильного развития

государства. Однако при условиях политико-правовой нестабильности появляются такие причины снижения эффективности его работы как дезорганизация во всех сферах жизнедеятельности общества, нестабильность нормативных актов и непостоянство руководящей силы. Чем больше теряется устойчивость механизма государственного управления, тем сильнее общество чувствует политико-правовую нестабильность в государстве, поэтому равно как кризисные условия могут послужить снижению эффективности аппарата государственного управления, так повышение её может стать способом преодоления нестабильности.

Повышение эффективности можно реализовывать не реформированием всего аппарата, а мотивацией государственных служащих, повышением их квалификации, так как если элементы механизма составляют компетентные работники, то и сам механизм будет работать стабильно.

Список использованных источников

1. Атаманчук Г.В. Государство, государственное управление, государственный аудит в Российской Федерации: сущность явлений и механизмы их реализации / Г.В. Атаманчук, С.В. Степашин, С.М. Шахрай. – М.: КнигоГрад, 2012. – 584 с.
2. Чиркин В.Е. Государственное управление. Элементарный курс / В.Е. Чиркин. – М.: Юрист, 2001. – 320 с.
3. Россинский Б.В. Административное право: учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 5 -е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 576 с.
4. Козлова Н.Н. Правовое регулирование системы государственного управления в кризисных условиях: методологические и концептуальные аспекты / Н.Н. Козлова // Философия права. – 2010. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-sistemy-gosudarstvennogo-upravleniya-v-krizisnyh-usloviyah-metodologicheskie-i-kontseptualnye-aspekty>
5. О системе государственной службы Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики № 32-ІНС от 03.04.2015, действующая редакция по состоянию на

17.05.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-gos-sluzhbe/>

6. Малышева М.А. Теория и методы современного государственного управления: учебно-методическое пособие / М.А. Малышева. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2011. – 280 с.

УДК 342.924

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК ОСНОВА ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Беседина А.Л.,
*студентка III курса ОУ «Магистратура»
заочной формы обучения группы ЮРМ-183-1
факультет юриспруденции и
социальных технологий
ГОУ ВПО «ДонаУиГС»
Научный руководитель:
Сичкар В.А.,
канд. юрид. наук, доцент
ГОУ ВПО «ДонаУиГС»*

В данной статье анализируются теоретические вопросы систематизации нормативных правовых актов, рассматриваются основные аспекты деятельности по осуществлению систематизации нормативных правовых актов в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: систематизация нормативных правовых актов, учёт, инкорпорация, консолидация, кодификация.

This article analyzes the theoretical issues of systematization of regulatory legal acts, discusses the main aspects of the implementation of the systematization of regulatory legal acts in the Ministry of Justice of the Donetsk People's Republic, executive authorities and local authorities (local administrations) of the Donetsk People's Republic.

Keywords: systematization of regulatory legal acts, accounting, incorporation, consolidation, codification.

Постановка задачи. Высокие темпы роста принятия нормативных правовых актов вызывает сложности в правоприменительной практике, что указывает на необходимость проведения систематизации нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики, что и указывает на актуальность темы.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы систематизации нормативных правовых актов и совершенствования законодательной техники подробно анализируются в работах правоведов: С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, Д.А. Керимова, А.М. Куренного, А.С. Пиголкина, С.В. Полениной, Н.В. Сильченко, Ю.А. Тихомирова, А.Ф. Шебанова и других.

Актуальность. Проблема совершенствования систематизации нормативных правовых актов всегда являлась одной из основных задач законотворческой деятельности государства. А в последнее время она приобрела особую актуальность в связи с формированием нового законодательства Донецкой Народной Республики.

Увеличением количества законов и нормативных актов возникла проблема систематизации законодательства. Нормативные правовые акты подвержены частым изменениям: вновь принятые законодательные акты вносят соответствующие коррективы, некоторые из них дополняются новыми предписаниями, иные видоизменяются, а другие – признаются утратившими силу либо фактически не действуют. Всё это требует своевременного и быстрого нормативного регулирования, совершенствования законодательства, усиления работы по систематизации нормативных правовых актов Республики.

Целью статьи является рассмотрение теоретических вопросов систематизации нормативных правовых актов, их целей и видов.

Изложение основного материала. На современном этапе развития Донецкой Народной Республики формируется новое законодательство, происходит обновление нормативного массива и изменение существующих институтов права. Отличительной чертой законодательства Республики является активное стремление к совершенствованию нормативных правовых актов путём проведения анализа и изменения установленного ими содержания правового регулирования. Создание эффективной и согласованной

систематизированной информационной базы законодательства Донецкой Народной Республики позволит обеспечить государственные органы, предприятия, учреждения, граждан достоверной и полной информацией о принятых нормативных правовых актах в Республике.

В Донецкой Народной Республике число действующих нормативных правовых актов постоянно растёт. Создаются новые нормативные правовые акты, которые существенно меняют характер правового регулирования ранее сложившихся правоотношений.

В систематизации нуждаются практически все отрасли законодательства. Как отмечает Н. П. Колдаева, систематизация законодательства чрезвычайно важна в первую очередь для самого законодателя, потому что она даёт возможность учитывать действующие нормативные акты при издании новых, содействует обеспечению согласованности нормативных актов, ликвидации повторений и отмене устаревших норм, способствует надлежащему выбору наиболее эффективных средств регулирования общественных отношений. Кроме того, систематизация законодательства является важным средством уяснения смысла правовых норм и правильного их применения компетентными органами, содействует пониманию общих принципов и связей права в целом. По мнению автора, одно из главных назначений систематизации – сделать законодательство более доступным особенно для граждан, чтобы они могли использовать конституционные права для защиты своих прав и законных интересов. Действующее законодательство должно подвергаться периодической систематизации, в результате чего достигается улучшение организации законодательного массива, отдельных норм и институтов [3; с. 174].

Необходимость систематизации обусловлена тем, что постоянно идёт процесс издания новых нормативных правовых актов, с течением времени некоторые акты фактически утрачивают силу, устаревают, накапливаются противоречия между юридическими предписаниями. Практическое значение систематизации ещё в 1833 году подчёркивал М.М. Сперанский, который говорил, что «приведение Законов в один состав» является «одной из первых Государственных нужд». Он же указывал и на значение систематизации для юридической науки: «Учёное

законоведение... не может основаться, если законы не будут прежде приведены в правильный состав» [4; с. 30].

Вопросы систематизации нормативных правовых актов длительное время были предметом исследования многих учёных-юристов. Среди таких вопросов отдельно рассматривалось понятие систематизации нормативных правовых актов. Однако соответствующее определение понятия являлось не только предметом теоретических дискуссий, но и получало закрепление в нормативных правовых актах.

Ряд авторов понимают систематизацию законодательства как родовое понятие и охватывают им всю деятельность по упорядочиванию законодательства. Некоторые учёные понимают систематизацию в узком смысле и ограничивают её только совершенствованием формы законодательства, а не её содержанием. Однако понятие «систематизация» должно охватывать все указанные выше аспекты.

Современное понятие «систематизация законодательства» предлагает В.Н. Протасов. По его мнению, «систематизация законодательства – это деятельность по упорядочиванию и совершенствованию нормативного материала путём его внешней и внутренней обработки, осуществляемая с целью поддержания системности законодательства и обеспечения субъектов права необходимой нормативно-правовой информацией». А.В. Поляков настоящее понятие определяет, как техническое упорядочение действующих нормативных правовых актов [5; с. 530].

Как отмечает А.В. Мелехин, «систематизация законодательства» – это упорядочение, приведение действующих нормативных правовых актов в единую, согласованную, целостную систему [6; с. 338].

В.В. Баранов систематизацию нормативных правовых актов определяет, как «деятельность тех или иных органов либо лиц по упорядочению изданных актов, характеризующаяся определёнными методами, приёмами и способами проведения [3; с. 174].

М.М. Рассолов предлагает следующее определение систематизации законодательства: «систематизация законодательства – деятельность по упорядочиванию, совершенствованию законодательства, приведению её в

определённую систему путём составления единого нормативного правового акта, либо собрания нормативных правовых актов» [7].

Ю.А. Тихомиров рассматривает данную деятельность как совершенствование действующих правовых норм, устранение возможных противоречий, пробелов в действующем законодательстве [8; с. 37-54].

В законодательстве Донецкой Народной Республики определение понятия «систематизация нормативных правовых актов» закреплено как деятельность по упорядочению нормативных правовых актов, приведению их в единую внутренне согласованную систему.

Актуальными на сегодняшний день целями систематизации нормативных правовых актов в правотворческом аспекте являются: 1) обеспечение доступности законодательства, облегчение поиска необходимой нормы; 2) удобство пользования законодательством; 3) учёт законодательства; 4) обеспечение полноты законодательства; 5) устранение устаревших и неэффективных норм права, чистка законодательства; 6) обнаружение и разрешение юридических конфликтов (коллизий); 7) обнаружение и ликвидация пробелов; 8) обновление законодательства; 9) приведение нормативно-правового регулирования в инструмент, обеспечивающий нормальное функционирование общественной жизни, совершенствование правового регулирования; 10) стабилизация правопорядка; 11) наиболее эффективное управление государственными делами в интересах личности; 12) ликвидация повторений; 13) выявление негативных тенденций в развитии законодательства.

Из этого следует, что систематизация – это своеобразная правовая деятельность, осуществляемая с целью системного совершенствования правового регулирования, высвобождения от устаревших и противоречащих друг другу норм, устранения пробелов в праве и упорядочения правовых норм, и выражающаяся в создании внутренне согласованной системы нормативных правовых норм.

Также систематизация нормативных правовых актов является многоэтапной деятельностью, которая осуществляется различными способами, приёмами, что и привело к выделению её разновидностей.

В теории права нет единой точки зрения по поводу количества видов систематизации нормативных правовых актов.

Один ряд авторов выделяют три вида систематизации нормативных правовых актов – инкорпорацию, консолидацию и кодификацию. А другой ряд относит к видам систематизации ещё и учёт.

Законом Донецкой Народной Республики «О нормативных правовых актах» от 07 августа 2015 года № 72-ІНС с изменениями предусмотрено четыре формы систематизации нормативных правовых актов: учёт, инкорпорация, консолидация и кодификация (ст. 61).

Учёт является формой систематизации нормативных правовых актов, заключающийся в их сборе, хранении, регистрации, расположении в определённом порядке и поддержании в контрольном состоянии для быстрого нахождения и использования.

Чётко налаженный учёт законодательства Донецкой Народной Республики необходим, прежде всего, для квалифицированного применения правовых норм в повседневной практической деятельности субъектов права [9; с. 360].

Инкорпорация нормативных правовых актов представляет собой форму систематизации нормативных правовых актов, осуществляемой без изменения установленного ими содержания правового регулирования, в том числе путём объединения в сборники (собрания) в определённом порядке.

Консолидация нормативных правовых актов предполагает проведение систематизации законодательства, в процессе которой несколько нормативных правовых актов по одному и тому же вопросу объединяются в один акт.

Кодификация является формой систематизации нормативных правовых актов, сопровождающейся переработкой установленного ими содержания правового регулирования путём объединения нормативных правовых актов в нормативный правовой акт, содержащий систематизированное изложение правовых предписаний, направленных на регулирование определённой области общественных отношений.

В процессе кодификации законодательства основной задачей кодификатора является сокращение числа нормативных правовых актов, которые представляют собой источники правовых норм, путём систематизации накопившегося за длительное время объёма

нормативных правовых актов, отбора и выделения из него норм, соответствующих современному периоду и характеру общественных отношений в сфере государственного управления. Из основной задачи вытекает несколько составных задач: «привести действующие правовые нормы в полное соответствие с Конституцией Донецкой Народной Республики; устранить формально действующие, утратившие практическое значение и противоречивые нормы права; установить новые нормы права, которые должны отражать и закреплять вновь возникшие отношения в сфере управления».

Кодификация законодательства проводится, как правило, по отраслям. В России почти все базовые отрасли имеют свои кодексы (гражданский, уголовный, Кодекс Законов о Труде, о браке и семье, земельный, жилищный, об административных правонарушениях, исправительно-трудовой, арбитражный). В Донецкой Народной Республике на сегодняшний день принят Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Донецкой Народной Республики и Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики, который вступает в законную силу с 1 июля 2020 года.

Основной целью всех видов систематизации нормативных правовых актов является упорядочивание законодательства.

Учёт, инкорпорация, консолидация и кодификация, отличаясь друг от друга, имеют самостоятельное значение и в то же время взаимосвязаны между собой как виды систематизации (учёт, инкорпорация и консолидация могут выступать в качестве предварительного условия кодификации).

Следует отметить то, что систематизация нормативных правовых актов чрезвычайно важна в первую очередь для самого законодателя. Она даёт возможность учитывать действующие нормативные акты при издании новых, содействует обеспечению согласованности нормативных актов, ликвидации повторений и отмене устаревших норм, способствует надлежащему выбору наиболее эффективных средств регулирования общественных отношений, является важным средством уяснения смысла правовых норм и правильного их применения компетентными органами, содействует пониманию общих принципов и связей права в целом.

Систематизация нормативных правовых актов является составной частью правотворческой деятельности, так как

представляет собой деятельность правотворческих органов по упорядочению и совершенствованию нормативных правовых актов путём их внешней и внутренней обработки.

Основными задачами правотворческого процесса являются: определение степени востребованности обществом того или иного нормативного правового акта; оценка социальной базы будущего нормативного правового акта и степени охвата правовым регулированием общественных отношений, а также поиск оптимальных вариантов регулирования возникших общественных отношений.

В настоящее время даже простое составление перечня правовых актов, обеспечивающих ту или иную область деятельности, представляется весьма сложным.

В частности, задача правотворческих органов состоит в приведении нормативных правовых актов в соответствие с новыми актами; обеспечении внесения изменений в действующие нормативные правовые акты; разработке и утверждении дополнительных нормативных правовых актов, направленных на приведение в соответствие и реализацию положений, уже принятых и вступивших в силу законов Республики, принятии мер по инвентаризации нормативных правовых актов.

В соответствии со статьей 61 Закона Донецкой Народной Республики от 07.08.2015 № 72-ІНС с изменениями «О нормативных правовых актах», официальную систематизацию нормативных правовых актов осуществляет республиканский орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере юстиции. Органы исполнительной власти, органы местного самоуправления осуществляют систематизацию нормативных правовых актов в порядке, установленном Правительством Донецкой Народной Республики.

В целях реализации положений указанной статьи, усовершенствования работы по осуществлению учёта и систематизации нормативных правовых актов, обеспечения качественного нормотворчества, упорядочения и приведения актов в определённую, внутренне согласованную систему, Правительством Донецкой Народной Республики был принят порядок осуществления систематизации нормативных правовых актов в Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики, органах исполнительной власти и органах местного

самоуправления (местных администрациях) Донецкой Народной Республики (далее – Порядок).

Порядок осуществления систематизации нормативных правовых актов в Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики, органах исполнительной власти и органах местного самоуправления (местных администрациях) Донецкой Народной Республики определяет процедуру упорядочения нормативных правовых актов, сведения их к определённой единой и согласованной системе путём внутренней и внешней обработки их содержания, а также учёта и хранения нормативных правовых актов и иных материалов, составляющих документальный фонд нормативных правовых актов.

Выводы. Таким образом, в результате исследования некоторых теоретических вопросов систематизации нормативных правовых актов можно сделать следующие выводы:

приведенный выше анализ определений позволяет выдвинуть обобщающее определение систематизации нормативных правовых актов: под «систематизацией нормативных правовых актов следует понимать деятельность правотворческих органов по упорядочению и совершенствованию нормативных правовых актов путём их внешней и внутренней обработки, осуществляемую с целью приведения их в единую внутренне согласованную систему, ликвидации коллизий и пробелов в правовом регулировании, обеспечению субъектов права необходимой нормативно-правовой информацией и составлению единого нормативного правового акта либо собрания нормативных правовых актов;

систематизация нормативных правовых актов является самостоятельным видом правовой деятельности и занимает промежуточное положение между правотворчеством и правоприменением;

основным направлением совершенствования системы законодательства должна стать кодификация законодательства Донецкой Народной Республики;

деятельность государства целиком и полностью основана на праве, а без упорядочения всех нормативных правовых актов она не может быть результативной.

Список использованных источников

1. О нормативных правовых актах: Закон Донецкой Народной Республики; принят Постановлением Народного Совета 07.08.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/>
2. Порядок осуществления систематизации нормативных правовых актов в Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики, органах исполнительной власти и органах местного самоуправления (местных администрациях) Донецкой Народной Республики): постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 18.10.2019 г. № 31-2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravdnr.ru/wp-content/uploads/2019/10/postanovlenie-31-2-ot-18.10.2019.pdf>
3. Кожевников В.В. Технология создания правовых документов в процессе осуществления юридической деятельности: монография / В.В. Кожевников, И.Н. Сенин, А.И. Красман. – Омск: Издательство АНО ВО «Омский экономический институт», 2016. – 174 с.
4. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства / В.Н. Протасов. – М.: Новый Юрист, 1999. – 240 с.
5. Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций / А.В. Поляков. – СПб.: Изд-во «Юрид» центр Пресс, 2001. – 531 с.
6. Муханов Р.Т. Теория государства и права: учебник / Р.Т. Муханов. – Москва, 2001. – 328 с.
7. Рассолов М.М. Теория государства и права / М.М. Рассолов. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2004. – 476 с.
8. Тихомиров Ю.А. Критерии законности правовых актов / Ю.А. Тихомиров // Право и экономика. – 1997. – № 19. – С. 37-54.
9. Рассказов Л.П. Теория государства и права. Углублённый курс: учебник / Л.П. Рассказов. – М.: РИОР ИНФРА, 2015. – 360 с.

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Витвицкая В.В.,

канд. юрид. наук, доц.,

доцент кафедры административного права

ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;

Мусейчук Д.Ю.,

студент кафедры административного права

ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Статья посвящена вопросу выработки понятия «международный терроризм» и определению его места в уголовном законодательстве.

В настоящее время понятие международного терроризма не закреплено в уголовном праве большинства стран мира. Видится необходимой разработка общепризнанного определения понятия «международный терроризм» и придания ему юридически обязательной силы в уголовном национальном праве.

Ключевые слова: *терроризм, международный терроризм, террор, преступления против человечности, международные конвенции.*

The article is devoted to the development of the concept of «international terrorism» and the definition of its place in criminal legislation. Currently, the concept of international terrorism is not enshrined in the criminal law of most countries of the world. It is considered necessary to develop a universally recognized definition of the concept of «international terrorism» and to make it legally binding in criminal national law.

Keywords: *terrorism, international terrorism, terror, crime against humanity, international conventions.*

Постановка задачи. Международный терроризм, а также его последствия являются одной из наиболее опасных проблем, с которыми сталкивается современный мир. Реалией настоящего времени является тот факт, что международный терроризм всё больше угрожает безопасности большинства стран, влечёт за собой огромные политические, экономические и моральные потери. Его жертвами может стать любая страна, любой человек. Проблема терроризма на рубеже XXI века обрела особое значение в силу его

глобализации, повышения активности, а, следовательно, и роста масштабов угрозы.

Достаточно серьезная ситуация сложилась в международном праве и национальном законодательстве большинства стран мира, которые не были готовы к появлению и быстрому расширению такого явления как международный терроризм, что повлекло отсутствие уголовной ответственности за это противоправное деяние. В настоящее время практически в каждом государстве, в его уголовном законодательстве закреплена ответственность за терроризм, а в международном праве появился ряд юридических актов (конвенций), регулирующих этот вопрос.

Проблема правового закрепления понятия «международный терроризм» обсуждается в мире уже с 2000-х годов. Необходимо акцентировать внимание на том факте, что понятия «терроризм» и «международный терроризм» не являются тождественными, а, следовательно, возникающие правоотношения в сфере уголовной ответственности за данное деяние, должны быть урегулированы специальными правовыми нормами как международного, так и национального уголовного права отдельных государств.

Анализ последних исследований и публикаций. С целью предотвращения распространения терроризма, а в частности и международного терроризма, международным сообществом разработано тринадцать основных международных конвенций, направленных против терроризма. Международные нормативные акты содержат понятие «терроризм», «международный терроризм», а также предусматривают ответственность за их совершение.

Важные аспекты, связанные с предотвращением международного терроризма в мире и в каждой стране конкретно, освещены в научных трудах Л.В. Иоганова-Хегай «Международный терроризм как международное преступление против человечности в международном уголовном праве», «Международное уголовное право» [1], а также в работе М.И. Дзлиева «Международный терроризм как социально-политический феномен» [3].

Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что большая часть международных правовых споров о терроризме сфокусирована на идеологической полемике или технических механизмах определения данного социально-правового явления, а не на основном важном вопросе о необходимости на

международном уровне криминализировать данное явление. Видится обоснованным изучение вопроса о квалификации ряда общественно опасных деяний как международных террористических преступлений, а не как обычных внутригосударственных преступлений, такие как убийство, нападение или поджог. В равной степени важно понять, почему террористические акты должны рассматриваться отдельно от существующих международных преступлений, почему международный терроризм и терроризм рассматриваются в национальном уголовном законодательстве как тождественные категории.

Цель исследования заключается в анализе предпосылок возникновения понятия «международный терроризм» в уголовном законодательстве Донецкой Народной Республики и выработке предложения о конструировании состава «Международный терроризм» в Уголовном Кодексе Донецкой Народной Республики, а также в разграничении терроризма от актов военного движения сопротивления и других сходных явлений.

Изложение основного материал исследования. Мировое сообщество пыталось дать определение терроризма давно и неоднократно [1]. Но до настоящего времени единого понятия так и не создано. Основные трудности формулирования дефиниции «международный терроризм» связаны с отличием терроризма от военных действий, а также агрессии, разграничением террористических деяний и справедливой борьбы, терроризма и массовых беспорядков.

Определение терроризма как преступления позволяет разграничить его и обычную вооружённую борьбу. Не любые вооружённые действия боевых групп автоматически являются террористическими, а акты военного движения сопротивления – законной вооружённой борьбой. Так, выступления палестинского сопротивления в одних случаях являются проявлением вооружённого движения за независимость, а в других – актами терроризма.

На вооружённую борьбу, движение за освобождение и самоопределение распространяются законы и обычаи четырёх Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., Дополнительных протоколов I и II 1977 г. к ним, касающихся защиты жертв, соответственно, международных вооружённых

конфликтов и вооружённых конфликтов немеждународного характера [2].

Террористические акты, даже совершаемые во время вооружённых конфликтов, не должны подпадать под действие международных норм, регулирующих вооружённые конфликты. В международном сообществе данное принципиальное положение пока не всеми разделяется. В ряде стран в 2007-2017 гг. в результате обсуждения понятия «международный терроризм» был сделан вывод, что действия вооружённых сил, военнослужащих в вооружённом конфликте не охватываются нормами разрабатываемой Всеобъемлющей конвенцией о международном терроризме, а регулируется нормами Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., а также I и II Дополнительных к ним протоколов 1977 г. Когда вооружённые силы осуществляют правомерные военные операции, то такие действия считаются законными. В ситуации применения силы государством против мирных жителей действуют Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., а также I и II Дополнительные к ним протоколы 1977 г., если такая сила применяется в достаточно широком масштабе, то она представляет собой военное преступление или преступление против человечности [2].

Положения разрабатываемой Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме могут распространяться только на такие деяния вооружённых отрядов, если эти деяния не подпадают под действие ч. 2 ст. 4 Дополнительного протокола I 1977 г., в которой сказано о запрещении совершения актов терроризма в отношении всех лиц, не принимающих непосредственного участия или прекративших принимать участие в военных действиях, независимо от того, ограничена их свобода или нет. Такое положение возможно, если террористические действия совершаются в период вооружённого конфликта, но не связаны с этим конфликтом. Очевидно, что летне-осенняя ливийская военная кампания (2011 г.) против режима М. Каддафи является законной вооружённой борьбой, охватываемой нормами Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., а также I и II Дополнительных к ним протоколов 1977 г. В то же время в международном вооружённом конфликте между Турцией и Курдской рабочей партией (осень 2011 г.) операции турецких

вооружённых сил на севере территории Ирака (соответственно, означают осуществление законных военных действий, следовательно, они регулируются положениями Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., а также нормами I Дополнительного к ним протокола 1977 г.). Военные же нападения курдских боевиков на военные посты на юго-востоке Турции следует рассматривать как акты терроризма [2].

Уголовный обычный терроризм и международный терроризм – разные понятия. Однако не всегда проводится различие между этими преступлениями. Одной из причин отождествления данных посягательств является отсутствие в международном и национальном уголовном праве подавляющего числа государств нормы об ответственности за международный терроризм [3].

Международный терроризм по существу является одним из преступлений, посягающих на мир и безопасность человечества. В Декларации ООН о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. подчёркивается, что государства осуждают как преступные и не имеющие оправдания все акты, методы и практику терроризма, где бы и кем бы они ни осуществлялись, в том числе те, которые ставят под угрозу дружественные отношения между государствами и народами, угрожают территориальной целостности и безопасности государств, могут угрожать международному миру и безопасности, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества. В Декларации отмечается, что преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора, не могут быть оправданы, какими бы ни были соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание. Аналогичную оценку международному терроризму даёт международное сообщество и в «Глобальной стратегии ООН по борьбе с терроризмом» 2006 г. [4].

Преступления, составляющие международный терроризм, предусмотрены рядом международных конвенций и отнесены к деяниям с универсальной юрисдикцией. В некоторых из них отмечается, что её положения не применяются к определённым случаям. Например, в международной Конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. предусмотрено: настоящая

Конвенция не применяется в случаях, когда преступление совершено в одном государстве, предполагаемый преступник и потерпевшие являются гражданами этого государства, предполагаемый преступник найден на территории этого государства и никакое другое государство не имеет оснований для осуществления своей юрисдикции. Аналогичное положение закреплено и в Конвенции ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. и Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. [4].

К конвенциям, определяющими составы международного терроризма, относятся: Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.; Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1988 г.; Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г.; Конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.; Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г.; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.; Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 г.; Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 г.; Конвенция о безопасности персонала ООН и связанного с ней персонала 1994 г.; Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.; Конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества о терроризме 2009 г.; Европейская конвенция по борьбе с терроризмом 1977 г.; Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. и др. [4].

К международному терроризму можно относить: вооружённое нападение; бомбовый терроризм; поджог; похищение людей и

захват заложников: захват воздушного, морского судна; взрывы и иные подобные действия.

В международном уголовном праве в общем определён круг деяний, составляющих международный терроризм: в их числе все террористические действия, предусмотренные вышеназванными международными документами. Одним из вариантов определения терроризма, применительно к ст. 2 проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, является такое: «преступные акты, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или серьёзный ущерб здоровью или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения и представляющие собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, и в соответствии с содержащимися в них определениями ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы никакими соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого подобного характера» [4].

Проявления международного терроризма закреплены национальными законами государств. Уголовным законодательством ряда государств международный терроризм предусмотрен как самостоятельное преступление против мира и безопасности человечества (ст. 155 гл. VIII «Преступления против мира и безопасности человечества» Уголовного Кодекса Республики Узбекистан; ст. 126 Уголовного Кодекса Республики Беларусь и др.).

Многие признаки международного терроризма похожи на признаки преступлений о террористической деятельности, предусмотренных соответствующими статьями Уголовного Кодекса Донецкой Народной Республики. В УК ДНР в главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» закреплён один состав международного терроризма – «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой» (ст. 431). Другие проявления международного терроризма в УК ДНР закреплены в главе 24 «Преступления против

общественной безопасности»: террористический акт (ст. 229), содействие террористической деятельности (ст. 230), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 231), захват заложника (ст. 235), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 236), организация незаконного вооружённого формирования или участие в нём (ст. 237), организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нём (ней) (ст. 239), угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 240); незаконное обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами (ст. 254); хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 255); хищение либо вымогательство ядерного, химического или других видов оружия массового поражения (ч. 2 ст. 259) [5].

В главе 29 УК ДНР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» предусмотрено посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 322). При этом в ряде проявлений международного терроризма виновных необходимо дополнительно привлекать к ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 106 УК ДНР (убийство), ст. 112 УК ДНР (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью лица), ст. 350 УК ДНР (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), ст. 373 УК ДНР (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) и др. [5].

Правовой базой рассматриваемых преступлений являются, помимо перечисленных конвенций, Закон ДНР «О противодействии экстремистской деятельности» (2015 г.); Закон ДНР «О противодействии терроризму» (2015 г.).

Нормы о международном терроризме в УК ДНР нет. Как было отмечено, в УК ДНР имеются отдельные проявления этого международного преступления. Причём подавляющее число этих деяний посягают на общественную безопасность, в то время как непосредственным основным объектом международного терроризма является безопасность человечества.

Состав международного терроризма в уголовном законе Донецкой Народной Республики можно «сконструировать» по типу

состава о массовых беспорядках (ст. 241 УК ДНР) с альтернативно предусмотренными деяниями, совершение любого из которых давало бы основания констатировать наличие оконченного преступления. В этом составе обязательно должно быть подчеркнута, что терроризм совершается с целью оказания воздействия на принятие решений физическими либо юридическими лицами, государством, международной организацией прямо или косвенно. В настоящее время отсутствие в цели террористического акта указания на возможность воздействия на физических лиц не позволяет квалифицировать ряд общественно опасных деяний как террористическое преступление. В диспозиции статьи или в примечании к ней желательно указать международно-правовой аспект преступления.

В международном уголовном праве понятие международного терроризма можно сформулировать так же, как и понятие агрессии. В июне 2010 г. в Кампале (Уганда) на Конференции по Римском статуту Международного уголовного суда странам-участницам удалось принять единое определение агрессии. Форма определения включает две составляющие: обобщённую формулировку общими признаками агрессии и вторую дефиницию в виде списка деяний, совершение которых означает акт агрессии (в обеих формулировках видно влияние положений «Определение агрессии» резолюции Генеральной ассамблеи ООН 1974 г.).

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). С 2000 г. по линии ООН ведётся разработка проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. В статьях этого проекта уже есть вполне приемлемые определения этого опаснейшего международного преступления. Но увидит ли международное сообщество данные дефиниции – вопрос не к юристам, слишком велико политическое значение данных определений.

На настоящий момент, следует выделять три вида терроризма: обычный (общеуголовный), международный как международное преступление и международный терроризм в виде преступления международного характера. Постоянно совершаемые террористические акты требуют скорейшего чёткого закрепления этих понятий как на национальном, так и международном уровне.

Таким образом, общепризнанное определение терроризма в международном праве – это та цель, которую необходимо достичь, поскольку эта глобальная угроза миру и безопасности может быть ликвидирована только посредством эффективного и полноправного сотрудничества всех государств-членов международного сообщества.

Список использованных источников

1. Иогамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право / Л.В. Иогамова-Хегай. – М.: Издательство «Проспект», 2018. – 212 с.
2. Егоров С.А. Актуальные проблемы права вооружённых конфликтов: учебное пособие / С.А. Егоров. – М., 2017. – 114 с.
3. Дзалиев М.И. Международный терроризм как социально-политический феномен / М.И. Дзалиев. – М., 2017. – 630 с.
4. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом / В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 479 с.
5. Уголовный Кодекс Донецкой Народной Республики: утверждён Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № ВС 28-1 от 19.08.2014 с изменениями от 27.09.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЁЖНОГО ПАРЛАМЕНТА В ДНР, ЕГО РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ворушило В.П.,

*канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;*

Петрук К.В.,

*студентка кафедры теории управления и
государственного администрирования
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;*

Щуцкий А.Л.,

*студент III курса ОУ «Магистратура»
заочной формы обучения группы ЮР м 18 з
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»*

В статье исследуется молодёжный парламентаризм в контексте совершенствования механизма управления молодёжной политикой и развития демократического государства, представлен опыт Российской Федерации и других стран в процессе формирования и деятельности Молодёжного Парламента (МП), рассмотрены процедура создания и принципы деятельности МП в Донецкой Народной Республике (ДНР), выявлены перспективы развития молодёжного парламентаризма.

Ключевые слова: *молодёжь, молодёжный парламентаризм, молодёжный парламент, государственная молодёжная политика, современное общество, законодательная и исполнительная власть, управление.*

The article explores youth parliamentarism in the context of improving the mechanism for managing youth policy and developing a democratic state, presents the experience of the Russian Federation and other countries in the process of forming and activity the Youth Parliament (YP), discusses the procedure for creating and principles of YP activity in the Donetsk People's Republic (DPR), reveals prospects for the development of youth parliamentarism.

Keywords: *youth, youth parliamentarism, youth parliament, state youth policy, modern society, legislative and executive authority, management.*

Постановка задачи. Молодёжь – движущая сила и будущее любого государства. Подростающее поколение – это стратегический резерв общества, субъект и объект социальных

реформ. В настоящее время ставится цель воспитать активную молодёжь, которая завтра будет создавать будущее страны своими руками. И от гражданской позиции и активного участия в политической и общественной сфере зависит уровень развития государства.

Анализ последних исследований и публикаций. Анализ научной литературы по теме исследования показывает, что изучение молодёжного парламентаризма, которое в России началось в 1990-е годы, не имеет значительной исследовательской традиции. Однако интерес к проблеме в научной среде велик. Можно отметить статьи и разработки С.В. Бессонова, Л.А. Боброва, М.Ю. Калинкиной, А.В. Кочеткова, С.В. Кочнева, О.Е. Куценко, Д.А. Маяцкого, А.В. Соколова, О.Б. Фурсова и др. Вопросам политического участия Российской молодёжи в современных условиях уделяется значительное внимание обществоведов. Проблеме в целом, отдельным её аспектам посвящено немало диссертаций, монографий, статей. Однако состояние её разработанности пока нельзя назвать основательным или завершённым даже в отдельных элементах. Серьёзным стимулом к разработке различных аспектов политического участия оказались публикации западных специалистов. Переведенные на русский язык статьи и монографии Г. Алмонда, С. Вербы, Р. Даля, М. Дюверже и других авторов позволили российским политологам и социологам глубоко вникнуть в суть концепции политического участия, освоить методику её использования в конкретных исследованиях, в том числе и молодёжного парламентаризма.

Актуальность. Для Донецкой Народной Республики актуальность данного исследования приобретает важную роль, так как общественные взгляды молодого поколения особенно необходимы, и именно современная молодёжь должна обеспечить успешность модернизации страны, повышение благосостояния людей и уровня экономического развития.

Одним из важных шагов в данном направлении является формирование молодёжного парламента, который создаст все условия для мобилизации активных граждан общества. Эффективность взаимодействия молодёжи и общества достигается только при поддержке государственных органов власти. Если этого не будет, то молодёжь, как представитель социальной группы, будет излагать свою позицию на улице, быть может, посредством

митингов. Это не является разумным диалогом с обществом и с властью. Поэтому молодёжные организации, в том числе и молодёжный парламент, осуществляют реализацию потребностей молодого поколения в интересах общества и являются законным способом конструктивного сотрудничества с органами власти. Самые активные люди смогут реализовать свои идеи, используя творческий и научный потенциал, применить свои способности при формировании предложений по совершенствованию законодательной базы Республики, участвуя в разработке нормативно-правовых актов, которые затрагивают законные права и интересы молодёжи.

Поскольку молодёжный парламентаризм явление довольно молодое, сегодня нелегко дать ему точное определение.

Цель данной статьи. Что же такое молодёжный парламентаризм? В этом вопросе и заключается цель исследования, которая состоит в выявлении особенностей молодёжного парламентаризма в формировании и развитии гражданского общества в Донецкой Народной Республике.

Изложение основного материала исследования. Молодёжный парламентаризм – это система представительства прав и законных интересов молодёжи как особой социальной группы. Такая система основана на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодёжи – молодёжного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства. Молодёжный парламентаризм также понимается как элемент гражданского общества, представляющий собой механизм реализации молодёжной политики в форме участия молодёжи в социально-экономических, общественно-политических процессах [2].

Молодёжный парламент впервые появился в США. В 1910 году в городе Сент-Луис (штат Миссури) Генри Гиссенбайер с друзьями объединились в танцевальный клуб «Геркуланум». Изначально целью данного клуба было возрождение старинных стилей танца. В 1915 году полковник Х.Н. Морган предложил членам данного клуба присоединиться к решению общественных вопросов. В этот же год членами клуба была сформирована Молодёжная прогрессивная гражданская ассоциация. Данная

организация стала популярной среди молодёжи, и уже в 1918 году включала в себя 750 человек, и была переименована в «Молодые граждане». Также к данной организации была присоединена Торговая палата Сент-Луиса, в результате чего было снова изменено название на Молодёжную торговую палату Сент-Луиса. За 1914-1918 год интерес к данной организации проявили многие штаты Америки, и в 1918 году была образована Молодёжная торговая палата США, в которую вошли представители 29 Молодёжных торговых палат из разных городов и штатов.

Буквально за 20 лет молодёжные палаты были учреждены в Мексике, Гватемале, Сальвадоре, Гондурасе, Никарагуа, Коста-Рике, Панаме. В 1944 году была проведена первая международная конференция в Мехико представителей молодёжных палат разных стран.

Сегодня членами Международной молодёжной палаты являются более 500 000 человек, которые представляют около 10 000 разных организаций из 132 стран мира. Членами данной организации может стать любой человек от 18 до 40 лет. Также Международная палата является ассоциированным членом ООН. «Фактом признания деятельности Международной молодёжной палаты в мире является проведение ежегодной встречи «Малой восьмёрки» лидеров Молодёжных палат стран «Большой восьмёрки» в одном месте и в то же время, что и глав государств-стран «Большой восьмёрки»».

Молодёжные парламенты образованы практически во всех государствах Европы. Важно отметить, что модели европейских молодёжных парламентов отличаются от российской модели. Например, в Великобритании молодёжный парламент состоит из 600 молодых людей, возраст которых 11-19 лет, и все члены парламента избираются. В Германии в молодёжном парламенте представлены только представители разных организаций, например, Красного креста, партий. Каждая организация отправляет в молодёжный парламент по 2 делегата. В Польше молодёжный парламент формируется из представителей студенческих организаций.

Нельзя не рассмотреть феномен бельгийского молодёжного парламента. Подобно тому, как государство разделено на три языковых области, существует два параллельных молодёжных парламента: фламандский и французский. Их отличия начинаются

даже с возрастных ограничений: 16-19 лет голландский и 18-25 лет французский. Электоральный цикл в обоих длится год, однако количество избираемых представителей также различно: во фламандской нет фиксированного количества членов МП, во франкоязычной – 95. Возможно, данный феномен объясняется тем, что фламандская система создана для полного удовлетворения спроса в политическом участии среди молодёжи, вместо поощрения конкуренции на местном уровне, в связи с чем отсутствуют и как таковые выборы. Во франко-бельгийский молодёжный парламент отсеивают кандидатов на выборы проходит на основе письменного отбора. Сходство двух парламентов заключается в отсутствии партийности и, собственно, основной деятельности: составление списка вопросов к министрам, встречи с молодёжью на местном уровне, а также ежегодная встреча со «старшими» парламентариями. И, как кульминационный момент, заседание в здании парламента и симуляция настоящего пленарного заседания с последующей подачей драфтов законов.

Интересной с этой точки зрения видится Финляндия. В данном государстве существует Национальный детский парламент, сформированный в 2007 году. Возрастные ограничения составляют от 13 до 15 лет. Выборы депутатов в парламент могут проходить по различным схемам: от выборов через педагогические советы школ до прямого голосования среди сверстников. Срок полномочий – два года, в начале каждого срока избираются спикер, глава и совет парламента. Целью данного органа является предоставление юным гражданам возможности участвовать в вопросах, влияющих на их жизнь. В 2010 году насчитывалось около 400 представителей в Национальном детском парламенте, которые состояли в различных комитетах: по экологии, образованию, здоровью, защите животных и прав детей. Ежегодно проводится несколько пленарных заседаний Совета Парламента и всех представителей. Кроме того, существует сайт, куда принимаются вопросы, которые могут быть рассмотрены на пленарных онлайн-заседаниях. Только депутаты и их взрослые наставники имеют административный доступ к виртуальному парламенту. Все пользователи могут баллотироваться на выборах, устраивая политические кампании и обсуждая наиболее острые вопросы. Деятельность детей в парламенте поддерживается и направляется взрослыми членами Фонда детского парламента.

Если в Европе институт молодёжных парламентов создан для того, чтобы молодёжь также могла принимать участие в решении острых и актуальных вопросов, то, например, в Бразилии подобный проект был инициирован для несколько иных целей. В 2008 г. при участии Государственной Ассамблеи Минас-Жерайс был создан молодёжный парламент, в который вошли 167 молодых людей возрастом от 16 до 24 лет. Целью этого проекта было «через политическое участие привести их к пониманию власти и её институтов, особенно законодательной, и подготовка их для участия в политической жизни в качестве активных граждан». Как показало исследование, молодые люди, через вовлечённость в деятельность органов законодательной власти, начали активно интересоваться политической жизнью страны. На основе эмпирического исследования через сравнение результатов двух фокус-групп (167 депутатов и столько же их обычных ровесников) авторы делают вывод о том, что подобные институты служат инструментом для борьбы с абсентеизмом и политической апатией среди молодого населения.

Смещая фокус снова на Европейский континент, видится необходимым рассмотреть молодёжный парламент в ФРГ. Его численность составляет ровно половину от числа депутатов Бундестага. Это связано с тем, что каждый второй член парламента обязан представить одного участника для ежегодной четырёхдневной сессии. Возрастной порог составляет от 16 до 20 лет. Отличительной чертой немецкого молодёжного парламента является тот факт, что юноши и девушки распределяются по точно таким же партиям, как и их «старшие» товарищи, только с изменёнными названиями. Особенностью распределения служит случайность: молодым людям может выпасть для защиты та позиция и партия, с идеологией которой они не обязательно согласны. Цель этого заключается в том, чтобы побудить их рассуждать и думать с разных точек зрения.

Молодёжный парламент Шотландии (МПШ) основан в 1999 году для молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет. Каждый созыв включает примерно 150 членов. Такое количество сформировано на основе правила: по два представителя от каждого из 73 округов. Также представлены в МПШ такие группы меньшинств как инвалиды, лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры. Каждая из них, как правило, направляет одного-двух представителей в

молодёжный парламент. По сравнению с молодёжным парламентом Великобритании, в МПШ работает система квот, что даёт возможность малым группам иметь своего представителя. На момент написания статьи там было 15 членов от групп меньшинств. МПШ встречается не менее трёх раз в год на национальных совещаниях по всей Шотландии, в том числе как минимум одно заседание в шотландском парламенте каждые два года. Каждый из членов может запросить своих избирателей, либо просто молодых людей, по поводу списка вопросов, вносимых в манифест МШП. После чего составляется шорт-лист, из которого выбирается один, и он становится приоритетом политики МШП на год. В 2012 и 2013 гг. приоритетом становилось брачное равноправие для гомосексуалов. А кампания 2012 года стала победителем шотландской благотворительной премии года.

В работе «Международный опыт молодёжного парламентаризма» Л.С. Пастухова приводит классификацию моделей молодёжных парламентов в мире:

1. Молодёжные парламенты созданы при законодательных органах власти (Новая Зеландия, Великобритания и др.).

2. Молодёжные парламенты или молодёжные правительства, созданные при исполнительных органах власти (Египет).

3. Молодёжный парламент – социальная программа органов законодательной и исполнительной власти одного или нескольких молодёжных общественных объединений (Германия и Австралия).

4. Молодёжный парламент как молодёжная организация (Перу, Мексика). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в западных странах молодёжный парламентаризм проходил стадию становления и развития на протяжении 100 лет [3, с. 161].

Европейская хартия по молодёжной политике и участию молодёжи в общественной жизни на местном и региональном уровне 1992 года в новой редакции 2003 г. – это международный документ, который регулирует деятельность молодёжи [1].

Молодёжный парламентаризм в Российской Федерации существует сравнительно недавно. С 1999 года этот вопрос часто обсуждался в рамках конференций, круглого стола и т.д. И в 2003 году на I Всероссийском семинаре-совещании «Развитие молодёжного парламентаризма в Российской Федерации (РФ)» были разработаны Рекомендации по развитию молодёжного парламентаризма. Это послужило началом создания молодёжных

парламентских структур. В РФ молодёжный парламентаризм функционирует на федеральном, окружном, региональном и муниципальном уровнях. В России на федеральном уровне действуют две независимые структуры молодёжного парламентаризма – это Молодёжный парламент при Государственной Думе (МППД) и Палата молодых законодателей при Совете Федерации РФ. Цель создания такого молодёжного парламента – это содействие деятельности Госдумы Федерального Собрания (ФС) РФ в сфере законотворческого регулирования интересов и прав молодого поколения. Это консультативный и совещательный орган, состоящий из молодых представителей. Состав МП таков: Председатель Госдумы ФС РФ, куратор-заместитель Председателя, Совет (Председатель МП, секретарь и его замы), 13 Комиссий по различным молодёжным проблемам. В своей работе руководствуется Регламентом и Положениями о деятельности МППД. Представители избираются на 2 года. Заседания должны проводиться не реже трёх раз в год, где принимаются решения в форме рекомендаций по улучшению положения молодёжи, которые потом направляются на рассмотрение в профильные комитеты Госдумы. Таким образом, молодёжный парламентаризм в РФ имеет стабильную управляющую систему от федерального до муниципального уровней, формируется избирательным путём, действует как общественный консультативный и совещательный орган и принимает решения рекомендательного характера. Доказательством того, что эта система работает, является постоянный рост и развитие молодёжных парламентских структур в РФ, которые решают возникающие проблемы.

Успешный опыт становления и развития молодёжного парламентаризма в РФ применим и в ДНР, где в настоящее время только происходит формирование МП. 27 декабря 2018 г. Глава ДНР Д.В. Пушилин возложил на общественную организацию «Молодая Республика» (ОО «МР») обязанность разработать концепцию об организации органа взаимодействия молодёжи с органами законодательной и исполнительной власти ДНР, местным самоуправлением в сфере законотворчества относительно прав и интересов молодого поколения. Этот орган должен содействовать развитию государственной молодёжной политики в Республике, формировать общественно-политические и правовые позиции

молодёжи, поддерживать активность молодых граждан, а также взаимодействовать с другими подобными органами в РФ. И 28 февраля 2019 г. было принято Постановление Народного Совета «О создании Молодёжного Парламента Донецкой Народной Республики» [5].

4 мая 2019 года состоялось заседание Временной молодёжной избирательной комиссии (ВМИК), на котором были подведены окончательные итоги избирательной кампании и утверждён результат выборов в Молодёжный Парламент ДНР при Народном Совете.

Как уже заявлялось ранее, кандидаты, ставшие депутатами Молодёжного Парламента ДНР, определялись Организационным комитетом по совокупности факторов: для выдвижения кандидатом в депутаты граждане в возрасте от 18 до 35 лет должны были быть активными участниками общественных движений (организаций) в Республике, аспирантами или студентами учебных заведений, иметь достижения в творческой, трудовой, научной или иной деятельности. До 30 марта 2019 г. необходимо было предоставить во временные участковые молодёжные избирательные комиссии необходимые документы. Кандидат считался выдвинутым, если предоставил одну рекомендацию с места учёбы или работы, одну рекомендацию от органа местного самоуправления, собственный видеоролик на тему «Для чего необходим молодёжный парламент?» и не менее 150 подписей граждан от 16 до 35 лет в поддержку кандидата. За видеоролик в соцсети «ВКонтакте» голосовали граждане. Среди участников, чей видеоролик набрал большее количество оценок, были проведены предвыборные дебаты. Затем по лучшим результатам был сформирован список кандидатов в депутаты для проведения финального этапа в прямом эфире на официальной странице ОО «МР» в соцсети «ВКонтакте», интернет-платформе «YouTube», а также на официальных страницах учебных заведений ДНР и местных отделений ОО «МР». Выборы проводились по мажоритарной системе в помещениях временных участковых молодёжных избирательных комиссий: 18 на базе высших учебных заведений и 36 на базе местных отделений ОО «Донецкая Республика». За ходом выборов следили более 440 официальных наблюдателей, в том числе представители регионов РФ и ЛНР, нарушения процедуры проведения выборов не зафиксированы.

По итогам избирательной кампании 50 кандидатов стали депутатами Молодёжного Парламента ДНР на 2 года. Из числа кандидатов, не вошедших в состав Молодёжного Парламента, но набравших значительное количество голосов избирателей и имеющих значимые достижения, сформирован резерв Молодёжного Парламента ДНР в количестве 57 человек. Первое заседание Молодёжного Парламента ДНР состоялось 7 мая 2019 года.

В течение 2019 года было проведено две сессии, которые продлились по 3 месяца каждая с каникулами в один месяц между ними. На заседании приняты Положение о комитетах, Регламент МП, Кодекс этики депутата, утверждена структура МП, избраны председатель и его заместители, созданы профильные комитеты, главной целью которых будет выработка рекомендаций по законопроектам Народного Совета и программам патриотического воспитания молодого поколения.

Ежегодный отчёт Молодёжного Парламента направляется Главе ДНР и в Народный Совет ДНР. Он заслушивается на заседании Народного Совета Донецкой Народной Республики и публикуется на информационных площадках ОД «Донецкая Республика», на сайте проекта «Молодёжный Парламент», также в средствах массовой информации и на официальных Интернет-ресурсах Донецкой Народной Республики.

Молодёжный парламент ставит такие главные цели:

- 1) повышение социальной ответственности и активности молодёжи;
- 2) включение её в политическую и общественную деятельность;
- 3) создание резерва кадров для органов исполнительной и законодательной власти Республики.

Для Молодёжного парламента поставлены следующие задачи:

- 1) создание политической и правовой культуры молодёжи;
- 2) участие в создании и развитии государственной молодёжной политики в ДНР;
- 3) привлечение творческого и научного молодёжного потенциала Республики к участию в подготовке нормативно-правовых актов по вопросам, касающимся интересов и прав молодого поколения;
- 4) привлечение молодёжи к участию в политической и иной общественной деятельности;

5) разработка рекомендаций по улучшению законодательства;
6) обеспечение взаимодействия молодёжных структур с органами власти ДНР, а также с подобными органами в РФ;

7) обеспечение условий для постоянного выявления активной молодёжи, потенциальных и уже состоявшихся лидеров, обеспечения их дальнейшего становления, роста, развития и трудоустройства.

Что касается компетенции Молодёжного Парламента, то для реализации своих целей и задач он имеет право:

1) проводить анализ законов и иных нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики, проектов законов и проектов иных нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и давать по ним рекомендации;

2) готовить предложения и рекомендации по совершенствованию нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики по вопросам, затрагивающим права и законные интересы молодёжи;

3) вести просветительскую и разъяснительную работу в молодёжной среде, направленную на повышение уровня правовой культуры молодёжи, формирование активной гражданской позиции молодёжи и идеологии, её национальной самоидентификации;

4) изучать мнение молодёжи о деятельности органов государственной власти в сфере организации работы с молодёжью на территории Донецкой Народной Республики;

5) в лице членов Президиума в установленном порядке присутствовать на заседаниях Народного Совета Донецкой Народной Республики, комитетов Народного Совета Донецкой Народной Республики;

6) в лице членов Президиума в установленном порядке проводить встречи с руководителями органов исполнительной и законодательной власти Донецкой Народной Республики;

7) проводить рабочие встречи, публичные дискуссии, общественные слушания, мероприятия в формате круглого стола, семинары, конференции, методические занятия, форумы, деловые игры, встречи молодёжи с представителями органов государственной власти, общественных организаций (движений) Донецкой Народной Республики, должностными лицами органов местного самоуправления по вопросам молодёжной политики;

8) инициировать предложения и организовывать социологические исследования, консультации, семинары, конференции, мероприятия в формате круглого стола, иные мероприятия по актуальным проблемам молодёжи и других категорий населения;

9) осуществлять иные полномочия, направленные на реализацию задач деятельности Молодёжного Парламента, в рамках своей компетенции [4].

Молодёжный Парламент имеет право осуществлять внешнюю, внутреннюю и международную деятельность, которая заключается в сотрудничестве с общественными организациями (движениями), объединениями школьной, студенческой и работающей молодёжи, иностранными молодёжными объединениями и движениями, с молодёжными парламентскими структурами субъектов Российской Федерации, муниципальными образованиями, расположенными на территории Российской Федерации.

На сегодняшний день молодёжный парламентаризм в ДНР находится на стадии становления.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Всесторонняя поддержка органами государственной власти молодёжного парламентаризма способствует эффективному развитию молодёжной политики и достижению поставленных перед МП целей и задач.

Опыт молодёжных парламентов других стран показывает, что гражданское общество должно создаваться во взаимодействии с системой власти, с использованием подхода «снизу-вверх», чтобы инициатива на местах была услышана и нашла отражение в законотворческой деятельности, удовлетворяя потребности и интересы молодого поколения. Положительный результат развития молодёжного парламентаризма появится далеко не сразу, но будет осуществляться значительно быстрее, если новый характер взаимодействия молодёжи и государства укоренится и наберёт силу. На сегодняшний день молодёжный парламентаризм можно считать оптимальной формой взаимодействия государства и общества. По существу, процесс формирования МП можно считать одним из значимых направлений процесса становления и развития

правового государства. И государство понимает, что каким будет молодое поколение сегодня, то такой быть Республике завтра.

Список использованных источников

1. Resolution 237 (1992) on the Charter on the Participation of Young People in Municipal and Regional Life. – Strasbourg, CLRAE. Council of Europe; Revised European Charter on the Participation of Young People in Local and Regional Life (2003). Strasbourg, CLRAE. Council of Europe [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.salto-youth.net/downloads/4-17-1510/Revised%20European%20Charter%20on%20the%20Participation%20of%20YP.pdf>

2. Молодёжный парламентаризм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Молодежный_парламентаризм.

3. Пастухова Л.С. Международный опыт молодёжного парламентаризма / Л.С. Пастухова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – Саратов, 2010. – Вып. № 2. – С. 158-161.

4. Положение о Молодёжном Парламенте Донецкой Народной Республики / Приложение 1 к Постановлению Народного Совета Донецкой Народной Республики от 28 февраля 2019 года № II-94П-НС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpdnr.ru/docs/II-94P-NS%20Polojenie%20MP.pdf>.

5. О создании Молодёжного Парламента Донецкой Народной Республики: Постановление Народного Совета 28 февраля 2019 года № II-94П-НС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mpdnr.ru/docs/II_94P_NS_Postanovlenie_Molodejnyiy_red.pdf.

ВАЛЮТНЫЙ КОНТРОЛЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ВАЛЮТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ДНР

Забаренко Ю.А.,
канд. экон. наук,

доцент кафедры гражданского права и процесса
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

В статье проанализированы актуальные вопросы организации системы валютного контроля в ДНР, дана подробная характеристика института юридической ответственности за нарушения в валютной сфере, исследованы отдельные аспекты ответственности за валютные правонарушения в ДНР и РФ. В работе определено понятие валютного контроля, его основные принципы, проанализированы различные подходы к формированию системы органов валютного контроля, обозначена проблема отсутствия нормативного определения понятия «валютное правонарушение». Автором предложены основные направления совершенствования института валютного контроля в ДНР, обоснована необходимость принятия Закона ДНР, предметом регулирования которого станут вопросы валютного регулирования и контроля.

Ключевые слова: Донецкая Народная Республика, валютное регулирование, валютный контроль, валютное правонарушение, юридическая ответственность.

The article analyzes urgent issues of organization of system of currency control in the NPT, gave a detailed description of the Institute of legal liability for violations in the monetary sphere, investigated certain aspects of monetary liability for offences in the DPR and Russia. The paper defines the concept of currency control, its basic principles, analyzes various approaches to the formation of the system of currency control bodies, identifies the problem of the lack of a normative definition of the concept of «currency offense». The author offered the main directions of improving the institution of exchange control in the DPR, the necessity of adoption of Law the DPR, subject to regulation of currency regulation and control.

Keywords: Donetsk People's Republic, currency regulation, currency control, currency offense, legal responsibility.

Постановка проблемы. Валютное регулирование и валютный контроль являются компонентами процесса управления валютными отношениями в государстве, законодательными формами реализации его валютной политики. Валютная политика государства отражает внутренние и внешние экономические

интересы страны, и направлена на укрепление валютно-финансового положения страны, поддержание на высоком уровне её платёжеспособности, кредитоспособности, обеспечение поступления валюты из-за рубежа по внешнеэкономическому обороту, приостановку оттока капитала за границу, привлечение иностранного капитала. Юридически опосредуя реализацию валютной политики, валютное регулирование и валютный контроль способствуют решению перечисленных задач, и являются важнейшими направлениями деятельности государства.

Быстрое изменение политической и экономической ситуации в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР), в том числе во внешнеторговых и валютно-финансовых отношениях с иностранными государствами, новизна задач валютного регулирования и недостаток практического опыта решения возникающих проблем определяют важность выбора темы научного исследования данной работы.

Обзор последних исследований и публикаций по данной проблеме. Вопросы, касающиеся валютного регулирования и валютного контроля, рассматриваются представителями как юридической, так и экономической науки. Среди ведущих специалистов в этой области необходимо выделить правовые исследования Андреева И.А., Артамоновой Т., Астахова В.П., Барина Э.А., Брызгалина А.В., Берника В.Р., Вознесенского Э.А., Викулина А.Ю., Власовой М.И., Головкина А.Н., Горбуновой О.Н., Грачёвой Е.Ю., Дорофеева Б.Ю., Земцова Н.Н., Карасёвой М.В., Колесникова В.И., Круглова В.В., Куфаковой Н.А., Лебедева В.А., Лунца Л.А., Мельникова В.Н., Новосёлова В.И., Олейник О.М., Пепеляева С.Г., Платоновой И.Н., Путина В.А., Ровинского Е.А., Сапожникова Н.В., Соколовой Э.Д., Тосуняна Г.А., Халфиной Р.О., Химичевой Н.И., Эриашвили Н.Д. и др., а также экономические научные работы таких авторов как Ачкасов А.И., Балабанов И.Г., Булатов А.С., Бункин М.К., Быстров Ф.П., Врублевская О.В., Голубович А.Д., Иванов В.В., Ковалёв А.П., Колбачев Е.Б., Кулагин М.В., Лавров С.Н., Лебедева М.Е., Натовицин А.Г., Николаева Н.И., Носков И.Ю., Платонова И.Н., Погорлецкий А.И., Романовский М.В., Рулеев А.Н., Самсонов Н.Ф., Седов А., Семёнов А.М., Семёнов К.А., Скамай Л.Г., Смирнов В.В., Соколов А.А., Томило Н.Н., Траченко М.Б., Фролов Б.А., Цибизов О.Ф., Шульгина Т.С. Однако вопросы валютного контроля

и ответственности за нарушение валютного законодательства в нашем государстве на настоящий момент не освещены в полной мере и нуждаются в научной разработке.

Актуальность статьи. В настоящее время в юридической и экономической областях большое значение придаётся вопросам, связанным с дальнейшим развитием валютного регулирования и валютного контроля в сторону либерализации валютных правоотношений и упрощения международного обмена товарами, капиталами, услугами, перехода к гибкому обменному курсу. В связи с этим, особую актуальность приобретают различные аспекты реформирования системы валютного регулирования и контроля. Такое реформирование предполагает, прежде всего, формирование единой государственной валютной политики на основе глубокого научно-теоретического анализа валютных правоотношений, методов и средств регулирования, изучения и обобщения отечественных и международных подходов к решению данной проблемы. При этом одной из наиболее актуальных современных проблем является разработка теоретических рекомендаций и предложений по совершенствованию и созданию эффективных административных регламентов в сфере валютного регулирования и контроля.

Цель статьи заключается в комплексном анализе и поиске вариантов разрешения актуальных и проблемных вопросов валютного контроля и ответственности за нарушение валютного законодательства в ДНР.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Многочисленные валютные операции, которые опосредствуют деятельность резидентов и нерезидентов на основании соответствующих договоров (контрактов), подлежат валютному контролю. К лицам, которые виновны в нарушении правил валютного регулирования и валютного контроля, применяются финансовые санкции и/или меры административной ответственности.

Валютный контроль представляет собой комплекс административных мер, которые направлены на запрет вывоза валютных средств в государство и стимулирование их возврата. Валютный контроль может применяться как ко всем операциям, предусмотренным платёжным балансом государства, так и только к их части. Преимущественно валютный контроль распространяется

на движение капиталов с целью защитить стабильность денежной системы и валютных резервов на этапе реформирования экономики, и выступает в качестве одного из неотъемлемых элементов экономической политики [1, с. 266].

Основными принципами валютного контроля являются:

- монополия банковских учреждений в отношении осуществления валютных операций;
- необходимость выполнения валютных операций, которая подлежит доказыванию;
- репатриация и обязательность продажи резидентами поступлений в иностранной валюте;
- обязательность декларирования зарубежного авуара;
- запрет на импорт и экспорт платёжных средств;
- запрет резидентам получать и предоставлять займы в национальной валюте у нерезидентов;
- запрет арбитражных операций и компенсаций;
- контроль над валютными позициями коммерческих банков [2, с. 17-18].

Функционирование института валютного контроля в ДНР, исходя из норм Постановления Совета Министров ДНР от 02.06.2014 № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» [3], в части, неурегулированной законодательством ДНР, регулируется нормами Декрета Кабинета Министров Украины 19.02.1993 № 15-93 «О системе валютного регулирования и валютного контроля» [4]. Из содержания ст. 13 этого нормативного правового акта следует, что основным органом валютного контроля является Центральный Банк государства. Действительно, как следует из абз. 4 ч. 1 ст. 1 Закона от 26.04.2019 № 32-ПНС «О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики», функции валютного контроля возложены на Центральный Банк Донецкой Народной Республики (далее – ЦРБ ДНР) [5]. Кроме того, ст. 13 Декрета Кабинета Министров Украины «О системе валютного регулирования и валютного контроля» к числу органов валютного контроля относит центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий формирование и реализующий государственную налоговую и таможенную политику, центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере предоставления

услуг почтовой связи и центральный орган исполнительной власти, обеспечивающий реализацию государственной политики в сфере государственного таможенного дела. Нормативные правовые акты ДНР устанавливают правовой статус этих органов государственной власти, хотя прямо не называют их органами валютного контроля, однако из перечня их полномочий следует вывод о том, что они выполняют соответствующие функции.

В Российской Федерации до 2016 года единым органом валютного контроля являлась Федеральная служба финансово-бюджетного надзора. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере» [6], функции органов валютного контроля были возложены на Федеральную налоговую службу (далее – ФНС) и Федеральную таможенную службу (далее – ФТС).

Таким образом, можно говорить о существовании двух подходов к формированию системы органов валютного контроля – когда соответствующие полномочия разделены между несколькими органами государственной власти и когда они возлагаются на единый орган валютного контроля. Некоторые учёные полагают, что распределение полномочий в сфере валютного контроля между несколькими органами является рассредоточением контрольных функций в сфере регуляции валютных отношений и не способствует укреплению состояния национальной валюты. Сторонники этой точки зрения полагают, что значительно более простым и эффективным является функционирование единого государственного органа, который бы непосредственно осуществлял функции валютного контроля и валютного регулирования, а также координировал бы действия других государственных органов в этой сфере, кредитно-финансовых учреждений, независимо от формы собственности и подчинённости. Именно такой орган государственной власти может повысить эффективность государственного валютного контроля, а также персонифицировать ответственность государственных служащих, осуществляющих контролирующие функции. Однако опыт Российской Федерации продемонстрировал обратное. Деятельность Федеральной службы финансово-бюджетного надзора как органа валютного контроля была признана неэффективной, поскольку полномочия указанного органа, по сути,

сводились к назначению штрафов по нарушениям, выявленным ФНС и ФТС [7, с. 176].

Таким образом, если создание единого органа валютного контроля и является целесообразным, то точно не в таком правовом статусе, в котором существовала Федеральная служба финансово-бюджетного надзора. В связи с этим, полагаем, что основным направлением совершенствования института валютного контроля в ДНР должна стать разработка единообразных подходов к организации и проведению органами валютного контроля ДНР контрольных мероприятий за соблюдением требований валютного законодательства. Такие подходы могут быть выработаны, в частности, путём принятия регламентов валютно-контрольной деятельности, в которых чётко формулируются цели и задачи такой деятельности, упорядочиваются государственные функции, оптимизируется структура, и описываются соответствующие процедуры.

Институт юридической ответственности за нарушения в валютной сфере является гарантом обеспечения законности осуществления валютных операций, соблюдения валютной дисциплины и финансового режима безопасности государства.

Одной из основных проблем института юридической ответственности в валютной сфере является несовершенное нормативное закрепление элементов категориального аппарата ответственности. Так, предпосылкой применения юридической ответственности за нарушение валютного законодательства является совершение определённым субъектом валютного правонарушения. Отечественное и зарубежное законодательство не содержит понятия валютного правонарушения, с чем связано его неоднозначное понимание. Однако в учебной и научной литературе были попытки определить эту категорию. Можно согласиться с А.Б. Пановым, который под нарушением валютного законодательства понимает несоблюдение юридических норм, которые регулируют порядок заключения сделок с валютными ценностями внутри страны, сделок между юридическими и физическими лицами разных стран, а также порядок ввоза, вывоза, перевода и пересылки из-за границы и за границу национальной и иностранной валюты, других валютных ценностей [8, с. 27].

Валютные правонарушения можно разделить на два вида: валютное преступление (уголовное преступление) и валютный

проступок. В свою очередь, валютный проступок может быть административно-правовым и гражданско-правовым. В данном контексте следует согласиться с позицией Н.М. Артёмова, который под валютным правонарушением предлагает понимать «виновно совершённое противоправное (связанное с нарушением законодательства в валютной сфере) деяние (действие или бездействие) субъекта валютных отношений, за которое валютным законодательством установлена ответственность» [9, с. 9].

Отметим, что законодательная неопределённость категории «валютное правонарушение» создаёт трудности при привлечении правонарушителей к ответственности за нарушение правил осуществления валютных операций, и поэтому должно найти своё отражение в законодательстве ДНР.

Общим объектом валютных правонарушений является система установленных валютных ограничений.

Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – ФЗ) [10] и Декрет Кабинета Министров Украины «О системе валютного регулирования и валютного контроля» [4] закрепляют примерно одинаковый перечень основных валютных ограничений:

- валютные операции осуществляются через уполномоченные банки (п. 3. ст. 14 ФЗ, ч. 1 ст. 6 Декрета);

- проведение валютных операций подлежит лицензированию, что предполагает выдачу уполномоченным банкам лицензии на проведение валютных операций (п. 8 ст. 1 ФЗ, ч. 1 ст. 5 Декрета);

- необходимость оформления резидентами паспорта сделки в случае осуществления операций с нерезидентами (ст. 20 ФЗ);

- репатриация, то есть обязательный перевод через границу экспортной выручки (ст. 19 ФЗ). Последнее валютное ограничение также имеет место в законодательстве ДНР, однако закрепляется оно нормами Закона Украины «О порядке осуществления расчётов в иностранной валюте» [11].

Из содержания ст. 16 Декрета Кабинета Министров Украины «О системе валютного регулирования и валютного контроля» следует, что за нарушения законодательства в данной сфере наступает административная, уголовная и финансовая ответственность. Для сравнения, законодательство РФ

предусматривает только два вида ответственности за нарушение требования валютного контроля – административную и уголовную.

Проанализируем отдельные аспекты ответственности за валютные правонарушения в ДНР и РФ.

В основе административно-правовой ответственности за нарушение валютного законодательства лежит соответствующий административный проступок. Административная ответственность в валютной сфере Российской Федерации предусмотрена ст. 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [12]. Ответственность по данной статье предусмотрена по шести частям, следовательно, предполагает широкий спектр правонарушений. Несколько иначе сформулированы нормы об административной ответственности в валютной сфере в законодательстве ДНР. Кодекс об административных правонарушениях Украины [13] (далее – КоАП Украины) закрепляет три состава административных правонарушений:

- незаконные скупка, продажа, обмен, использование валютных ценностей как средства платежа или как залога;
- уклонение от возврата выручки в иностранной валюте;
- незаконное открытие или использование за пределами ДНР валютных счетов.

Таким образом, законодательством РФ предусмотрено значительно больше составов административных валютных правонарушений. Часть из таких правонарушений известны также и законодательству ДНР, однако за их совершение к нарушителям применяются финансовые санкции. Так, например, ч. 6 ст. 15.25 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение порядка представления форм учёта и отчётности по валютным операциям. В то же время за аналогичное правонарушение (несвоевременное представление, сокрытие или искажение отчётности о валютных операциях) в ДНР предусмотрено применение финансовой санкции в виде штрафа, налагаемого Центральным Республиканским Банком (абз. 7 ч. 2 ст. 16 Декрета Кабинета Министров Украины «О системе валютного регулирования и валютного контроля»). Ряд валютных правонарушений выступает в качестве основания как для финансовой, так и для административной ответственности. Это касается, в частности, торговли иностранной валютой финансовыми учреждениями без получения лицензии (абз. 4 ч. 2 ст.

16 Декрета Кабинета Министров Украины «О системе валютного регулирования и валютного контроля», ст. 162 КоАП Украины). Данное обстоятельство критикуется в правовой литературе, поскольку создаётся ситуация, при которой виновное лицо, по сути, несёт ответственность дважды.

Статья 162-1 КоАП Украины устанавливает ответственность за нарушение правил репатриации, а ст. 162-2 – за незаконное открытие или использование за пределами ДНР валютных счетов. Диспозиции обеих названных статей являются бланкетными, и отсылает правоприменителя к соответствующим правилам, которые на территории ДНР до настоящего времени не разработаны и не утверждены. Очевидно, что в таком случае следует вновь обращаться к украинскому законодательству – например, Закону Украины «О порядке осуществления расчётов в иностранной валюте», где закреплён срок возврата выручки на территорию государства резидента.

Кроме административной ответственности за уклонение от возврата выручки в иностранной валюте, законодательство ДНР предусматривает уголовную ответственность за уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте ДНР (ст. 214 Уголовного кодекса ДНР [14]). Различия между обозначенными составами состоят в размере причинённого ущерба. Для привлечения лица к уголовной ответственности сумма незачисленных или невозвращённых денежных средств в иностранной валюте или валюте ДНР по однократно либо по неоднократно в течение одного года проведенным валютным операциям должна превышать шесть миллионов рублей. Российское законодательство не криминализирует подобное деяние. Однако правоприменителю ДНР следует воспринять практику российских судов по привлечению лиц к административной ответственности за нарушение порядка репатриации. В частности, следует обратить внимание на Определение Конституционного суда Российской Федерации от 19.05.2009 № 572-О-О, где отмечено, что в случае совершения анализируемого правонарушения вина выражается в том, что субъектом не были приняты необходимые, разумные и достаточные меры для взыскания задолженности по внешнеторговому контракту или для обеспечения репатриации валютной выручки [15]. Постановлением Президиума Высшего

арбитражного суда Российской Федерации от 30.03.2010 № 15970/09 разъяснено, что состав валютного административного правонарушения отсутствует в таких случаях:

- если отсутствуют факты противоправного поведения резидента, которым последний препятствовал получению валютной выручки на свои банковские счета в уполномоченных банках;
- если резидент принял зависящие от него меры, направленные на получение валютной выручки [16].

Очевидно, что категории «необходимые, разумные и достаточные меры», «зависящие от лица меры» являются оценочными. В связи с этим, при определении наличия вины субъекта административного правонарушения по ст. 15.25 КоАП РФ особое значение приобретает анализ судебной практики.

И.Р. Дудиева по результатам такого анализа определила, что необходимыми мерами, направленными на своевременное получение от иностранного контрагента выручки по внешнеторговым контрактам, является, в частности, направление претензионных писем иностранным контрагентам с требованием об уплате задолженности. При этом такое письмо должно быть направлено до истечения срока оплаты, предусмотренного контрактом, и, как правило, не должно быть единичным. Отсутствие вины резидента имеет место в случае банкротства иностранного контрагента, несвоевременной оплаты контракта нерезидентом при отсутствии фактов противоправного поведения резидента и т.д. [17, с. 160-161].

Вышеизложенное позволяет говорить о правоприменительных трудностях привлечения к ответственности лиц за нарушение порядка репатриации, что должно быть учтено судебными инстанциями ДНР и воспринято законодателем с целью возможного усовершенствования диспозиции ст. 214 Уголовного кодекса ДНР.

Выводы по данному исследованию. В результате проведенного в данной научной статье анализа актуальных вопросов валютного контроля и ответственности за нарушение валютного законодательства в ДНР автор пришёл к следующим результатам:

- определено, что основным направлением совершенствования института валютного контроля в ДНР должна стать разработка единообразных подходов к организации и проведению органами валютного контроля ДНР контрольных

мероприятий за соблюдением требований валютного законодательства;

– обоснована необходимость принятия Закона ДНР, предметом регулирования которого станут вопросы валютного регулирования и контроля. В таком законе необходимо чётко обозначить органы, осуществляющие валютный контроль, определить их полномочия, дать нормативное определение понятию «валютное правонарушение». Также существует необходимость в принятии нормативных актов, устанавливающих требования к репатриации валюты, порядку открытия и использования счетов за пределами ДНР и т.д.;

– поддержана позиция о нецелесообразности одновременного вменения виновным лицам двух видов ответственности (административной/уголовной и финансовой) за совершение одного валютного правонарушения. Оптимальным решением данной проблемы, на наш взгляд, является отмена института финансовой ответственности в сфере валютного контроля, отнесение соответствующих правонарушений к числу административных по примеру РФ;

– обоснована необходимость при привлечении лиц к уголовной ответственности по ст. 214 Уголовного кодекса ДНР использовать практику российских судов по привлечению лиц к административной ответственности за нарушение порядка репатриации, в частности в вопросах установления субъективной стороны.

Список использованных источников

1. Плотникова Н.В. Методы валютного контроля и направления их совершенствования / Н.В. Плотникова // Финансы, денежное обращение и кредит. Экономические науки. – 2014. – № 9. – С. 265-268.

2. Подосинников Е.Ю. Валютный контроль: понятие, сущность и роль в системе валютного регулирования / Е.Ю. Подосинников // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. – 2016. – № 3 (8). – С. 16-20.

3. О применении Законов на территории ДНР в переходный период: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1 / ГИС НПА ДНР [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnra-dnr.ru/nra/0003-9-1-2014-06-02/>.

4. Про систему валютного регулювання і валютного контролю: Декрет Кабінету Міністрів України від 19.02.1993 № 15-93 // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 17. – Ст. 184.

5. О Центральном Республиканском Банке Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 26.04.2019 № 32-ПНС / Сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-tsentralnom-respublikanskom-banke-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

6. О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере: Указ Президента РФ от 02.02.2016 № 41 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 6. – Ст. 831.

7. Семёнов К.О. К вопросу о взаимодействии налоговых и таможенных органов при осуществлении валютного контроля / К.О. Семёнов // Актуальные вопросы валютного контроля в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции. – Саратов, 2017. – С. 175-181.

8. Панов А.Б. Валютные правонарушения: как же с ними быть / А.Б. Панов // Российский судья. – 2012. – № 3. – С. 27-30.

9. Артёмов Н.М. Проблемы и перспективы правового регулирования валютной ответственности в Российской Федерации / Н.М. Артёмов // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 7-13.

10. О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4859.

11. Про порядок здійснення розрахунків в іноземній валюті: Закон України від 23.09.1994 № 185/94-ВР // Законодавство України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z018500.html.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

13. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 07.12.1984 № 8073-Х // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1984. – № 51. – Ст. 1122.

14. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 // Сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Контактор» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 части 1 статьи 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» и частью 4 статьи 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 572-О-О // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision29406.pdf>.

16. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 30.03.2010 № 15970/09 / Сайт Высшего арбитражного суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alppp.ru/court/vysshie-sudy/03-2010/postanovlenie-prezidiuma-vas-rf-ot-30-03-2010--1707409-podelu--a40-7318208-19-483.html>.

17. Дудиева И.Р. Отсутствие вины лица в совершении валютного правонарушения / И.Р. Дудиева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2015. – № 4. – С. 159-161.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТРУДОВОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

*Карабут Л.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Юридического института
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Владимира Даля»*

Общие положения, которые определяют сущность различных видов юридической деятельности, отмечаются определёнными особенностями. Содержание последних зависит от специфики области общественных отношений, в которой осуществляется деятельность [1, с. 5]. Не являются исключением в этом плане и трудовые отношения, а также один из их элементов – процессуальное производство по делам, вытекающим из трудовых правоотношений как разновидность общего юрисдикционного процесса.

Статья посвящена анализу содержания процессуального производства по делам, вытекающим из трудовых правоотношений как одного из элементов обеспечения трудовых прав и свобод граждан. Проанализированы компоненты системы трудового процессуального производства, охарактеризованы общие требования, предъявляемые к процессуальным документам, раскрыты особенности процесса доказывания и др. Делается вывод о том, что основным документом в процессе проведения отдельных процессуальных действий на всех стадиях и этапах трудового процессуального производства являются процессуальные акты.

Ключевые слова: *трудовое право, юридический процесс, процессуальное производство, трудовое процессуальное производство, процессуальные акты, спор, конфликт, стороны трудового конфликта, юрисдикционный орган, доказывание, доказательства, процессуальные документы, решение юрисдикционного органа.*

General provisions that define the essence of different types of legal activity are marked by certain features. The content of the latter depends on the specifics of the field of social relations in which the activity is carried out [1, p. 5]. Labour relations are not an exception in this respect, and one of their elements is procedural proceedings in cases arising from labour relations, as a kind of General jurisdictional process.

The article is devoted to the analysis of the content of procedural proceedings in cases arising from labor relations as one of the elements of ensuring labor rights and freedoms of citizens. Analyzed system components labor procedure described General requirements applicable to procedural documents, the features of the process of proof, etc. it Is

concluded that the basic document in the process of carrying out separate procedural actions at all stages of the employment procedure are procedural regulations.

Keywords: labour law, legal process, procedure, production, human production procedure, procedural acts, dispute, conflict, labor conflict, jurisdictional authority, proof, evidence, procedural documents, the decision of the judicial body.

Постановка задачи. В процессе создания нового независимого государства – Луганской Народной Республики – важная роль отводится обеспечению прав и свобод граждан. Одним из основных конституционных прав каждого жителя республики является «...право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род, деятельность и профессию» [2, ст. 30].

Уже сегодня в Луганской Народной Республике имеется развёрнутая процессуальная регламентация этой деятельности, именуемая юридическим процессом. Важным элементом юридического процесса является процессуальное производство, которое представляет собой системное образование, комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных процессуальных действий [3, с. 90].

Анализ последних исследований и публикаций. Во второй половине XX – начале XXI века дискуссия классической и социологической школ трудового права по вопросам юрисдикционной деятельности, природы и критериев трудовых споров и конфликтов велась на страницах учебников и монографий учёными Российской Федерации А.М. Куренным, А.М. Лушниковым, А.Ф. Нуртдиновой, М.В. Лушниковым, М.Ю. Тихомировым, Ю.П. Орловским и др. В изучение проблемы трудовых процессуальных отношений весомый вклад внесли учёные-правоведы Луганской Народной Республики: Л.И. Лазор, В.В. Лазор, И.И. Шамшина и др.

Актуальность. К сожалению, и правовая природа, и нормативное оформление трудового процессуального производства до сих пор вызывают различные, весьма противоречивые интерпретации и оценки. Изложенное свидетельствует о наличии научной проблемы, содержание которой заключается в необходимости определения на основании анализа и исследования сути общих положений трудовой процессуальной деятельности в условиях создания отечественной системы трудового процессуального законодательства по делам, вытекающим из

трудовых правоотношений. До сих пор научные дискуссии вызывают вопросы ответственности участников трудовых споров.

Целью данной статьи называем конкретизацию условий исполнения решений в трудовом процессуальном праве.

Изложение основного материала исследования. В соответствии со ст. 38 Конституции Луганской Народной Республики, гарантируется защита прав и свобод человека и гражданина. Это является обязанностью государства [2, ст. 38].

Издавая норму права, государство предусматривает необходимые гарантии, в том числе способы и формы защиты прав, свобод и законных интересов, охраняемых принятой нормой. Неслучайно в трудовом праве вопросы защиты прав работников и работодателей занимают важное место. Во-первых, защита представляет собой весьма ёмкий элемент системы трудового права, состоящий из отдельных его институтов. Во-вторых, её определяют принудительным способом осуществления в установленном законом порядке субъективного права. В этом смысле она получила название стадии осуществления субъективного права. В-третьих, защита прав, свобод и законных интересов рассматривается как совокупность правовых средств, направленных на пресечение правонарушений, восстановление нарушенного права, устранение препятствий в реализации отдельными субъектами принадлежащих им прав и свобод [4, с. 480]. Нельзя не отметить, что действующее законодательство употребляет два правовых термина: «защита права» и «право на защиту» – понятия, которые разнятся между собой как по содержанию, так и по объёму [4, с. 480-481].

Согласно ч. 1 ст. 38 Конституции Луганской Народной Республики, каждому гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина Луганской Народной Республики, в том числе права на труд. В соответствии с ч. 2 ст. 38 Конституции Луганской Народной Республики, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом. Одновременно в силу ч. 1 ст. 39 Конституции Луганской Народной Республики, ч. 3, ст. 389 Трудового Кодекса Луганской Народной Республики, одним из основных принципов трудового права провозглашено обеспечение права каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, включая судебную защиту [2, ст. 39; 5, ч. 3, ст. 389]. Следовательно, под способами защиты прав, свобод и

законных интересов работников понимаются правовые средства, применение которых направлено на предупреждение, пресечение правонарушений, восстановление нарушенного права и (или) компенсацию иным способом вреда, вызванного правонарушением.

Известны три вида защиты субъективных прав, свобод и законных интересов: судебная, досудебная и внесудебная. Как усматривается из их названия, судебная защита применяется исключительно органами судебной власти. Досудебная и внесудебная защита осуществляется иным способом (без участия судов). При этом досудебная защита предшествует (может предшествовать как альтернативная) судебной защите [4, с. 482].

В ходе защиты субъективных прав, свобод и законных интересов возникают правоотношения, одним из субъектов которых, как правило, выступает уполномоченный (компетентный) на то орган (исключение составляет самозащита). Такие правоотношения в теории права именуется охранительными. Судебную защиту прав, свобод и законных интересов как работников, так и работодателей обеспечивают судебные органы власти.

Юрисдикционные органы, включая органы надзора и контроля, осуществляют свою деятельность по защите прав, свобод и законных интересов субъектов трудового права в установленном законом порядке, т.е. в определённых формах, включая формы процессуального характера [4, с. 483]. Судебная защита прав, свобод и законных интересов участников трудовых, и непосредственно связанных с трудовыми, отношений регулируется нормами ГПК ЛНР, АК ЛНР и КАС ЛНР.

Трудовое процессуальное производство образует особую совокупность процессуальных правоотношений, отличающихся предметной характеристикой и связанностью с материальными правоотношениями в сфере трудового права. Оно предполагает установление, доказывание, а также обоснования всех обстоятельств и фактических данных рассматриваемого индивидуального или коллективного трудового разногласия (спора или конфликта). Целью рассматриваемого производства является принятие и официальное оформление юрисдикционным органом полученных процессуальных результатов в соответствующих актах-документах с последующей их реализацией сторонами трудового спора или конфликта.

Любое процессуальное производство характеризуется достаточно сложной структурой. Система трудового процессуального производства объединяет в себе четыре органично связанных между собой компонента: процессуальные документы; процессуальное доказывание; процессуальные акты; реализация принятого решения [6, с. 76].

Процессуальные документы являются основой процессуального производства, а также эффективным средством фиксации процессуальных действий. При уяснении сущности и значения процессуальных документов в трудовом процессе необходимо учитывать требование закона о том, что в сфере судопроизводства весь ход и результаты проведения каждого процессуального действия или принятого решения по делу письменно закрепляются (отражаются, фиксируются) в определённых актах – процессуальных документах.

В нормах трудового процессуального права в настоящий момент не сформулированы общие требования, которым должны соответствовать процессуальные документы при разрешении трудовых споров и конфликтов. Однако все документы в трудовом процессуальном производстве, независимо от полноты их регламентации в законодательстве, должны отвечать общим требованиям к процессуальным документам, а именно:

1. Законность составления. Любой процессуальный документ должен соответствовать требованиям закона как по наименованию и форме, так и по содержанию: он должен составляться уполномоченным на то лицом при наличии предусмотренных законом оснований и в соответствии с установленными правилами. Если в законе закреплены обязательные реквизиты документа, то они должны быть полностью соблюдены, со ссылкой на процессуальные нормы, предусматривающие составление такого документа.

2. Объективность и достоверность. Процессуальный документ должен соответствовать по своему содержанию фактическим обстоятельствам, установленным по делу, основываться на достоверных данных, имеющих отношение к разрешаемому вопросу, а формулируемые в нём выводы – соответствовать собранным доказательствам и не противоречить друг другу.

3. Логичность документа. Излагаемые в процессуальных документах суждения, выводы, утверждения должны

соответствовать основным законам формальной логики. Все суждения должны быть доказанными, а выводы – мотивированными и логически состоятельными.

4. Юридическая безупречность и ясность. Процессуальный документ должен быть исполнен юридически грамотно и безупречно, каждый вывод или суждение – соответствовать действующему закону и основываться на современном уровне правовых познаний [7, с. 5-6].

Как указывалось ранее, в соответствии со ст. 389 Трудового кодекса Луганской Народной Республики, каждый имеет право защищать свои трудовые права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом, с учётом положений раздела XIII Трудового кодекса Луганской Народной Республики.

Основанием для возбуждения трудового процессуального производства является действие заинтересованного лица, состоящее в обращении к суду за защитой прав и законных интересов. Согласно ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Луганской Народной Республики, заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов [8, ст. 3].

Любое трудовое процессуальное производство начинается принятием юрисдикционным органом от заинтересованной стороны соответствующего заявления или иного процессуального документа. Именно таким документом фиксируется волевое действие, инициирующее трудовые процессуальные отношения. Без документально оформленной инициативы одной из сторон возникновение трудовых процессуальных отношений невозможно. К процессуальным документам в рамках трудового процессуального производства относятся также различные ходатайства, отводы и т.п.

Доказывание, возникающее из трудовых споров, представляет собой регламентированную трудовым процессуальным законодательством деятельность сторон трудового спора или конфликта, их представителей и юрисдикционного органа при участии других субъектов трудового процессуального права по собиранию, проверке и оценке фактических данных об обстоятельствах, установить которые необходимо для правильного разрешения трудового разногласия.

Процесс доказывания включает в себя несколько последовательных этапов: 1) определение круга фактов, подлежащих установлению; 2) собирание и процессуальное закрепление доказательств; 3) исследование доказательств, включая их проверку; 4) оценку доказательств [9, с. 125-126].

При рассмотрении трудовых споров могут быть использованы все средства доказывания, полученные в установленном законом порядке. Наиболее применяемыми доказательствами по делу, вытекающему из трудовых правоотношений, являются документы (письменные доказательства).

Наличие или отсутствие трудовых правоотношений в связи с поданным иском определяется судом, прежде всего, на основании письменных доказательств: трудовом договоре, приказе о приёме на работу, записи в книге учёта движения трудовых книжек и вкладышей в них и др. Наиболее оптимальной, на наш взгляд, является следующая классификация доказательств по трудовым спорам.

В зависимости от формы: письменные (документы) и устные (показания свидетелей).

По источнику получения: вещественные (источником информации являются предметы: аудио- и видеозаписи) и личные (источником информации являются люди: заключение эксперта; объяснения сторон).

По степени связи между доказательством и фактом: прямые и косвенные.

По способу образования доказательств: первоначальные (доказательства, полученные от первоисточника) и производные (воспроизводят содержание первоначального доказательства).

Сведения о фактах, относимых к делу, могут играть роль доказательств только при условии, что они получены в предусмотренном законом порядке, из законных источников. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда.

Основными субъектами процессуального доказывания в рамках трудового процессуального производства являются стороны разногласия и юрисдикционный орган. Стороны трудового разногласия предпринимают действия по сбору и предоставлению на рассмотрение юрисдикционного органа соответствующей

доказательственной базы, подтверждающей обоснованность их правовой позиции при разрешении трудового спора или конфликта, участвуют в исследовании доказательств, предпринимают попытки их опровержения. Юрисдикционным органом производится определение круга фактов, подлежащих установлению для принятия законного и обоснованного решения. На юрисдикционный орган возлагается полномочие решения вопроса относимости доказательств в трудовом процессуальном производстве путём логического анализа, может ли представленное или указанное доказательство своим содержанием подтвердить или опровергнуть факты, имеющие значение для дела [10, с. 88].

Юрисдикционный орган является основным субъектом исследования и оценки доказательств. Именно от оценки доказательств юрисдикционным органом зависит их значение для отстаивания той или иной правовой позиции в процессе. Кроме того, юрисдикционный орган может участвовать и в сборе доказательственной базы путём истребования необходимых сведений, документов и т.п.

Процессуальный акт в трудовом процессуальном производстве – это форма властного волеизъявления юрисдикционного органа или совместного волеизъявления сторон коллективного трудового разногласия, которым на основе юридических норм устанавливаются права, обязанности и меры ответственности для участников конкретных трудовых процессуальных отношений.

В отличие от нормативно-правового акта, процессуальный акт всегда носит персонифицированный характер, то есть его действие распространяется на строго определённый круг субъектов, каждый из которых персонально указан в процессуальном акте. Процессуальными актами оформляется открытие производства по делу, истребование необходимых документов, привлечение к делу факультативных участников процесса (таких как переводчики, эксперты, свидетели и т.п.).

Решение юрисдикционного органа по существу рассматриваемого дела также оформляется соответствующим процессуальным актом. Процессуальные акты в процессуальном производстве, вытекающем из трудовых правоотношений, всегда выступают в качестве своеобразных юридических фактов,

обусловливающих возникновение, изменение и прекращение определённых процессуальных прав и обязанностей.

Процессуальные акты в производстве по трудовым спорам подразделяются на отдельные виды по различным признакам. Основными критериями их классификации в процессуальном праве являются: степень применимости и функциональная направленность.

По степени применимости акты в трудовом процессуальном производстве делятся на:

1) обязательные – акты, которые составляются по каждому трудовому делу, вне зависимости от субъектного состава, фактических обстоятельств трудового спора или конфликта и других факторов. Обязательными процессуальными актами являются акты, которыми фиксируется открытие производства по делу и его прекращение (решение КТС о принятии к рассмотрению заявления работника, определение суда о принятии к рассмотрению искового заявления одной из сторон трудового договора, акт о создании примирительной комиссии, определение суда о прекращении производства по делу в связи с заключением мирового соглашения между работником и работодателем и т.п.);

2) факультативные – те процессуальные акты, составление которых зависит от конкретных обстоятельств трудового спора или конфликта (определение юрисдикционного органа о проведении экспертизы, определение об удовлетворении заявленного ходатайства, определение об истребовании или об обеспечении доказательств и т.п.).

По функциональной направленности процессуальные акты в трудовом процессуальном праве подразделяются на такие виды:

1) промежуточные акты – это акты, способствующие достижению конечной цели и реализации основных функций трудового процессуального производства в каждом конкретном деле. Они составляют вспомогательный механизм защиты прав и интересов посредством трудовой процессуальной формы: определение суда о принятии трудового спора к рассмотрению, различные определения о проведении экспертизы, вызове свидетелей, истребовании доказательств и т.п.;

2) информационные акты – это акты, в которых содержатся сведения о ходе трудового процессуального производства, а также об условиях, необходимых для его эффективного развития. К

информационным актам относятся различные справки – о судебных издержках; о расходах, связанных с рассмотрением коллективного трудового спора в трудовом арбитраже и т.п.;

3) заключительные акты – это акты, которыми оформляются решения юрисдикционных органов по существу рассматриваемого дела. Такие акты имеют важнейшее значение в трудовом процессуальном производстве, поскольку они содержат итоговую оценку всего хода разбирательства по возникшему трудовому спору или конфликту и выступают формой реализации правосудия по трудовому разногласию.

Реализация принятого решения является заключительной стадией трудового процессуального производства. Существует два вида реализации принятого решения по трудовым спорам и конфликтам: добровольное исполнение решения сторонами разногласия и принудительное исполнение решения юрисдикционного органа.

Добровольное исполнение решения по трудовому разногласию (спору или конфликту) сторонами предполагает наличие определённого уровня правосознания у сторон трудового спора или конфликта. Этот уровень характеризуется:

а) признанием целесообразности и обоснованности решения, вынесенного юрисдикционным органом;

б) осознанием необходимости правомерного поведения в отношении реализации правовых результатов процессуального разбирательства.

Принудительное исполнение решения по делу в рамках трудового процессуального производства применяется в случае, когда одна из сторон трудового разногласия уклоняется от добровольного исполнения решения. В трудовом процессуальном праве предусмотрено принудительное исполнение не только судебных решений по трудовым делам, но и решений, принимаемых юрисдикционным органом на предприятии – комиссией по трудовым спорам.

Выводы. Таким образом, исходя из изложенного, формулируем особенность принудительного исполнения решения в трудовом процессуальном праве – оно может быть реализовано только по инициативе заинтересованной стороны. Если решение юрисдикционного органа не исполняется в добровольном порядке, но заинтересованная сторона не обращается в исполнительную

службу для принудительного исполнения решения, то реализация принятого решения не происходит. Однако принудительное исполнение решений предусмотрено в отношении индивидуальных трудовых споров и конфликтов. Акцентируем, что решения, принимаемые внесудебными органами по рассмотрению коллективных трудовых споров и конфликтов, принудительному исполнению не подлежат.

Список использованных источников

1. Карабут Л.В. Загальні положення кримінальної процесуальної діяльності: монографія / Л.В. Карабут; МВС України, Луганський держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка. – Луганськ: РВВ ЛДУВС ім. Е.О. Дідоренка, 2014. – С. 375-422.

2. Конституция Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/>.

3. Теория юридического процесса / под общ. ред. проф. В.М. Горшенева. – Харьков: Вища Школа, 1985. – 192 с.

4. Трудовое право России / под ред. д-ра юрид. наук, профессора А.М. Куренного. – 3 изд., перераб. и доп. – М.: ООО «Проспект», 2015. – 614 с.

5. Трудовой кодекс Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/980/>.

6. Плахотіна Н.А. Підвідомчість трудових спорів і конфліктів у вітчизняному процесуальному провадженні / Н.А. Плахотіна // Актуальні проблеми права: теорія і практика. Збірник наукових праць. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля. – 2010 – № 18 – С. 75-81.

7. Данилова СИ. Уголовное дело № 095. История одного преступления в документах: учебно-практическое пособие / С.И. Данилова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 144 с.

8. Гражданский процессуальный кодекс Луганской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glava-lnr.info/dokumenty/kodeksy/kodeks-grazhdanskiy-processualnyy-kodeks-luganskoj-narodnoy-respubliki>.

9. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х томах. Т. 2 / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.

10. Плахотіна Н.А. Питання відношуваності та допустимості доказів при розгляді трудових спорів та конфліктів / Н.А. Плахотіна // Актуальні проблеми права: теорія і практика. Збірник наукових праць. – Луганськ: Вид-во СЛУ ім. В.Даля. – 2012. – № 24. – С. 88-93.

УДК 349.222

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА

Лазор И.В.,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин*

Юридического института

*ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Владимира Даля»*

Проведён анализ правовой сущности понятий «социальное партнёрство», «коллективно-договорное регулирование наёмного труда», «коллективные правоотношения», «коллективный договор», «формы социального партнёрства». Определено соотношение указанных правовых категорий. Разработана дефиниция социального партнёрства. Обосновано аксиологическое значение коллективного договора в системе социального партнёрства. Внесены предложения по совершенствованию трудового законодательства.

Ключевые слова: *социальное партнёрство, коллективный договор, коллективные правоотношения, коллективно-договорное регулирование труда, формы социального партнёрства.*

The analysis of the legal essence of the concepts of «social partnership», «collective-contractual regulation of wage labour», «collective legal relations», «collective agreement», «forms of social partnership» was carried out. The ratio of these legal categories is determined. The definition of social partnership is developed. The axiological significance of the collective agreement in the system of social partnership is justified. Suggestions for improving labour legislation have been submitted.

Keywords: *social partnership, collective agreement, collective legal relations, collective-contractual regulation of labour, forms of social partnership.*

Постановка задачи. В настоящее время одной из важнейших задач трудового права является достижение баланса интересов сторон трудовых правоотношений в целях эффективного развития национальной экономики и обеспечения социального мира в обществе. Решение этой задачи невозможно без участия самих заинтересованных субъектов, то есть работников и работодателей, что обуславливает актуальность коллективно-договорного регулирования наёмного труда.

Анализ последних исследований и публикаций. Различные аспекты правового регулирования коллективно-договорных отношений между работниками и работодателем (работодателями) активно исследуются в современной правовой науке, что можно видеть в научных работах таких авторов как: К.Н. Гусов, И.Я. Киселёв, А.М. Куренной, Л.И. Лазор, В.М. Лебедев, А.М. Лушников, М.В. Лушникова, Н.Л. Лютов, С.П. Маврин, А.С. Пашков, Н.А. Плахотина, А.И. Ставцева, В.Н. Толкунова, Е.Б. Хохлов, И.И. Шамшина, А.И. Шебанова и др.

Актуальность. Между тем, многие вопросы в данной сфере являются дискуссионными и, в частности, не отражают единства взглядов учёных на значение коллективного договора в системе социального партнёрства, а также на ряд понятийных категорий. Аксиологическое значение коллективного договора в системе социального партнёрства адекватным образом не определено ни в законодательстве, ни в научной литературе. Поэтому актуальным остаётся научный поиск способов развития социального партнёрства и достижения баланса интересов работодателя и работников в условиях становления и развития национальной экономики.

Целью данной статьи является проведение анализа правовой сущности понятий «социальное партнёрство», «коллективно-договорное регулирование наёмного труда», «коллективные правоотношения», «коллективный договор», «формы социального партнёрства»; определение соотношения указанных правовых категорий; а также обоснование аксиологического значения коллективного договора в современной системе социального партнёрства.

Изложение основного материала исследования. В науке трудового права и, что ещё важнее, в трудовом законодательстве в настоящее время нет однозначности в понимании вышеназванных

категорий. Так, Трудовой кодекс Луганской Народной Республики (далее – ТК ЛНР) в качестве задач трудового законодательства указывает правовое регулирование отношений по «социальному партнёрству, ведению коллективных переговоров, заключению коллективных договоров и соглашений» [1, ст. 1]. Из данного предписания логично можно сделать вывод, что законодатель рассматривает социальное партнёрство, коллективные переговоры и заключение коллективных договоров и соглашений как самостоятельные правовые явления. Далее в этой же статье кодифицированного источника трудового права закреплено, что задачей трудового законодательства является регулирование отношений по «участию работников и профессиональных союзов в установлении условий труда и применении трудового законодательства в предусмотренных законом случаях». Заметим, что аналогичные задачи трудового законодательства указаны и в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) [2, ст. 1].

Но, как справедливо было отмечено профессором Л.И. Лазор, в условиях рыночных отношений целью трудового права является необходимость, с одной стороны, в полной мере выполнять защитную функцию в отношении работников, а с другой – предоставить работодателю возможность эффективного развития производства [3]. Реалии рыночных отношений, подчёркивает Н.А. Плахотина, обуславливают соответствующее развитие функций трудового права, ведь правовое регулирование общественных отношений по применению наёмного труда сейчас должно активнее учитывать не только права и интересы работников, но и другой стороны трудового правоотношения – работодателя [4, с. 182]. Из указанных научных позиций и анализа норм трудового законодательства следует, что участие работников и профсоюзов «...в установлении условий труда и применении трудового законодательства» не может осуществляться помимо воли работодателя. Практически оно реализуется в рамках коллективно-договорных отношений, когда коллективный субъект – трудовой коллектив непосредственно либо в лице своего представительного органа (профсоюза) – достигает договорённости с работодателем по вопросам установления условий наёмного труда и особенностей применения наёмного труда у данного работодателя.

В науке трудового права обоснованно утверждают, что наличие хотя бы одного сложного коллективного субъекта (а трудовой коллектив и профессиональные союзы являются именно такими субъектами) относит правоотношение к разряду коллективных правоотношений в трудовом праве. И такими коллективными правоотношениями, по мнению профессора И.И. Шамшиной, являются социально-партнёрские отношения (или иначе – организационно-управленческие правоотношения) [5, с. 26]. Как видно, названный автор считает, что социально-партнёрские отношения идентичны организационно-управленческим правоотношениям. Данная позиция заслуживает внимания. Организационно-управленческие правоотношения, как известно из теории трудового права, сопутствуют трудовым отношениям. Основанием их возникновения является сам факт использования наёмного труда. А их сторонами выступают сами заинтересованные лица – работники и работодатели [6, с. 103-104]. Названные стороны стремятся достигнуть соглашения относительно условий труда и участия работников в решении социально-производственных вопросов. Как видно, посредством коллективных правоотношений стороны договариваются, стремятся согласовать свои интересы, т.е. сотрудничают. А в соответствии со словарным определением, социальное партнёрство – это сотрудничество между органами государственной власти и представителями сторон трудовых отношений с целью развития экономики, улучшения условий труда и повышения жизненного уровня трудящихся [7, с. 448].

Из вышесказанного можно сделать логический вывод, что участие работников в установлении условий труда и применении трудового законодательства является, по сути, результатом социального партнёрства, которое реализуется посредством коллективно-договорных отношений.

Заметим, что статья 2 ТК ЛНР в числе основных принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений закрепляет: «социальное партнёрство, включающее право на участие работников, работодателей, их объединений в договорном регулировании трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». Из смысла данной нормы вытекает, что участие работников, работодателей и их объединений в

регулировании отношений по применению наёмного труда является составной частью социального партнёрства.

Следует также обратить внимание на то, что в соответствии с разделом II ТК ЛНР, социальное партнёрство признаётся самостоятельным институтом трудового права, а коллективный договор – лишь составным элементом социального партнёрства. И при этом, как уже было сказано, законодательно социальное партнёрство провозглашается в качестве принципа правового регулирования общественных отношений по применению наёмного труда. А, как известно из теории права, правовые принципы – это руководящие идеи, исходные начала, на которых базируется правовое регулирование. И если социальное партнёрство провозглашается законом принципом современного трудового права, то важно, чтобы понятие социального партнёрства было чётким и однозначным. Вместе с тем, необходимо констатировать, что в современной правовой науке существуют различные взгляды на понятие социального партнёрства.

Так, В.М. Лебедев считает, что социальное партнёрство – это то же самое, что и коллективное трудовое право, причём термин «коллективное трудовое право» является предпочтительным [8, с. 78]. Можно согласиться с указанным автором, что коллективность является неотъемлемым признаком социально-партнёрских отношений, поскольку в нём участвуют коллективные субъекты трудового права. Но при этом хотелось бы обратить внимание на то, что в нашей правовой системе отрасли права разграничиваются не по субъектному признаку, а по предмету и методу правового регулирования. В так называемом «коллективном трудовом праве» предметом регулирования выступают общественные отношения по применению наёмного труда (как и в трудовом праве вообще) и, более того, участниками этих отношений являются только лишь лица, состоящие в трудовых правоотношениях. Поэтому выделять «коллективное трудовое право» как самостоятельное правовое явление представляется нецелесообразным.

Заметим, что коллективный договор, который по сути является ядром коллективно-договорных отношений на уровне организации, заключается между работодателем и организованной множественностью лиц, каждое из которых состоит с этим работодателем в трудовом правоотношении (т.е. является

работником). Надо согласиться с классическим подходом науки трудового права: есть трудовые правоотношения, занимающие центральное место в трудовом праве, и есть иные правоотношения, тесно связанные с трудовыми и не существующие вне этой связи, в силу чего эти правоотношения и входят в предмет трудового права. Коллективно-договорное регулирование труда, направленное на достижение согласия работников и работодателя (работодателей) по вопросам установления условий наёмного труда и управлением им, является неразрывно связанным с трудовыми правоотношениями, в которых состоят субъекты коллективно-договорного регулирования, и касается трудовых прав и обязанностей именно этих субъектов. Следовательно, социально-партнёрские отношения, являясь по своей сущности коллективными отношениями и, одновременно, организационно-управленческими правоотношениями, являются тесно связанными с трудовыми правоотношениями.

Из вышесказанного следует, что социальное партнёрство можно ассоциировать с коллективно-договорным регулированием труда, но не с коллективным трудовым правом.

Российские учёные профессор А.М. Лушников и профессор М.В. Лушникова настаивают на том, что «социальное партнёрство следует рассматривать как правовой механизм регулирования коллективных трудовых отношений, включающий регулятивную и охранительную части» [9, с. 85]. Анализируя данную позицию, следует согласиться с тем, что социальное партнёрство действительно включает в себя и регулятивный, и охранительный аспекты. Вместе с тем, исходя из теории права, необходимо подчеркнуть, что правовой механизм – это совокупность средств и способов воздействия на объект регулирования или, иначе, система юридических способов, с помощью которых осуществляется правовое регулирование. И элементами правового механизма являются: норма права, субъекты, правоотношения, акты реализации [10, с. 401]. В силу сказанного, рассматривать социальное партнёрство как механизм регулирования коллективных трудовых отношений, представляется не вполне целесообразным. А.М. Лушников и М.В. Лушникова совершенно справедливо утверждают, что «...коллективные (социально-партнёрские) правоотношения по своей природе являются производными от трудового правоотношения. Их субъектами

выступают коллективные субъекты (профсоюзы, союзы работодателей, коллективы работников) в лице своих представителей, а также иные участники...» [9, с. 85]. Как видно, названные авторы в данном случае ассоциируют социально-партнёрские правоотношения с коллективными правоотношениями, акцентируя внимание на участии в них коллективных субъектов. И это вызывает полное согласие.

Но в то же время, следует обратить внимание на то, что как раз само социальное партнёрство имеет свой правовой механизм. Исходя из вышеуказанных положений теории права, *правовой механизм социального партнёрства* включает в себя: 1) нормы права – то есть те законодательные предписания, которые устанавливают правовое поле, позволяющее работодателям и работникам сотрудничать в сфере применения наёмного труда; 2) субъекты – работодатель (работодатели) и работники в лице своих представителей (при этом сложный коллективный субъект выступает как минимум на одной стороне – при заключении коллективного договора); 3) правоотношения – это те коллективные отношения, в которых социальное партнёрство (сотрудничество) реализуется: по подготовке проектов и заключению коллективных договоров (соглашений), по разрешению коллективных трудовых споров и конфликтов и т.д.; 4) акты реализации – это документальное воплощение достигнутого сторонами социального партнёрства соглашения по значимым для них вопросам; такими актами реализации выступают: прежде всего, коллективный договор, который является базовой основой для всех иных форм сотрудничества работодателя и работников на локальном уровне, а также коллективные соглашения, протоколы согласования разногласий, протоколы взаимных консультаций и т.п.

Можно видеть, что социальное партнёрство – это сложное правовое явление, которое имеет свой правовой механизм и может воплощаться в различных формах.

Поэтому трудно согласиться с позицией, отражённой в научной литературе, когда, перечисляя формы социального партнёрства, закреплённые в статье 27 ТК РФ, авторы утверждают: «По сути, речь идёт опять же о правовом механизме реализации коллективных трудовых прав и обязанностей работниками (их представителями) и работодателями (их представителями), а равно

защите этих прав в примирительно-посредническом порядке» [9, с. 86-87].

Хотелось бы обратить внимание на то, что коллективные трудовые права работников (как и работодателей – в случае их объединения) не носят самостоятельного характера, а возникают по волеизъявлению заинтересованных субъектов для совместной защиты своих трудовых прав и интересов. Таким образом, коллективные трудовые права (и возникающие вследствие их осуществления коллективные обязанности) носят обслуживающий характер применительно к трудовым правам и интересам основных субъектов трудового права – работников и работодателей. Следовательно, в коллективных трудовых правоотношениях происходит не реализации коллективных трудовых прав работников и работодателей, а посредством этих правоотношений достигается *согласованность интересов* сторон в сфере применения наёмного труда, то есть происходит сотрудничество заинтересованных субъектов. А это, по сути, и является социальным партнёрством.

По мнению профессора С.П. Маврина и профессора Е.Б. Хохлова, социальное партнёрство выступает как способ регулирования социально-трудовых отношений между работниками (их представителями) и работодателями (их представителями), основывающийся на взаимном учёте интересов каждой из сторон, уважении этих интересов [11, с. 156]. Можно видеть, что в такой трактовке социальное партнёрство выступает в качестве принципа регулирования общественных отношений по применению наёмного труда в современных условиях.

Таким образом, социальное партнёрство следует рассматривать как принцип современного трудового права, определяющий базовую основу правового регулирования наёмного труда в условиях рыночных отношений и направленный на достижение баланса интересов сторон. Но, кроме того, можно сделать вывод, что социальное партнёрство – это самостоятельный институт трудового права, объединяющий нормы, направленные на коллективно-договорное регулирование общественных отношений по применению наёмного труда.

На основании проведённого исследования представляется также очевидной идентичность понятий «социальное партнёрство»

и «коллективно-договорное регулирование наёмного труда», поскольку «партнёрство» – это сотрудничество, достижение договорённости. И осуществляется это сотрудничество (достигается соответствующая договорённость) субъектами, один или оба из которых являются сложными коллективными субъектами трудового права, т.е. в процессе коллективных отношений.

Действующее трудовое законодательство (и ТК ЛНР, и ТК РФ), предусмотрев в кодифицированном источнике трудового права раздел II «Социальное партнёрство», по сути, признаёт институциональную сущность социального партнёрства. В отечественном законодательстве закреплена такая дефиниция: «Социальное партнёрство в сфере труда (далее – социальное партнёрство) – система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» [1, ст. 21].

Исходя из правовой природы социального партнёрства, представляется необходимым внести некоторые коррективы в легальное определение социального партнёрства, акцентировав внимание на том, что социальное партнёрство – это не просто «система взаимоотношений», а именно *сотрудничество* вышеуказанных субъектов по вопросам применения наёмного труда с целью достижения баланса их интересов. Акцент на сотрудничестве сторон как неотъемлемом признаке социального партнёрства имеет принципиальное значение, поскольку указывает на целевую направленность и сущность коллективно-договорного регулирования труда и вносит однозначность в понимание социального партнёрства как сложного правового явления.

Социальное партнёрство в современных условиях должно быть направлено на достижение конкретного результата. Поэтому для повышения в отечественной правовой системе эффективности коллективно-договорного регулирования труда необходимо чётко и однозначно закрепить в законодательстве понятие социального партнёрства, акцентировав внимание на его целевом предназначении. Для этого может быть использована такая

дефиниция: «*Социальное партнёрство* – это сотрудничество между работниками (в лице их представителей), работодателями (в лице их представителей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленное на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам применения наёмного труда».

Исходя из вышесказанного, следует внести коррективы в содержание статьи 25 «Формы социального партнёрства» ТК ЛНР. Часть первая этой статьи указывает, что социальное партнёрство осуществляется в форме «коллективных переговоров по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и заключению коллективных договоров, соглашений». В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что результатом социального партнёрства, т.е. его формой, является именно *коллективный договор* (либо коллективное соглашение – если социальное партнёрство осуществляется не на локальном уровне). А коллективные переговоры и разработка проекта коллективного договора (либо соответствующего коллективного соглашения) являются определёнными *стадиями* в процессе заключения коллективного договора (и коллективных соглашений), но никак не самостоятельными формами социального партнёрства. Форма – это то, в чём реализуется сотрудничество, а не сам процесс сотрудничества. Указание данных стадий в качестве *форм* социального партнёрства нивелирует сущность целевой направленности социального партнёрства и вносит неопределённость в понимание данной правовой категории.

Поэтому статья 25 ТК ЛНР должна однозначно устанавливать, что социальное партнёрство осуществляется, в первую очередь, в форме коллективных договоров, а также коллективных соглашений различного уровня.

Для однозначности понимания социального партнёрства и его сущности необходимо также усовершенствовать содержание статьи 1 ТК ЛНР, устанавливающей задачи трудового законодательства, закрепив, что задачей трудового законодательства является: «регулирование отношений по социальному партнёрству, содействие развитию и эффективности коллективно-договорного регулирования наёмного труда».

В научной литературе, характеризуя основные виды прав и свобод граждан, закреплённые на конституционном уровне

ведущих стран мира, отмечают, что «...права на коллективные действия в защиту своих интересов подразумевают права на объединение в профсоюзы, забастовку, заключение коллективных договоров, участие в управлении предприятиями» [12, с. 135]. Следует обратить внимание на то, что в системе общепризнанных прав человека экономически развитых зарубежных стран заключение коллективного договора рассматривается как самостоятельное действие, на которое имеют право лица наёмного труда. Коллективный договор не входит только лишь в сферу одного из направлений профсоюзной деятельности, а, напротив, его заключение признаётся самостоятельным коллективным правом трудящихся.

Безусловно, не вызывает сомнения то, что коллективный договор по своей сущности неотъемлем от социального партнёрства. Профессор А.М. Куренной отмечает: «Важнейшим и, одновременно, «сквозным» институтом трудового права является социальное партнёрство. ...Хочет каждая из сторон трудовых отношений или нет, но она просто обязана находить точки соприкосновения в тех случаях, где закон обязывает это делать, а там, где это напрямую не прописано, они должны опять-таки помнить о целях, задачах и принципах правового регулирования трудовых отношений, зафиксированных в трудовом законодательстве» [13, с. 10].

Как можно видеть из этой позиции, законодательные предписания, создающие правовое поле для социального партнёрства, имеют большое значение для достижения его эффективности и стимулирования его сторон к сотрудничеству. И центральное место в сотрудничестве сторон трудовых отношений занимает коллективный договор. ТК ЛНР содержит главу 7 «Коллективные договоры и соглашения», рассматривая коллективный договор в качестве элемента института социального партнёрства. При этом анализ соответствующих правовых предписаний ТК ЛНР позволяет сделать вывод, что аксиологическое значение коллективного договора в сфере социального партнёрства действующее трудовое законодательство отражает в недостаточной степени.

Так, статья 25 ТК ЛНР устанавливает, что социальное партнёрство осуществляется в формах: 1) коллективных переговоров по подготовке проектов коллективных договоров,

соглашений и заключению коллективных договоров, соглашений; 2) взаимных консультаций (переговоров) по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, обеспечения гарантий трудовых прав работников и совершенствования трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; 3) участия работников, их представителей в управлении организацией; 4) участие представителей работников и работодателей в разрешении трудовых споров. Характерно, что аналогичный правовой подход предусмотрен и в ТК РФ [2, ст. 27].

Российские учёные В.Л. Гейхман, Е.Н. Сидоренко отмечают, что среди форм социального партнёрства, предусмотренных в статье 27 ТК РФ, указаны «...прежде всего, коллективные переговоры по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и их заключение, которые в наибольшей степени обеспечивают взаимодействие сторон, содействуя наиболее полному согласованию интересов сторон договорного регулирования» [14, с. 120].

Хотелось бы обратить внимание на то, что, как уже было обосновано ранее, социальное партнёрство по своей сути является *сотрудничеством* между работодателем и работниками по вопросам применения наёмного труда. В правовой науке есть точка зрения, что «форма социального партнёрства – это способы осуществления социального партнёрства, конкретные виды взаимодействия сторон социального партнёрства в целях согласованного регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» [15, с. 76]. Но ведь, как видно из вышесказанного, взаимодействие сторон осуществляется именно для достижения *определённой цели*. Следовательно, формой сотрудничества между работодателем и работниками по вопросам применения наёмного труда надо считать всё же не сам процесс этого сотрудничества (коллективные переговоры, подготовка проекта коллективного договора и т.п.), а достигнутый результат – заключение коллективного договора. Здесь важно обратить внимание на то, что для конструктивного сотрудничества между работодателями и работниками на отраслевом, территориальном и республиканском уровне необходимым является опыт и навык такого сотрудничества названных субъектов на локальном уровне. Поэтому можно видеть, что важнейшей, основополагающей

формой социального партнёрства на современном этапе выступает коллективный договор.

Профессор Н.Л. Лютов, отмечая необходимость трансформации трудового права к современным экономическим отношениям, подчёркивает, что в новых условиях трудовое право не утратит своей актуальности, а будет перестраивать свои защитные нормы [16, с. 35]. Важно подчеркнуть, что эффективным инструментарием обеспечения, так сказать, «гибкости» трудового права выступает именно коллективный договор, позволяющий работодателю и работникам достичь баланса своих интересов с учётом темпов технического прогресса и динамических условий рыночной экономики.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что предусмотренные статьёй 25 ТК ЛНР в качестве формы социального партнёрства взаимные консультации работников и работодателя по вопросам применения наёмного труда, нуждаются в определённой регламентации. И документальной формой такой регламентации может (и должен) выступать коллективный договор. Представляется очевидным, что без закрепления в коллективном договоре процедуры проведения взаимных консультаций данная форма социального партнёрства не сможет «работать» на практике, а будет выступать неким декларативным предписанием.

Участие работников в управлении организацией (предприятием, учреждением) также должно регламентироваться в коллективном договоре. Такой правовой подход обеспечит, с одной стороны, реальную возможность реализации данной формы социального партнёрства, закрепив соответствующие способы и порядок её осуществления, а, с другой стороны, защит право хозяйской власти работодателя от необоснованного вмешательства.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Таким образом, как видно, коллективный договор не только является общепризнанным средством согласования позиций сторон трудовых правоотношений (т.е. работодателя и работников) по основополагающим вопросам применения наёмного труда на данном объекте, но и может выступать нормативно-правовой основой регулирования иных форм социального партнёрства.

Очевиден вывод, что коллективный договор в настоящее время имеет доминирующее значение в системе социального

партнёрства. Он является важнейшей, первоочерёдной формой социального партнёрства, что должно быть отражено в нормах трудового законодательства.

Подводя итог проведённому исследованию, следует констатировать, что для совершенствования правового регулирования социального партнёрства законодатель должен обеспечить однозначность и чёткость понятийных категорий в данной сфере. Кроме того, необходимо, чтобы аксиологическое значение коллективного договора в системе социального партнёрства было отражено законодательно – а именно, статья 25 ТК ЛНР в качестве формы социального партнёрства должна, прежде всего, указать коллективный договор, поставив его на первое место среди иных нормативно предусмотренных форм социального партнёрства. Такой правовой подход направлен на развитие социального партнёрства, а, следовательно, будет содействовать достижению баланса интересов работодателя и работников в современных рыночных условиях, развитию национальной экономики, социальному миру в обществе.

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Луганской Народной Республики: Официальное издание. – Луганск, 2015. – 315 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации (по состоянию на 10 октября 2015 г.). – М.: Проспект, 2015. – 256 с.
3. Лазор Л.І. Правове регулювання правосуб'єктності у сфері трудового права в ринкових умовах / Л.І. Лазор // Право України. – 2010. – № 12. – С. 108-114.
4. Плахотина Н.А. Функции трудового права и их соотношение с задачами трудового законодательства / Н.А. Плахотина // Актуальные проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов. – Луганск: Луганский университет им. Владимира Даля. – 2015. – № 33. – С. 180-188.
5. Шамшина І.І. Суб'єкти трудового права: правове регулювання в умовах ринкових відносин: монографія / І.І. Шамшина. – Луганськ: Література, 2010. – 448 с.
6. Лазор Л.И. Трудовое право: учебник в 2-х томах. Том 1 «Общая часть» / Л.И. Лазор, И.В. Лазор, Н.А. Плахотина, И.И. Шамшина; под общ. ред. проф. Л.И. Лазор. – Луганск: Изд-во Луганского национального университета им. В. Даля, 2017. – 464 с.

7. Словарь по трудовому праву / отв. ред. проф. Ю.П. Орловский. – М.: БЕК, 1998. – 600 с.
8. Трудовое право: учебник / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. – 464 с.
9. Лушников А.М. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития: монография / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – М.: ООО «Перспектив», 2015. – 272 с.
10. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.
11. Трудовое право России: учебник / под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2012. – 608 с.
12. Конституционное право зарубежных стран: учебник / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, М.В. Энтина. – М.: Норма, 2008. – 1056 с.
13. Куренной А.М. Трудовое право России: традиции и современные аспекты развития / А.М. Куренной // Доклады и выступления: Конференция, посвящённая 100-летию профессора Н.Г. Александра, 19-20 июня 2008 года. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М.: Издательский дом «Правоведение», 2008. – С. 6-11.
14. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв.ред. В.Я. Гейхман, Е.Н. Сидоренко. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 1143 с.
15. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. проф. А.М. Куренной, С.П. Маврин, Е.Б. Хохлов. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – 736 с.
16. Лютов Н.Л. Социально-трудовые права в современном мире / Н.Л. Лютов // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 10. – С. 32-37.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ НАРУШЕНИЕМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ

Матюшайтись Н.В.,

канд. юрид. наук,

доцент кафедры административного права

ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;

Мусейчук Д.Ю.,

студент группы Юр-18-1 кафедры хозяйственного права

ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Статья посвящена анализу понятия смертной казни, рассмотрению условий применения смертной казни и проблем, возникающих в данной сфере. Также рассматриваются данные проблемы в психологическом и философском аспектах.

***Ключевые слова:** смертная казнь, право на жизнь, право на смерть, проблемы смертной казни.*

The article is devoted to the analysis of the concept, approaches to the death penalty, consideration of conditions and problems. This problems is also studied in psychological and philosophical aspects.

***Keywords:** death penalty, the right to life, the right to death, problems of the death penalty.*

Постановка задачи. Отношение общества к смертной казни как мере наказания за совершённые человеком преступления традиционно является одним из наиболее дискутируемых вопросов во всём мире. Исключительно остро обсуждается он в России и Украине. Это происходит в кабинетах высших должностных лиц, на заседаниях законодательных органов страны, на улице и при встречах людей. Часть общества, не соглашаясь с авторитарным, как ей кажется, решением Президента приостановить вынесение приговоров о смертной казни судами, предлагает вынести этот вопрос на всенародный референдум с целью установления истинного отношения верховного суверена к нему. Внимательно следящие за ходом происходящих дискуссий не могут не обращать внимания на доминирование эмоций над разумом и реальными фактами при обсуждении этой действительно острой проблемы. Одни согласны за безусловную отмену смертной казни как высшей меры наказания, другие столь же непоколебимо готовы бороться за её восстановление и даже ужесточение.

Складывается впечатление, что диспутанты не ведают никаких сомнений.

Не присоединяясь безоговорочно к какой-либо из крайних точек зрения, считаем необходимым рассмотреть проблему в аспекте философии прав и свобод человека. А философия, как известно, полна сомнений. Пусть выводы сделает сам читатель. Важно уяснить смысл права человека на жизнь и, хотя бы примерно установить действенные пути и способы обеспечения безопасности членов общества.

Анализ последних исследований и публикаций. Похожую проблематику в своих работах исследовали учёные, профессора и современные авторы различных сфер деятельности: Игнатов А.Н., Кистяковский А.Ф., Малько А.В., Михлин А.С., Нагорный Р.С., Никифоров А.С. и другие.

Актуальность. Лишение жизни человека, преступившего определённые нормы, известно задолго до возникновения государства. Видимо, это исторически первый вид уголовного наказания. Вместе с тем, вся история уголовного права, за исключением отдельных периодов, свидетельствует о тенденции к ограничению его применения. В настоящий период есть государства, отказавшиеся от смертной казни, и есть страны, довольно активно её применяющие. У тех и других не утихают споры между её противниками и сторонниками. В дискуссии принимают участие не только юристы, но и политики, философы, социологи, экономисты, писатели, представители различных конфессий и т.д.

Целью данной статьи является анализ понятия «смертной казни», её форм, условий и проблем, связанных с ее применением, а также рассмотрение некоторых аспектов законодательства стран, где данное явление является юридически допустимым или запрещённым.

Изложение основного материала исследования. Основа основ всех прав и свобод человека – это его жизнь. Стало быть, основой всех человеческих и гражданских прав является право на жизнь. Данное право не провозглашается и не предоставляется человеку кем-либо и в каком-либо объёме. Оно даровано ему природой самим фактом его рождения и неотъемлемо, пока он живёт в гармонии с законами природы и общества. Поэтому право на жизнь лишь требует своего признания и бережного к нему отношения со

стороны всех членов сообщества как к уникальной, очень хрупкой и невосстанавливаемой ценности.

Некоторые философы XVIII в. считали жизнь человека, наряду со свободой, равенством и принадлежащим ему имуществом, его собственностью. На наш взгляд, сторонники этого подхода не вполне корректно понимают данный феномен. Жизнь – не собственность человека, а то загадочное и бесценное явление, дар природы, что позволяет материи дышать, самовозрастать, обретать способность мыслить, действовать, творить, воспроизводить саму себя и условия своего функционирования. Короче говоря, то, что придаёт белковому телу подвижность, способность улыбаться и плакать, радоваться и огорчаться, созидать и разрушать, т.е. делает его человеческим существом. Однако и спустя два столетия понимание жизни как собственности, которой человек волен распоряжаться по своему усмотрению, всё ещё встречается в некоторых публикациях.

Право на жизнь означает, что никто не может и не должен произвольно, преднамеренно покушаться на жизнь человека, лишая его того, что безвозвратно даётся лишь один раз при рождении, и ошибка непоправима. Виновниками нарушения данного «права», соответственно, противоестественного прекращения жизни человека, его аннигиляции всегда являются общество и государство (верховная власть и высший арбитр).

Государства создаются людьми для упорядочения отношений между членами общества таким образом, чтобы облегчить их жизнь путём обеспечения свободы и равенства, максимального уменьшения возможных угроз и опасностей, исходящих извне [1, с. 81]. С момента образования государства жизнь человека попадает под защиту позитивного права, обретает большую ценность. Более упорядоченными становятся отношения между самими соплеменниками. Складывается система наказаний для тех, кто переступает за черту общепринятых норм и создаёт угрозу жизни соплеменников и сограждан.

Первоначально наказание носит характер возмездия («око за око», «зуб за зуб») и мести («кровь за кровь», «жизнь за жизнь»). Однако со временем люди начинают постепенно осознавать необходимость обуздания кровной мести и разрешения возникающих конфликтов с выгодой для всех сторон [2, с. 103]. Мечь уступает место судебному разбирательству конфликтов.

Люди начинают осмысливать, что лишение жизни преступника превращается в наказание не только его самого, но и его родителей и детей, ударом не только по их материальным интересам, но и по родственным чувствам. В то же время они осознают, что «безнаказанность для нарушителей прав человека... является серьёзным препятствием на пути политической стабильности и жизнеспособного развития» общества.

Право наказания людей за те или иные нарушения общественных установлений, вплоть до лишения их жизни, передаётся учреждаемому людьми политическому обществу – государству. Но государство, в зависимости от своей природы и степени демократичности, может наказывать (к сожалению, и наказывает) не только подлинных преступников. Его жертвами могут стать и те, кто следит за тем, чтобы само оно не переступало за рамки своих конституционных полномочий, требует от государства строгого соответствия своему предназначению и обязательствам перед гражданским обществом и его членами.

Это может быть сделано государством разными способами – как вынесением «законного» приговора с осуждением человека к высшей мере наказания (смерти), так и соответствующей политикой, допускающей оставление целых групп людей без защиты, без средств к существованию и медицинской помощи. Это может быть осуществлено также путём разрушения среды обитания тех или иных групп населения, создания им невыносимых условий жизни, умерщвления в тюрьмах и т.п. Провозгласив, что «каждый человек имеет право на жизнь...», Всеобщая декларация прав человека ограничивает произвол государств в отношении отдельных лиц, предостерегает их от практики узаконенных расправ со своими критиками и противниками путём вынесения им смертных приговоров.

В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в первом документе подобного рода, принятом после ВДПЧ, нет специальной статьи, провозглашающей право человека на жизнь. Член Комитета по правам человека, председатель Норвежского бюро по правам человека Т. Опсал так объяснял это: «В 1950 г. одни могли рассматривать это право, как самоочевидное и не нуждающееся в анализе после недавних массовых насилий, войн и геноцида. В то же время другие могли думать, что для его защиты достаточно смертной казни за убийство» [3, с. 58]. Поэтому

Конвенция, понимая право на жизнь как самоочевидное и бесспорное, ограничилась следующими формулировками:

1. «Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть намеренно лишён жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как совершённое в нарушение данной статьи, если оно является результатом применения силы, не более чем абсолютно необходимой: 1) для защиты любого лица от противоправного насилия; 2) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях; 3) в случае действий, предусмотренных законом, для подавления бунта или мятежа».

Нарушением права на жизнь является лишение человека жизни не только самими властями и их институтами, но и индивидами, и группами граждан – конкурентами, противниками, мафиозными бандами и т.д. Государство несёт полную ответственность и в случаях бесследного исчезновения людей. Всё это становится возможным только потому, что государство оказалось неспособным обеспечить в пределах своей юрисдикции порядок, при котором убийство или исчезновение человека было бы невозможным. Преднамеренное лишение жизни всегда происходит по вине государства, обязанного сделать всё для того, чтобы на его территории царили мир, порядок и закон, но не выполнившего или оказавшегося неспособным выполнить эту свою обязанность.

Все общественные меры наказания должны быть подчинены цели обеспечения безопасности людей. Во все времена было принято считать, что преступления против жизни и наказания за эти преступления должны находиться в строгом соответствии друг с другом. Жестокость и бесчеловечность преступлений вынуждали и вынуждают людей применять к их виновникам суровые наказания, вплоть до применения высшей меры – смертной казни. Сколько людей в мире было лишено жизни законными решениями судов неизвестно, но с абсолютной достоверностью можно утверждать, что их число значительно меньше числа убитых преступниками людей. В то же время известно, что суровые меры государств, публичные казни, призванные устрашать людей и

приучать их к повиновению законам, не всегда давали и дают ожидаемых результатов, особенно если им подвергаются за мелкие прегрешения или невинные люди.

Разумная часть человечества всегда считала, что наказание за преступление никогда не должно стать самоцелью. Оно всегда должно давать обществу определённую выгоду: общество способно должным образом воздавать нарушившему закон человеку за его деяние. И в то же время наказание является напоминанием остальным членам общества о необходимости строжайшего соблюдения общественных норм и о том, что их ждёт в случае преступления ими черты общепринятых норм жизни. Но это произойдёт только при условии, если наказание возлагается на человека самыми авторитетными, с безупречной репутацией членами общества.

Римская империя и средневековая Европа по усмотрению государей и инквизиции ввели в практику массовые публичные казни для устрашения масс народа и приучения их к безропотному повиновению воле правителей. Смерть причинялась приговорённым к ней людям с разной степенью жестокости: растерзание на части путём привязывания к колесницам или бросания хищным зверям, посадка на кол, зарывание в яму без воды и пищи, четвертование, сожжение и погребение живьём, распятие, дыба. Смертная казнь отсечением головы, удушение или отравление ядом считались «милосердными». А убийство отлучённого от церкви человека вовсе не считалось собственно убийством. Невозможно сосчитать, сколько людей погибло на кострах и в подземельях инквизиции!

Вместо страха и повиновения подобные наказания нередко приводили к совершенно противоположным результатам. Множество публичных казней в Японии приговариваемых почти за все виды преступлений, приводимых в исполнение жестоким образом, писал Монтескье, способствуют одичанию характера японцев и формированию у них равнодушия и к наказанию, и к преступности.

Первые выступления против смертной казни или за её ограничение были связаны не с гуманистическими, а меркантильными соображениями: не убивать, а продавать за плату в рабство. В Новое время буржуазия выступила за замену смертной казни вечным заключением и каторжными работами на дорогах,

каналах и т.д. Однако, по свидетельству Т. Джефферсона, попытка заменить смертную казнь каторжными работами также не увенчалась успехом. Трудившиеся при «всеобщем обозрении бритоголовые преступники в скверной одежде, работая на больших дорогах, испытывали такую деградацию личности, что, вместо того чтобы исправиться, погружались в глубину самой ужасной и ожесточённой испорченности нравов и характеров» [4, с. 17].

Международные соглашения о правах человека, принятые после Второй мировой войны, провозглашая право каждого человека на жизнь, допускали в то же время и смертную казнь. Однако на определённом этапе развития системы прав и свобод человека и её критического осмысления стали зарождаться сомнения в целесообразности и законности смертной казни, или, как её называют, «юридического убийства». Раз жизнь дана человеку самой природой или Богом, то только они одни и вправе ею распоряжаться, полагали сомневавшиеся. Но читавшие Библию и Коран хорошо знают, что «кровь за кровь», «око за око», «зуб за зуб» всегда были принципами жизни человечества, освящёнными именем Бога. Только трактовка этих принципов была разной.

Поощрение и наказание человека должны соответствовать его делам. Но установить это с точностью не всегда удаётся, ошибки неизбежны. Чем страшнее преступление человека, тем сильнее его желание уйти от ответственности. Правоохранительные органы, напротив, стремятся во что бы то ни стало назвать преступника, найти и привлечь его к ответственности. Они должны показать обществу (а некоторые работники и своему непосредственному начальству), что не зря едят свой хлеб. Ошибкам в борьбе с преступностью способствует практика, когда показателем эффективности работы правоохранительных органов считается не реальное состояние преступности, а «степень её раскрываемости».

Известно немало случаев, когда совершенно невинные люди лишались жизни. Подсчитано, что из каждых семи казнённых в США (всего 486 в период 1976-1978 гг.) один оказывался безвинно лишённым жизни. Анекдотическим стал случай, когда преступник признал себя виновным в ряде убийств, за которые уже были казнены три человека. После убийства премьер-министра Индии Р. Ганди 26 человек были приговорены к смертной казни. Но через год после вынесения этого приговора Верховный Суд этой страны

вынужден был полностью оправдать 4 из них. У 19 человек из числа приговорённых суд обнаружил менее тяжкие преступления, и с учётом срока, отбытого ими тюремного заключения, они также были освобождены. Суды высшей инстанции ряда других стран также обнаруживали ошибочность вынесения многих смертных приговоров, но, увы, после приведения их в исполнение.

Где выход, как избежать таких ошибок, не допускать вынесения ни одного ошибочного смертного приговора и в то же время обеспечить надёжную защиту жизни каждого интегрированного в общество и живущего по его нормам и законам человека? Является ли возможность судебных ошибок основанием для исключения из арсенала наказаний за преступления против человека и человечества смертной казни вообще?

Человечество давно размышляет над этими вопросами и пытается найти на них ответы. А пока многие государства решили отменить смертную казнь. 6-й Протокол к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанный 28 апреля 1983 г. (вступил в силу 1 марта 1985 г.), отменил эту меру наказания в государствах-членах Совета Европы. «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорён к смертной казни или казнён» – гласит его первая статья. Согласно этому Протоколу, подписавшие его государства (обсуждение проходило весьма бурно; Великобритания, Ирландия и Турция отказались подписать его) могут предусмотреть в своём законодательстве смертную казнь за действия, совершённые во время войны или при неизбежной угрозе войны, но подобное наказание должно применяться только в установленных законом случаях. 2-й Дополнительный протокол к международному Пакту о гражданских и политических правах, нацеленный на отмену смертной казни (15 декабря 1989 г.), высказался за отмену смертной казни в мирное время во всём мире. С тех пор более 100 стран формально или фактически отказались от смертной казни как формы наказания. В апреле 1998 г. Комиссия ООН по правам человека приняла резолюцию, которая призвала страны, где ещё выносятся смертные приговоры, установить мораторий на приведение вынесенных приговоров в исполнение.

Председатель Комитета Госдумы по безопасности А.И. Гуров на конференции по случаю 40-летия НИИ Генпрокуратуры РФ в 2003 г. приводил ужасающие данные: «В России в 2002 г. убито около 32 тыс. человек, умерло от тяжких

телесных повреждений 19 тыс. человек [5, с. 21]. Это – те же убийства с той только разницей, что жертва не сразу умерла... 3 тыс. погибли в результате иных преступлений. Было обнаружено 42 тыс. трупов, причины гибели не установлены... Скорбный список на этом не заканчивается. Из 107 тыс. без вести пропавших не вернулись и не найдены тела 38 тыс. наших граждан. 53-55% без вести пропавших стали жертвами преступления» (Права человека в России, 2003, с. 113-114). Выводы напрашиваются сами собой, они слишком очевидны. Это подтверждается и американским опытом, где после возобновления исполнения смертных приговоров преступность пошла на убыль. В 1999 г. здесь совершено на 7% меньше серьёзных преступлений и на 8% меньше убийств, чем в 1998 г. В правительственном докладе прямо указывается, что «это происходит благодаря большому числу вынесенных приговоров, ужесточению наказаний и возврату к смертной казни» (Российская газета, 2000, 7 апреля).

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Исходя из проведенного аналитического исследования можно сделать вывод, что смертная казнь является открытым для обсуждения вопросом, т.к. занимает достаточно неоднозначное положение в мире.

На почве псевдолиберальной вседозволенности умышленные убийства ни в чём не повинных людей превратились кое-где в «хорошо организованный бизнес». Мужья, жены и кандидаты в наследники нанимают платных убийц для устранения ставших помехой на их пути супругов и наследодателей. Появляются новые, ещё более жестокие типы преступности, такие как убийства для содействия бизнесу и ритуальные убийства. В январе 2002 г. мир был потрясен неслыханной жестокостью врачей скорой помощи в Польше, которые, вступив в сговор с владельцами предприятий по оказанию ритуальных услуг, убивали обратившихся к их помощи пациентов путём инъекций, создавая клиентуру для похоронных бюро. В декабре 2000 г. городской суд Санкт-Петербурга приговорил к 24 годам лишения свободы 22-летнего «сатаниста», который обвинялся в четырёх убийствах. В двух из них его виновность была доказана. В одном из этих случаев он со своим товарищем по секте (признанным судом невменяемым) отрезали голову несовершеннолетнему парню, а вырезанный «ритуальным кинжалом» из его шеи кусок кожи заспиртовали для дальнейшего

использования в «сатанистских церемониях». Аналогичные преступления совершались ранее и в других странах. Участились случаи убийств известных учёных. Как обществу противостоять этому? Подставлять преступникам вторую щеку или выжигать преступность калёным железом?

Мудрые люди говорят, что выступать безоговорочно за смертную казнь – это значит не иметь сердца, а безоговорочно отрицать ее – не иметь головы. У народа есть доброе сердце и мудрая голова, а потому он не допустит несправедливости. Общество способно и вправе решать с участием конституционного большинства своих членов все вопросы первостепенной важности, в том числе такой как иметь ли ему в своём арсенале смертную казнь или отказаться от неё. А власть обязана своевременно организовать народное волеизъявление по назревшим вопросам и строить свои решения на его основе.

Список использованных источников

1. Права человека и правозащитная деятельность государства / под ред. В.Н. Лопатина. – М., 2014. – 364 с.

2. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – 2016. – № 10. – С. 15-26.

3. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html>.

4. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. / Т. Джефферсон. – Л., 2013. – 311 с.

5. Квашис В.Е. Смертная казнь: мифологические представления и криминологические реалии: II Всероссийская конференция по проблемам отмены смертной казни; Москва 3-4 июня 2016 г. / В.Е. Квашис. – М., 2016. – 211 с.

ИНСТИТУТ НОТАРИАТА СРЕДИ ДРУГИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Матюшайтись Н.В.,

канд. юрид. наук,

доцент кафедры административного права

ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;

Хархардина К.В.,

магистрант кафедры хозяйственного права

ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В статье раскрыты отдельные особенности деятельности института нотариата в системе органов государственной власти. Определяется место и роль нотариата среди других органов государственной власти. Анализируются научно-теоретические подходы к деятельности нотариата в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

***Ключевые слова:** нотариат, органы государственной власти, юрисдикция, суд, разделения властей, правосудие.*

The article reveals some features of the activities of the Institute of notaries in the system of public authorities. The place and role of the notary among other public authorities is determined. The article analyzes the scientific and theoretical approaches to the activities of the notary in the field of protection of human and civil rights and freedoms.

***Keywords:** notary, public authorities, jurisdiction, court, separation of powers, justice.*

Постановка задачи. Правовая реформа не может быть успешной без реформирования института нотариата. В Донецкой Народной Республике, как и в любом правовом государстве, недостаточно лишь закрепления прав и свобод человека и гражданина. Крайне необходимым является действенный механизм реализации провозглашённых прав и свобод на практике. Развитие системы реализации и защиты прав и свобод человека требует повышения эффективности деятельности всех правоохранительных и правозащитных органов государства, совершенствования способов обеспечения субъективных прав.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретической базой нашего исследования стали научные монографии и статьи дореволюционных и современных отечественных и зарубежных

правоведов как в области проблем организации и функционирования института нотариата и осуществления нотариальной деятельности, так и по вопросам обеспечения конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, в частности, работы Н.Б. Зейдер, С.Я. Фурса, А.Г. Гойхбарг, Г.Г. Черемных, И.Г. Черемных, Л.Н. Бардин, К.А. Корсик, В.В. Скитович.

К современным учёным следует отнести А.С. Алексеева, Н.Н. Авдеенко, Г.В. Атамчука, И.А. Алфёрова, Е. Богомолова, Р.И. Вергасова, А.И. Гомолу, Б.И. Лившица, М.Ю. Плетнёва, Г.Г. Черемных, Л.Л. Шаповалову, Т.М. Шамба и других.

Актуальность. В современном государстве много прав и свобод не могут быть реализованными, однако это не означает, что такие права должны оставаться провозглашёнными лишь на бумаге. В таком случае гражданину должна быть обеспечена возможность обратиться за квалифицированной юридической помощью с целью реализации и обеспечения своих прав. В этих условиях нотариусы играют всё более важную роль в защите прав и свобод человека и гражданина. Основным содержанием нотариальной деятельности становится прежде всего обеспечение конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

Целью данной статьи является анализ отдельных особенностей деятельности института нотариата в системе органов государственной власти, определение места и роли нотариата среди других органов государственной власти.

Изложение основного материала исследования. Вопрос о месте нотариата в правовой системе в целом и в системе гражданской юрисдикции в частности является очень значимым и актуальным. Для понимания данного вопроса важно принять во внимание то, что система нотариата независимо от способа своей организации (государственный или частный нотариат) является публично-правовой организацией и частью государственной системы, хотя и особенным образом действующей.

Согласно ст. 6 Конституции Донецкой Народной Республики, государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны [1].

21 декабря 2018 года вступил в силу Закон Донецкой Народной Республики «О нотариате», принятый Народным Советом Донецкой Народной Республики 21 декабря 2018 года. Закон устанавливает смешанную форму нотариата, которая предполагает одновременное функционирование частных и государственных нотариусов в ДНР [2].

Законом закрепляются общие положения о нотариате, а также порядок и условия функционирования нотариусов, осуществляющих независимую профессиональную нотариальную деятельность, и нотариусов, работающих в государственных нотариальных конторах; аспекты нотариального делопроизводства; основания для приостановления и прекращения независимой профессиональной деятельности; размеры тарифов за совершение нотариальных действий.

До становления концепции судебной власти место нотариата определялось в одном ряду с судами. Так, многие специалисты в своё время поддержали позицию Н. Зейдера, который обосновал так называемый широкий предмет гражданского процессуального права [3, с. 69]. Учёный в предмет гражданского процессуального права включал деятельность не только суда, но и других органов, которые осуществляют защиту гражданских прав, в том числе нотариусов, учитывая общность ряда принципов и других критериев. Нотариат традиционно включается также в предмет гражданского процессуального права как учебной дисциплины, поскольку другое место среди учебных дисциплин ему найти сложно.

По утверждению С. Фурсы, предмет нотариального процессуального права составляют общественные отношения, складывающиеся между нотариусами и другими лицами по поводу удостоверения прав и фактов, имеющих юридическое значение, а также совершение других нотариальных действий с целью предоставления им юридической достоверности [4, с. 23]. Предметом гражданского процессуального права являются общественные отношения, возникающие при осуществлении правосудия в гражданских делах, что не исключает, однако, определённую общность предметов гражданского процессуального и нотариального процессуального права, обусловленную единством спорной и бесспорной юрисдикции. А. Гойхбарг, например, отмечал, что суд, рассматривая бесспорные дела в порядке особого

производства, действует в основном как нотариальный орган, который удостоверяет определённые факты, являющиеся основанием для оговоренных ими прав определённых лиц [5, с. 78].

Стоит отметить, что в практике мирового конституционализма конкретное воплощение в жизнь принципа разделения власти зависит от влияния многих факторов: исторического развития государства, экономического, социального и культурного развития общества, этнических, международных и других факторов. Всё более заметным становится рост социальной роли государства, а также влияние политических партий на формирование и функционирование государственной власти, что сказывается на выборе организационно-правовых основ функционирования государства.

Таким образом, в связи с практической реализацией принципа разделения властей в современном государстве суд занял совершенно иное место в правовой системе, поэтому включать нотариат в судебную систему вряд ли возможно. Задачи судов в системе разделения властей сводятся к осуществлению правосудия в рамках конституционного, гражданского, уголовного, административного и хозяйственного судопроизводства. Поэтому суды не могут осуществлять непосредственное организационное руководство системой нотариата [6, с. 13]. Они, по утверждению Т. Беловой, осуществляют своё воздействие на деятельность нотариусов путём оценки правомерности их действий в связи с рассмотрением жалоб на действия нотариусов, а также во время рассмотрения споров в исковом порядке, связанных с оспариванием нотариальных сделок [7, с. 26].

Приводимые иногда доводы в пользу организационного руководства нотариатом со стороны судебной системы со ссылкой на дореволюционный опыт являются неубедительными, поскольку государственному устройству Российской империи не был известен принцип разделения власти. Такая же ситуация наблюдалась в советский период, когда, например, согласно Положению о государственном нотариате РСФСР, утверждённым Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 сентября 1965 г., ряд организационных функций по руководству нотариатом осуществлял Верховный Суд РСФСР, областные и приравненные к ним суды. Однако понятно, что в тот период разделения властей как принципа организации осуществления государственной власти

не существовало, и суды занимали место в общей системе правоохранительных органов [8, с. 6-7].

Мы считаем, более верным определить в современных условиях место нотариата как органа, наделённого публичной властью, входящего в систему гражданской юрисдикции. При этом под гражданской юрисдикцией понимается деятельность всех органов, которые наделены полномочиями по разрешению юридических дел спорного или бесспорного характера в сфере гражданского оборота. Важным признаком органов гражданской юрисдикции является то, что их деятельность происходит в рамках процедурно-процессуальных форм различной степени сложности [9, с. 203].

Обоснование необходимости и целесообразности сохранения нотариуса именно в системе гражданской юрисдикции является положительным, поскольку тем самым отделяется обычная гражданско-правовая процедура от системы нотариального производства. Конечно, нотариальное производство не сводится к гражданскому или хозяйственному процессу, и в этом нет и необходимости, однако многие общие признаки связывают гражданское и нотариальное производство, подчёркивают качественное отличие нотариального производства от гражданско-правовых процедур, используемых в рамках взаимодействия участников гражданского оборота.

Спорная часть гражданской юрисдикции осуществляется в основном судами, а значительная часть органов бесспорной гражданской юрисдикции, осуществляющих удостоверяющие, правореализационные и регистрационные полномочия – в пределах органов юстиции. Поэтому вполне логично и правомерно относить нотариат к органам юстиции, осуществляющим организацию деятельности значительной части органов бесспорной юрисдикции. Другое дело, что формы и порядок такой организации зависят от целого ряда различных обстоятельств, конкретных политико-правовых решений, способов регистрационно-удостоверяемой деятельности. Так, формы влияния органов юстиции на государственный нотариат совсем другие, чем на нотариусов, работающих вне государственной службы.

Отметим, что особенностью юстиции является многообъектность этой области управления. К учреждениям юстиции относятся судебные и судебно-экспертные учреждения,

нотариат, адвокатура, органы регистрации актов гражданского состояния. Все они имеют разное назначение, соответствующий правовой статус, объём и характер компетенции. Одни из них действуют на государственных началах, другие – на государственных и негосударственных, а некоторые из них – лишь на общественных.

Итак, историческое развитие нотариата свидетельствует о том, что нотариат всегда был важным элементом именно правоохранения, роль которого существенно возрастает в условиях построения правового социального государства. Как специфический институт правоохранительной деятельности нотариат характеризуется тем, что приобретает свои полномочия от государства, организуется и функционирует в соответствии с законом и осуществляет свою деятельность с соблюдением установленных законом процедур, прежде всего путём совершения нотариальных действий.

Признаком нотариата, выделяющим его в системе правоохранительных органов, есть особое направление его деятельности – превентивное юридическое обслуживание. При этом от других форм юридического обслуживания (например, адвокатской деятельности) нотариат отличает, во-первых, его предупредительным, профилактическим характером, во-вторых, ориентацией на защиту прав в частноправовой сфере, в-третьих, особым механизмом защиты частного права – нотариальным процессом, итогом которого является нотариальный акт.

Бесспорно, наиболее близким к нотариату среди органов гражданской юрисдикции является такой орган как суд. Следует отметить, что нотариат, являясь несудебной формой защиты прав и охраняемых законом интересов лиц, согласно резолюции Европейского парламента, является органом превентивного правосудия [10, с. 43]. В соответствии с документами Конгресса Международного союза судей функция нотариата заключается прежде всего в том, что нотариус, будучи должностным лицом, наделяется полномочиями заверять юридические акты, беспристрастно информировать стороны о существовании и правовых последствиях таких актов, т.е. осуществлять реальную деятельность по предотвращению споров [11, с. 16]. Именно такое представление о нотариате приводится в договоре о сотрудничестве

между Международным союзом судей и Международным союзом латинского нотариата [12, с. 22].

Таким образом, значение института нотариата в предупреждении и разрешении правовых споров предопределяется его пониманием как органа превентивного правосудия, признанным большинством исследователей. При этом наиболее распространёнными в гражданском обороте нотариальными действиями является удостоверение сделок, совершение исполнительных надписей на долговых документах, совершение протестов векселей, заверение подлинности подписей на документах, верности копий (фотокопий) документов и выписок из них, верности перевода документов, удостоверение фактов, совершение морских протестов.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Итак, теоретически обоснованной и соответствующей правовой природе нотариата кажется мысль о том, что предупредительное правосудие должно рассматриваться как деятельность, предупреждающая обращение в суд с вопросами, которые можно решить без судебного разбирательства, оформив правовой документ от имени государства, предоставив ему юридическую силу, равную по юридической значимости судебному документу [13, с. 56].

Деятельность нотариата по предупреждению правовых конфликтов и содействию их разрешения в сфере реализации конституционных прав и свобод заключается в непосредственном обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина. Она даёт возможность субъектам права избежать обращения в суд за защитой тех же прав. Органом предупредительного правосудия нотариат выступает в тех случаях, когда для возникновения или реализации бесспорного субъективного права человека и гражданина необходимо публичное волеизъявление компетентного органа, официальное признание, подтверждение им этого права.

Список использованных источников

1. Конституция ДНР от 14.05.2014 года: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>.

2. О нотариате: Закон Донецкой Народной Республики № 08-ПНС от 21.12.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-notariate-3/>.

3. Зейдер Н. Предмет и система советского гражданского процессуального права / Н. Зейдер // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 69-82.

4. Фурса С. Нотаріальний процес: теоретичні основи / С. Фурса. – К.: Істина, 2002. – 319 с.

5. Гойхбарг А. Курс гражданского процесса / А. Гойхбарг. – М., 1928. – 610 с.

6. Черемных Г. В России должен быть единый нотариат, подконтрольный государству / Г. Черемных // Юридический мир. – 1998. – № 1. – С. 13-15.

7. Белова Т. Особенности рассмотрения жалоб на нотариальные действия или отказ в их совершении в гражданском и хозяйственном судопроизводстве Республики Беларусь / Т. Белова // Юстыцыя Беларусі. – Минск, 2012. – № 9. – С. 25-29.

8. Бардин Л. Судопроизводство по жалобам на нотариальные действия или на отказ в их совершении: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 / Л. Бардин; Московский гос. ун-т. – М., 1981. – 19 с.

9. Корсик К. Нотариат в современных условиях. Новые полномочия: больше возможностей, больше ответственности / К. Корсик // Закон. – М., 2009. – № 4. – С. 203-208.

10. Нотариат в Европейском сообществе: Резолюция Европейского парламента от 18 января 1994 г. / Нотариальный вестник. – 1999. – № 5/6. – С. 40-49.

11. Мерлотти М. Основные принципы свободного нотариата и роль государства в его организации и деятельности / М. Мерлотти // Нотариальный вестник. – 1997. – № 5. – С. 12-16.

12. Скитович В. Нотариат и суд: грани взаимоотношений / В. Скитович, С. Мальцева // Журнал российского права. – 2004. – № 7. – С. 22-26.

13. Черемных И. Нотариат и нотариальное право России / И. Черемных; под ред. Г. Черемных. – М.: Эксмо, 2007. – 272 с.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: РАЗВИТИЕ ГЕНЕРАЦИОННОГО (ПОКОЛЕНЧЕСКОГО) ПОДХОДА

Матвиенко Е.А.,

канд. юрид. наук,

*доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета
ГОУ ВПО «ДонНУ»*

В статье рассмотрены особенности генерационного (поколенческого) подхода к правам человека. Определено, что данный подход выполняет, прежде всего, систематизирующую роль, позволяет сформировать целостное представление об отдельных категориях прав человека, имеющих сущностную однородность и объединённых историческими предпосылками нормативного закрепления. Представлены результаты обобщения различных точек зрения по вопросу необходимости обособления четвёртого и пятого поколений прав человека.

***Ключевые слова:** субъективное право, поколения прав человека, соматические права, цифровые права, информационные права, права человечества.*

The article is devoted to consideration the features of generational approach to human rights. It is defined that this approach served as systematization, allows to form a holistic view of individual categories of human rights that have essential homogeneity and have been united by historical prerequisites for normative consolidation. The results of generalization of different points of view on the need to separate the fourth and fifth generations of human rights are shown.

***Keywords:** subjective right, generations of human rights, somatic rights, digital rights, information rights, humankind rights.*

Постановка задачи. Права человека представляют собой исходную, обобщающую теоретико-правовую категорию, конкретизирующую понимание права в его субъективном аспекте. В свою очередь, многообразие правовых возможностей личности предопределяет необходимость их группирования на основе соответствия определённым критериям.

Такую систематизирующую функцию выполняет общепринятая трёхэлементная теория поколений прав человека. На протяжении длительного периода времени она характеризовалась устойчивостью и логической структурированностью в части

включения отдельных прав человека в соответствующие поколения.

На современном этапе развития теоретико-правовой научной мысли формируются точки зрения о необходимости и целесообразности выделения новых поколений прав человека – четвёртого и пятого. Однако отсутствует единство мнений по вопросу элементного содержания этих поколений, принадлежности тех или иных правовых возможностей личности к четвёртому или же к пятому поколению.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическую основу изучения вопроса развития генерационного (поколенческого) подхода к правам человека составляют положения, изложенные в работах Карела Васака, А.Б. Вангерова, В.И. Крусса, Г.Г. Гольдина, Е.М. Фокиной, И.В. Гончарова, В.А. Плескач, Д.А. Долина, А.В. Варламовой, В.В. Жемерова, С.И. Ивентьева, А.И. Мартынова. Современный этап развития правовой доктрины характеризуется рассмотрением отдельных аспектов реализации трёх классических поколений прав человека, а также формулированием подходов к обоснованию необходимости выделения новых поколений прав человека.

Целью данной статьи является определение значения и роли генерационного (поколенческого) подхода к пониманию прав человека, а также направлений его развития в условиях современной политико-правой реальности.

Изложение основного материала исследования. Представления о правах человека, их многообразии и сущностной наполненности изменчивы, развиваются в ходе общих исторических процессов, и неразрывно связаны с их носителем.

Права человека являются естественно-правовой категорией, которая нашла своё закрепление в позитивном праве. Выступая элементом правовой и, следовательно, социальной реальности, права человека оказывают социально-правовое воздействие на различные сферы жизни общества.

События Второй мировой войны подтолкнули человечество к переоценке ценностей – была признана универсальность прав человека, получили развитие идеи о том, что вопрос соблюдения прав человека не может быть исключительно внутренним делом государства. Кроме того, утверждение прав человека направлено на

содействие созданию гуманных условий жизни и многомерному развитию человеческой личности.

Большинство государств согласились ограничить свой суверенитет и позволили мировому сообществу контролировать состояние соблюдения прав человека на своих территориях. Таким образом происходило создание международных механизмов защиты прав человека. Как известно, в 1945 году была создана Организация Объединённых Наций. А 10 декабря 1948 года принята Всеобщая декларация прав человека [1]. Данный документ составляют 30 статей, содержащих перечень прав, принадлежащих без исключения каждому человеку, представляет собой изложение взглядов Организации Объединённых Наций на права человека.

Важность Декларации заключается в том, что она, по сути, стала предметом «мирового консенсуса» – преобладающее большинство стран мира, несмотря на социальные и культурные отличительные особенности, признали ценность провозглашённых в данном документе прав и свобод. Однако следует отметить, что в Декларации размыто различие между правами человека и правами граждан, все эти права объединяются в категорию прав человека.

На протяжении последующих десятилетий на региональном и общемировом уровне приняты международные соглашения, которые определяют механизмы контроля соблюдения и защиты прав человека.

Так, в 1950 году на Европейском континенте была принята Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод [2]. А в 1966 году Организация Объединённых Наций приняла два международных пакта – «О гражданских и политических правах» [3] и «О социальных, экономических и культурных правах» [4]. Пакты охватывают все права человека, рассматриваемого как социальное существо и как личность. Они включают права человека, рассматриваемого как гражданина, и охватывают права определённых групп и права индивида как члена данной группы. Пакты устанавливают относительно устойчивый предел между двумя группами прав: в случае экономических, социальных и культурных прав их субъектами являются лица, в то время как в случае гражданских и политических прав – индивиды.

В дальнейшем в системе ООН были приняты и другие документы, имеющие силу международных соглашений.

В научном труде «Международные аспекты прав человека» определено, что утверждение прав человека в качестве правовой реальности требует:

1) существования организованного общества в форме государства «de jure»;

2) осуществления прав человека в государстве в заранее установленных правовых рамках, которые, тем не менее, могут варьироваться в зависимости от обстоятельств и характера прав;

3) предоставления лицам, имеющим право на осуществление прав человека, конкретных правовых гарантий и, в частности, средств правовой защиты для обеспечения соблюдения этих прав [5, с. 4].

Теоретическая концептуализация поколений прав человека осуществлена Карелом Васаком во второй половине XX века. Она основана на генерационном (поколенческом) подходе.

Так, «первое поколение прав человека» составляют политические и гражданские права. Утверждается, что понятие прав человека зарождалось в политическом аспекте, то есть означало уважение сферы свободы человеческой личности от государства. Иными словами, на государство возложена обязанность не вмешиваться в эту сферу «гражданских прав» или «прав на свободу» – прав, которые направлены на защиту свободы, безопасности и физической и духовной неприкосновенности человеческой личности. Эти права, в целом, носят индивидуалистический характер. В дальнейшем, человек не противопоставляется государству, а является личностью, участвующей в политическом устройстве общества, членом которого он является. Это делается путём осуществления политических прав в государстве [5, с. 49]. Они были провозглашены в результате буржуазно-демократических революций XVII-XVIII вв., нашли своё закрепление в текстах первых конституций. В последующем данной группе правовых возможностей присвоен цветовой индикатор – синий [6, с. 23], что отражает их естественный, неотъемлемый от социального бытия человека характер.

«Второе поколение прав человека» представляет собой совокупность правовых возможностей, реализуемых при помощи власти, так называемые права-поручения общества государству, обеспечивающие равенство каждого в праве на труд, охрану

здоровья, образование, на надлежащий уровень жизни. Появление идеи экономических, социальных и культурных прав как отдельной группы является более поздним явлением. Эти права должны быть реализованы через государство или с его помощью. В этой концепции государство выступает в качестве покровителя и защитника экономического и социального благополучия. В то время как на более ранних этапах государство было, главным образом, органом по охране и поддержанию общественного порядка и безопасности общества. Современное же государство должно быть аппаратом, действующим в интересах всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, с тем чтобы дать им возможность максимально развить свои способности индивидуально и коллективно [5, с. 49]. Правам, составляющим данное поколение, присвоен цветовой индикатор – красный [6, с. 25]. Своё фундаментальное нормативное закрепление они получили во Всеобщей декларации прав человека.

«Третье поколение прав человека» – это группа «прав солидарности», коллективных прав. Данным правам присвоен зелёный цветовой индикатор [6, с. 25]. В целях проведения различия между индивидуальными правами и коллективными правами, коллектив следует рассматривать как совокупность лиц, обладающих особыми и отличными характеристиками и (или) находящихся в конкретных ситуациях или условиях. Эти особые характеристики могут носить расовый, этнологический, национальный, языковой или религиозный характер. Конкретные ситуации или условия могут определяться политическими, экономическими, социальными или культурными факторами. Коллективные права *par excellence* – это права меньшинств в целях сохранения и развития их характеристик, а также право народов на самоопределение, т.е. право свободно определять свой политический статус и свободно осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие. В связи с возросшим влиянием в Организации Объединённых Наций стран третьего мира, получивших решительную поддержку в этом вопросе со стороны восточноевропейских стран, большое внимание было уделено переходу от индивидуальных прав к коллективным правам, в частности праву народов на самоопределение, праву непривилегированных народов и групп лиц на справедливую и равноправную долю в мировых ресурсах, праву расово

дискриминируемых групп на равенство перед законом, в частности в осуществлении прав человека, праву на развитие и праву на мир [5, с. 55]. Заметной вехой в развитии тенденции коллективистского подхода к правам человека стало Воззвание Тегеранской конференции в 1968 году. В Воззвании неоднократно упоминаются грубые и массовые нарушения прав человека, особенно в рамках политики апартеида и других видов политики и практики расовой дискриминации – в результате колониализма, агрессии или любого вооружённого конфликта и в результате дискриминации по признаку расы, религии, убеждений или выражения мнений [5, с. 57]. В то время как универсальная Декларация прав человека 1948 года делает человека центральной фигурой в различных социальных отношениях, Воззвание Тегеранской конференции в значительной степени фокусируется на группе как на массовой жертве отрицания прав человека, которые нуждаются в защите [7].

Можно отметить, что взаимозависимость между первым, вторым и третьим поколениями прав человека обеспечивает соблюдение такого принципа: «реализация коллективных прав не должна ограничивать права и свободы личности, в то же время последние не должны противоречить коллективным правам».

XXI век ознаменовался обоснованием правозащитниками появления четвёртого поколения прав человека, которое связано с научными открытиями в сфере микробиологии, медицины, генетики и т.д. Так, по мнению А.Б. Венгерова, в условиях современной политико-правой реальности необходимым является выделение четвёртого, пятого поколений прав человека [8, с. 66]. Утверждается, что четвёртое поколение прав человека должно основываться на признании высокого статуса личности, стремлении обеспечения единства норм права, религии и морали, а также на приоритете потребностей человека, которые дают ему возможность не быть похожим на других, установлении суверенности личности по отношению к государству.

В начале XX века в юридический научный оборот было введено такое понятие как «соматические права», рассматриваемые в контексте обоснования необходимости выделения «четвёртого поколения прав человека». Так, В.И. Крусс отмечает, что данная категория прав предполагает возможность самостоятельного распоряжения личностью своим телом – осуществлять его модернизацию, реставрацию, фундаментальную реконструкцию. А

также изменять фундаментальные возможности организма и расширять их технико-агрегатными, либо медикаментозными средствами [9, с. 43].

В научной литературе отмечается неразрывная связь соматических прав с телом человека, его органами и тканями. К ним относят группу прав, связанных с реализацией человеком его репродуктивных возможностей. При этом отмечается, что отправными точками развития научных идей по вопросу сущности этих прав и необходимости их правовой регламентации были итоговые документы трёх международных конференций по народонаселению и развитию (Бухарест, 1974; Мехико, 1985; Каир, 1995), а также Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 1995) [10, с. 56]. В то же время, указывается комплексность репродуктивных прав – включение в них совокупности личных правовых возможностей, закреплённых в международно-правовых документах и основных законах [10, с. 56].

Также к телесным (соматическим) правам четвёртого поколения, преимущественно в западной научной мысли, относят право человека на смерть, право распоряжаться своими органами и тканями, право на изменение пола, право употреблять наркотики и психотропные вещества [11, с. 25-26], право на клонирование, на занятие проституцией, на оборот порнографической продукции [12, с. 58] и ряд других.

Прежде всего, стоит отметить актуализацию научных дискуссий о моральных и нравственных основах реализации таких возможностей в государствах постсоветского пространства, а также споры о наличии соответствующих правовых основ.

В контексте обоснования проблемы моральности существования новых видов прав необходимо отметить, что каждое из них имеет ряд спорных аспектов. К примеру, вопрос суррогатного материнства и искусственного оплодотворения. С одной стороны, высокий уровень развития медицины и технологий в этой сфере опосредует целесообразность поддержания права семьи на продолжение своего рода таким способом. Однако существует угроза превращения материнства в договорной коммерческий труд, способ заработка. Такая практика способна привести к возникновению дегуманизирующей аморальной тенденции.

Мировой опыт свидетельствует о наличии противоречия позиций по данному вопросу: одни государства поддерживают такую практику, а другие откровенно осуждают (например, во Франции действует положение нормы, согласно которой суррогатное материнство противоречит законодательству об усыновлении и неотчуждаемости тела человека).

Похожие проблемные вопросы моральности касаются и других «новосозданных» прав. К примеру, право на жизнь позволяет человеку свободно распоряжаться своей судьбой, но в таком случае – охватывает ли оно и право на добровольный отказ от жизни в тех или иных случаях?

Аналогичные экзистенциальные вопросы возникают и при более детальном анализе других прав, относящихся к правам четвёртого поколения. Каждое из них (право на заключение однополого брака, на изменение пола, на жизнь, свободную от какого-либо государственного вмешательства), по своей сути, является своеобразным вызовом. Возникает ситуация, при которой создание новых прав так или иначе отрицает уже существующие. В этом контексте важно отметить, что в научной литературе высказано предположение о существовании такой закономерности: с расширением круга признаваемых прав и, соответственно, с усилением их обеспеченности правовыми гарантиями и защитой – возможно внесение каждым последующим поколением новой логики узаконивания притязаний, именуемых правами человека, что опосредует возникновение конфликта новых прав со старыми [13, с. 296].

Что касается правовой природы рассматриваемой группы прав личности, то следует согласиться с указанием на их комплексный характер, ввиду того что они производны как от личных прав, так и от социальных и культурных.

Кроме того, по мнению автора, в вопросах реализации соматических прав целесообразно применение общеправового принципа, согласно которому «право одного лица заканчивается там, где начинается право другого».

К интерпретации концепта «четвёртое поколение прав человека» также относится информационно-технологический подход, в соответствии с положениями которого данное поколение составляют права на информацию и информационные технологии, и общечеловеческий подход, предполагающий отождествление

четвёртого поколения с правами человечества на мир, экологические, информационные права, на ядерную безопасность, космос и ряд других [14, с. 9]. Ввиду развития цифровых инноваций, предлагается обособление поколения цифровых, виртуальных прав на доступ и применение преимуществ современных научных и технологических достижений [15, с. 12; 16, с. 1028].

Следует отметить, что в российской юридической научной мысли сформирован и иной подход к пониманию «четвёртого поколения прав человека». Так, в рамках этого поколения предложено рассматривать возможность реализации духовных и нравственных потребностей личности [17, с. 5-6], совокупность прав личности, которые производны от её духовной и нравственной автономии [18, с. 20]. В то же время, «пятым поколением прав человека» названа совокупность таких прав: на Любовь, осуществление Веры и любви к Богу, единство с Творцом, право на рождение в Любви, право на обращение к Богу, право на информацию и управление энергией, право на управление пространством-временем, право человека на Абсолютную истину и другие права [18, с. 23]. Кроме того, с точки зрения таких новых поколений прав человека предпринимается попытка оценить влияние астрологии на возможность реализации права человека на Абсолютную истину [19, с. 165].

Выводы по данному исследованию. Таким образом, генерационный (поколенческий) подход имеет важное теоретико-правовое значение. Это предопределено тем, что в результате применения данного подхода осуществляется систематизация – упорядочение общих представлений о правах человека путём объединения соответствующих правовых возможностей личности в соответствующие поколения. Кроме того, генерационный (поколенческий подход) позволяет проследить и выделить особенности исторического развития представлений о правах человека. В свою очередь, практическая значимость рассматриваемого подхода заключается в его широком использовании в текстах конституций современных государств.

Определено, что наиболее значимые события развития общества выступали исторической основой, предпосылками обособления каждого из трёх «классических» поколений прав человека. Вместе с тем, данные поколения прав человека имеют и

нормативную основу, закреплены в ключевых международных нормативных правовых актах и в национальном законодательстве.

На сегодняшний день основным направлением развития генерационного (поколенческого) подхода к правам человека является теоретическое обоснование необходимости объединения прав человека, возникших, прежде всего, в связи с результатами общемирового научно-технического прогресса, в новые поколения. Так, в результате проведенного исследования установлено, что это группы соматических, информационных, цифровых прав, прав человечества и прав, связанных с реализацией духовной и нравственной автономии личности. Каждая из указанных групп, в свою очередь, содержит разнородные по своей сущности и содержанию правовые возможности.

Список использованных источников

1. Международные документы. Всеобщая декларация прав человека: принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948 г. // Урядовий кур'єр. – 2008. – № 232.

2. Международный документ. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: принята Советом Европы; Конвенция № ETS (132) от 04.11.1950 г. // Урядовий кур'єр. – 2010. – № 215.

3. Международный документ. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Организацией Объединённых Наций от 16.12.1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_043.

4. Международный документ. Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах: принят Организацией Объединённых Наций от 16.12.1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_042.

5. Vasak Karel. The International dimensions of human rights / Karel Vasak, Philip Alston. – Greenwood Press, 1982. – 755 p.

6. Гольдин Г.Г. Возможно ли скорое рождение нового поколения прав человека? / Г.Г. Гольдин, Л.О. Терновая // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата, 2018. – № 2 (49). – С. 22-29.

7. Международный документ. Воззвание Тегеранской конференции: принято 13 мая 1968 года Международной

конференцией по правам человека в Тегеране // Права человека. Сборник международных договоров. – Том 1 (часть первая): Универсальные договоры. – Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк и Женева, 1994 год.

8. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – 10-е изд., стер. – Москва, 2014. – 607 с.

9. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43-50.

10. Фокина Е.М. Репродуктивные права человека как формирующееся поколение прав человека в международной практике и Российском законодательстве / Е.М. Фокина // Общество, право, личность. Методологические и прикладные проблемы: генезис, современность и будущее: сборник статей Международной научно-практической конференции / главный редактор И.А. Маньковский. – Минск: Издательство: Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», 2017. – С. 56-58.

11. Гончаров И.В. Соматические права: вопросы юридического признания и практика реализации / И.В. Гончаров // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 23-27.

12. Плескач В.Н. Конституционные права четвертого поколения (соматические права человека): проблемы реализации / В.Н. Плескач // Теория и практика современной юридической науки: материалы VI всерос. науч.-практ. конф., 14 марта 2019 г. / отв. ред. Е.Б. Гоголевская; науч. ред. И.С. Кокорин. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 56-59.

13. Мартынов А.И. К вопросу о поколениях прав человека: теоретический аспект / А.И. Мартынов // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. – Ростов-н/Д.; Издательство: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 292-296.

14. Долин В.А. Концепт «Четвёртое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования / В.А. Долин // Научный ежегодник Ин-та философии и права Урал отд-ния Рос. акад. наук. – 2018. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 7-20.

15. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека / Н.В. Варламова // Российский юридический журнал. – 2011. – № 2 (77). – С. 9-18.

16. Жемеров В.В. Цифровые права человека: теоретические и практические проблемы / В.В. Жемеров // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 3. – С. 1026-1036.

17. Ивентьев С.И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека: монография / С.И. Ивентьев. – Новосибирск: ООО «Агентство «СИБПРИНТ», 2012. – 357 с.

18. Ивентьев С.И. Пятое поколение прав человека: право на доверительное, бесстрашное общение и сотрудничество с Богом-Творцом / С.И. Ивентьев // Культура. Духовность. Общество. Современность: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2018. – С. 20-24.

19. Ивентьев С.И. Астрология с точки зрения четвёртого и пятого поколений прав человека / С.И. Ивентьев // Перспективы развития информационных технологий: сборник материалов XXXVI Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2017. – С. 161-166.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВИДОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Прокофьев Н.А.,
ассистент кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;
Щербань О.В.,
студентка 4 курса кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;
Ченцова А.Н.,
магистрант
гр. Юр-20м кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В статье раскрываются основные аспекты понимания сущности криминалистической идентификации как процесса исследования, познания объекта и получения определённого рода информации. Анализируются научные концепции относительно оснований осуществления классификации криминалистической идентификации. Исследованы и систематизированы взгляды учёных к проблематике классификации криминалистической идентификации.

Ключевые слова: криминалистика, классификация, криминалистическая идентификация, основания, виды, отождествление.

The article reveals the main aspects of understanding the essence of forensic identification as a process of research, cognition of an object and obtaining a certain kind of information. Analyzed are scientific concepts regarding the grounds for the classification of forensic identification. Investigated and systematized the views of scientists on the classification of forensic identification.

Keywords: forensic science, classification, forensic identification, grounds, types, identification.

Постановка задачи. На сегодняшний день значительное внимание криминалистов направлено на фундаментальные правовые отрасли знаний, имеющих прикладной характер, в том числе и на криминалистику. Вместе с тем, одним из основных разделов криминалистики является криминалистическая идентификация, проблемы теории, и практики которой постоянно привлекают внимание криминалистов.

Анализ последних исследований и публикаций. Непосредственно вопросам криминалистической идентификации были посвящены труды Р.С. Белкина, А.И. Винберга, И.И. Котюка, В.П. Колмакова, В.С. Митричева, С.М. Потапова, М.В. Салтевского, Н.И. Скригонюка, Т.А. Седовой, В.Ю. Шепитько и др.

Актуальность. Многие учёные акцентировали своё внимание главным образом на обосновании сущности криминалистической идентификации, общей её характеристике и проблемных аспектах практики осуществления идентификационных действий. Что касается видов криминалистической идентификации, то они исследованы недостаточно, что и порождает, с одной стороны, теоретические дискуссии, а с другой – проблемы практического характера. По этим причинам выяснения видов криминалистической идентификации обуславливают следующие исследования с учётом современных общетеоретических достижений науки в целом и криминалистики в частности.

Цель статьи – исследование понятия и общей характеристики криминалистической идентификации, что позволит систематизировать её виды.

Изложение основного материала исследования. Идентификация по своей сути является процессом исследования, познания объекта и получения определённого рода информации. Это даёт возможность интерпретировать идентификацию как форму познания, применяемую в уголовном судопроизводстве при установлении истины в уголовном производстве.

Идентификация как процесс установления тождества каких-либо признаков в различных объектах является общим (общенаучным) методом исследования, теория которого базируется на формальных законах логики и представляет собой совокупность логических правил исследования, в процессе которых устанавливается тождество. Итак, универсальность метода идентификации как общенаучного инструмента позволяет использовать методы естественных и технических наук как приёмы для применения идентификации как общего метода познания [1, с. 142].

Понимание сущности идентификационных исследований заключается в установлении тождества индивидуально-определённого объекта, однако поскольку индивидуально-

определёнными являются и абстрактные (логические) объекты, в частности, такие как понятие группы, рода, вида, то процесс исследования, направленный на установление тождества группы следует считать также идентификационным исследованием. Целесообразно обратить внимание на мнение С.М. Потапова о том, что в принятый в криминалистике термин «идентификация» вкладывается более широкий смысл, чем в то, что высказывается словом «отождествление» [2, с. 66]. Р.С. Белкин не поддерживал такое расширенное толкование понятия и возможностей криминалистической идентификации. И это по тем причинам, что все исследования в рамках уголовного судопроизводства признавались идентификационными [3, с. 67]. Следует поддержать позицию Р.С. Белкина, поскольку криминалистическая идентификация является исследовательским процессом, в котором используется комплекс различных познавательных методов и средств, которые в совокупности и составляют методику идентификации.

Идентификационные исследования направлены только на решение вопроса о тождестве, поэтому, несмотря на их важное значение и широкое использование в процессе познания, их невозможно считать ни универсальным методом познания в целом, ни универсальным методом познания в сфере уголовного судопроизводства в частности. В контексте темы исследования необходимо обратить внимание на позицию И.И. Котюка о том, что не стоит сводить все криминалистические исследования к отождествлению и к идентификационным исследованиям. Ведь наряду с идентификационными в сфере уголовного судопроизводства осуществляются и неидентификационные исследования – диагностические, ситуативные, целью которых является не решение вопроса о тождестве, а решение других познавательных задач [4, с. 64].

Вместе с тем, общепризнанная классификация криминалистических исследований до сих пор не создана, а предложенные классификации неидентификационных исследований требуют дальнейшего изучения и совершенствования, однако выделение в границах неидентификационных исследований, диагностических и ситуативных, является продуктивным. При создании классификации криминалистических исследований следует более

требовательно подходить к выбору оснований этой классификации. Поскольку любое исследование является комплексным использованием познавательных средств (в том числе и методов) в ходе решения целого ряда познавательных задач, то не отдельно взятые методы, ни характер отдельных задач, которые решаются в их ходе, не могут быть достаточным основанием для разграничения криминалистических, в том числе неидентификационных, исследований на их подвиды. На основе любой классификации в пределах каждого из выделенных видов исследований можно выделить их подвиды, и таким образом классификацию детализировать. Определяющее значение в таких классификациях имеют такие основания, как цель и задачи, решаемые по ходу. Поэтому в рамках криминалистических исследований следует различать такие задачи как поисковые, констатационные, оценочные, технические и процессуальные.

Криминалистические идентификационные исследования могут осуществляться в процессуальных и непроцессуальных формах. Непроцессуальные идентификационные исследования по своей сути являются лишь решением вопроса о тождестве, а процессуальные, в свою очередь, являются системой взаимосвязанных поисковых, организационных, исследовательских и оценочных действий, направленных на получение судебного доказательства о тождестве. Криминалистическая идентификация является разновидностью идентификации общенаучной. Сущность идентификационного исследования заключается в сравнительном анализе по установлению наличия или отсутствия тождества, а идентификационные акты являются элементами общепознавательных процессов наряду с анализом и синтезом, индукцией и дедукцией. По этим причинам идентификацию следует признать одним из элементов общенаучных гносеологических средств. По мнению В.В. Бирюкова, объектами общенаучной идентификации могут быть любые объекты, которые отмечаются индивидуально-определённой совокупностью относительно устойчивых качеств и признаков [5, с. 37]. Стоит согласиться в этом контексте с позицией Г.А. Кентлера о том, что идентифицировать можно всё, что является индивидуальным и способно отображать свою индивидуальность на других объектах [6, с. 126]. Криминалистическая же идентификация отмечается

специфическими особенностями, поскольку она является не только средством познания, но и средством доказывания и осуществляется в сфере правоотношений, а потому каждый её основной аспект регламентирован законом, что обуславливает специфику её объектов, субъектов, порядок исследования и тому подобное. В то же время, признавая криминалистическую идентификацию средством доказывания, можно согласиться с мнением, что её целью является получение судебного доказательства тождества [2, с. 66]. И это по тем причинам, что целью криминалистической идентификации следует признать не получение судебного приказа тождества, а процессуальное решение вопроса о тождестве, которое предусматривает или получение доказательства её наличия или получение доказательства её отсутствия. Процесс получения доказательства является деятельностью, которая осуществляется специальными субъектами в специфической сфере, и направлена на решение специфических задач, её результаты имеют процессуально значимый характер, а, следовательно, должны иметь процессуальную форму. Методологическую функцию в этой деятельности играет наука криминалистика, в том числе и теория криминалистической идентификации.

Приведенное даёт основания для вывода о том, что под криминалистической идентификацией следует понимать процесс, в котором участвуют различные субъекты, выполняющие соответствующие функции: субъекты доказывания (следователь, суд) – гносеологические, процессуальные и организационные; лица, осуществляющие процесс непосредственного отождествления – гносеологические и др.

Исследованию видов и форм криминалистической идентификации в юридической литературе уделено значительное внимание, однако эта проблематика окончательного решения не нашла, поскольку многие из выдвинутых ранее концепций оказались несостоятельными или неточными. В процессе совершенствования практических возможностей идентификационных исследований в теории криминалистической идентификации возникают новые основания для осуществления их классификации.

Конечно же, исследованию видов криминалистической идентификации в юридической литературе уделено значительное внимание. Вместе с тем, данная проблема не нашла полного

решения, поскольку выдвинутые ранее концепции оказались несостоятельными или неточными. Причём, несмотря на совершенствование практических возможностей идентификационных исследований в теории криминалистической идентификации, появляются всё новые основания для их классификации.

Анализируя предложенные классификации криминалистической идентификации, следует выделить различные критерии для их осуществления. Так, А.И. Винберг, взяв за основу понятия и качество признаков, которые используются в идентификационном процессе, различал родовую, видовую и индивидуальную классификацию [7, с. 40]. Р.С. Белкин и А.И. Винберг, в зависимости от особенностей использования специальных знаний и технических средств, выделяют следующие виды криминалистической идентификации как следственная, экспертная, а также та, что осуществляется с помощью материалов криминалистической идентификации [8, с. 122].

По мнению А.Р. Шляхова, в основу классификации криминалистической идентификации необходимо ставить методы её проведения, поскольку технические средства и приёмы, используемые для проведения различных видов судебной идентификации, мало отличаются по своей сути, а характер объектов, что даёт основания для выделения медицинской, криминалистической, автотехнической, агробиологической, товароведческой идентификации и др. [9, с. 44].

Анализируя формы использования специальных знаний в следственной и судебной практике, В.К. Лисиченко указывал на целесообразность разграничения идентификации на две основные формы – процессуальную, то есть ту, условия проведения которой определены в уголовном процессуальном законе, и непроцессуальную, к которым относятся оперативно-розыскная деятельность органов дознания и специальное расследование несчастных случаев на производстве [10, с. 46].

Н.А. Селиванов процессуальной идентификацией считает экспертную, следственную, судебную и комбинированную, осуществляемую следователем или судом на основании совокупности доказательств, нередко с использованием экспертного заключения, а непроцессуальная – акты отождествления, осуществляемые в порядке предварительного

исследования вещественных доказательств и путём проверки по материалам криминалистических учётов [11, с. 34].

В.Я. Колдин пришёл к выводу, что больше всего теоретическое и практическое значение имеет классификация видов криминалистической идентификации по природе отождествляемого объекта, способом отображения идентификационных параметров и уровнем индивидуализации. В частности, по природе отождествляемого объекта он различает сигнальную и знаковую идентификацию. По способу отражения идентификационной информации различается идентификация: целостных структур, разделённого целого и источники происхождения. В зависимости от уровня достигнутой в процессе исследования индивидуализации различается родовая, групповая и индивидуальная классификация [12, с. 65-67].

М.И. Скригонюк осуществляет классификацию криминалистической идентификации по характеру полученных результатов на два вида: идентификационные объекты, имеющие признаки и свойства, которые в полной мере пригодны для их идентификации, и могут быть выделены как единичные; объекты, которые могут быть идентифицированы по принадлежности только к определённой группе. Вместе с тем, классификация криминалистической идентификации по признакам идентифицированных объектов даёт основания для выделения трёх её подвидов. Это, в частности, структура объекта; идентификация по признакам внешней формы; идентификация объекта по его динамическим характеристикам [13, с. 19].

М.В. Салтевский выделяет два вида идентификации – по следам памяти и материальным следам-отражениям. Идентификацию по идеальным отражениям осуществляет источник идеального отражения, то есть субъект, который ранее принимал идентифицированный предмет (лицо, вещь), а идентификация по материальным следам проводится специалистом в форме судебной экспертизы [14, с. 33].

Проведенное исследование даёт основания констатировать, что в криминалистической литературе имеется значительное количество подходов к проведению классификации криминалистической идентификации на виды. Указанное даёт основания для систематизации основных оснований для

осуществления этой классификации. Следует согласиться с позицией И.И. Котюка о том, что такими основаниями являются:

1) особенности отождествляемых объектов (характер, тип, вид, природа, состояние);

2) особенности отражения отождествляемых объектов, используемых в идентификационном процессе (характер, формы, способ, качество используемых признаков, специфика природы используемой информации; природа отождествляемого объекта);

3) особенности субъектов, осуществляющих идентификационный процесс;

4) процедура решения вопроса о тождестве (методы идентификации, способ решения вопроса о тождестве, способ исследования);

5) результаты идентификационного исследования (цель, задачи, природа, характер тождества, уровень индивидуализации, объём понятия)

6) процессуальные особенности регламентации [4, с. 100].

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Подводя итог, можно сделать выводы, что значительное количество видов криминалистической идентификации обусловлено разнообразием её объектов, субъектов, осуществляющих эти исследования, способов их исследования, различным характером результатов идентификации, она свидетельствует и о разнообразии процессов, сущность которых заключается в установлении тождества, и отражает различные составляющие логики познания, целью которого является отождествление. Различные подходы к выбору оснований классификации видов криминалистической идентификации по своей сути указывают на её сложность и многоаспектность, отсутствие единого подхода относительно оснований их классификации. Предлагаемая систематизация оснований для осуществления классификации криминалистической идентификации является основой для создания единой классификационной системы. Разнообразие видов криминалистической идентификации обусловлено разнообразием изучаемых объектов и их отражений, субъектов, которые их исследуют, сферы, способов и результатов исследования, что необходимо учитывать при их характеристике и классификации.

Список использованных источников

1. Весельский В.К. Расследование отдельных видов преступлений: учебное пособие / А.А. Алексеев, В.К. Веселеский, В.В. Пясковский. – М.: «Центр учебной литературы», 2013. – 278 с.
2. Потапов С.М. Принципы криминалистической идентификации / С.М. Потапов // Сов. гос. и право. – 1940. – № 1. – С. 66-81.
3. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы / Р.С. Белкин. – К.: Наука, 1966. – С. 106.
4. Котюк И.И. Теоретические аспекты криминалистической идентификации: монография / И.И. Котюк. – К.: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 2004. – 208 с.
5. Бирюков В.П. Криминалистическая идентификация, диагностика и прогностика / В.П. Бирюков // Актуальные проблемы государства и права: сборник научных трудов. – Одесса: Юридическая литература, 2013. – Вып. 42. – С. 37-44.
6. Кентлер Р.А. О сущности идентификации вообще и юридической в особенности / Р.А. Кентлер // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. – Душанбе, 1962. – Сб. 2. – С. 126-128.
7. Винберг А.И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы / А.И. Винберг. – М.: Юрид. лит., 1949. – 132 с.
8. Белкин Р.С. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы) / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М.: Юрид. лит., 1969. – 216 с.
9. Шляхов А.Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР / А.Р. Шляхов // Теория и практика криминалистической экспертизы. – 1962. – № 3. – С. 44-45.
10. Лисиченко В.К. Использование данных естественных и технических наук в следственной и судебной практике: учебное пособие / В.К. Лисиченко. – К.: Вища школа, 1979. – 88 с.
11. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий / Н.А. Селиванов. – М.: Юрид. лит., 1982. – 152 с.
12. Колдина В.Я. Криминалистическая идентификация (теоретические основы) / В.Я. Колдина // Криминалистика / под ред. А.Н. Васильева. – М.: МГУ, 1980. – 320 с.

13. Скригонюк Н.И. Криминалистика: учебник / Н.И. Скригонюк. – М.: Атика, 2007. – 496 с.

14. Салтевский М.В. Криминалистика (в современном изложении): учебник / М.В. Салтевский. – М.: Кондор, 2006. – 588 с.

УДК 332.146.2

ПРОБЛЕМЫ РАСЧЁТА ЗАДОЛЖЕННОСТИ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ НАСЕЛЕНИЮ УСЛУГИ ПО ГАЗОСНАБЖЕНИЮ

Разбейко Н.В.,

*ст. преподаватель кафедры хозяйственного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»*

Проанализированы нормативно-правые акты для уточнения, какой именно период времени возможно использовать для расчёта задолженности за предоставленные населению услуги по газоснабжению. Выявлены основные проблемы, возникающие при расчётах за газоснабжение.

Ключевые слова: газоснабжение, предоставление населению услуг, реструктуризация задолженности, жилищно-коммунальные услуги.

The regulatory legal acts are analyzed to clarify exactly what period of time can be used to calculate the debt for gas supply services provided to the population. The main problems arising in the calculations for gas supply are identified.

Keywords: gas supply, the provision of public services, debt restructuring, housing and communal services.

Постановка задачи. В связи со сложившимися форс-мажорными обстоятельствами в ДНР население получило официальную возможность реструктуризировать задолженность по оплате за жилищно-коммунальные услуги. Так, 15 октября 2018 г. принят Указ № 29 Главы Донецкой Народной Республики «О реструктуризации задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги» [1]. Однако при использовании данного права граждане сталкиваются с определёнными проблемами,

которые могут быть истолкованы как злоупотребление правом исполнителями предоставления услуг.

Анализ последних исследований и публикаций. Злоупотребление правом было предметом исследования А.В. Волкова [2], Р.Р. Дроздовой [3], С.В. Новиковой, А.С. Шеховцовой [4]. В.П. Камышанским и Н.Ю. Ветер изучался вопрос об оценочном суждении при толковании норм о злоупотреблении правом [5].

Актуальность. Вопросы расчёта задолженности за предоставленные населению услуги по газоснабжению в связи со злоупотреблением правом исследованы недостаточно. На практике встречаются случаи, когда газоснабжающая организация обращается в суд о взыскании задолженности и указывает неверный период времени (увеличивая его), что ведёт к завышению сумм задолженности.

Целью статьи является изучение нормативно-правых актов для уточнения верного периода времени, который возможно использовать для расчёта задолженности за предоставленные населению услуги по газоснабжению. Кроме этого, необходимо выявить основные проблемы, возникающие при расчётах за газоснабжение.

Изложение основного материала исследования. Основной показатель необоснованности требований Исполнителя – это отсутствие расчёта суммы задолженности, что позволяет усомниться в правильности начисления сумм, указанных в претензии или исковых требованиях, в их законности и обоснованности.

Вторым показателем является указание ошибочного периода начисления (увеличивая его), что ведёт к завышению сумм задолженности.

Так, на основании Типового договора о предоставлении населению услуг по газоснабжению (далее в тексте – Типовой договор), утверждённого Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Донецкой Народной Республики, № 78-од от 18.04.2017 года [6], между сторонами заключается договор о предоставлении услуг по газоснабжению с определённым потребителем.

Государственный Концерн «Донбассгаз» (далее – Исполнитель), с одной стороны, и Потребитель, с другой стороны,

заключили настоящий договор о том, что Исполнитель обязуется непрерывно предоставлять Потребителю услуги по поставке природного или сжиженного газа от групповых резервуарных установок для бытовых нужд, в том числе для приготовления пищи, подогрева воды и отопления жилых помещений с гарантированным уровнем надёжности, безопасности, качества и величиной давления. Потребитель обязуется своевременно оплачивать предоставленные услуги по установленным тарифам в сроки и на условиях, предусмотренных настоящим договором (пункт 1.1. Типового договора).

Договор заключается на 1 год, вступает в силу со дня его подписания, распространяется на отношения, которые сложились между сторонами с даты создания управления по газоснабжению и газификации Исполнителя (**но не ранее, чем с 01.10.2014 г.**), и считается каждый год продлённым, если за месяц до истечения срока действия договора ни одной из сторон не будет заявлено о намерении его расторжения (пункт 9.1 Типового договора).

Потребление может осуществляться согласно установленному счётчику. Периодическая поверка счётчиков газа проводится Исполнителем за счёт собственных средств в установленном законодательством порядке (пункт 1.7. Типового договора).

Исполнитель, согласно пункту 5.4.13. Типового договора, безвозмездно на протяжении одного месяца с даты наступления срока периодической поверки счётчика газа обязан проводить такую поверку (в том числе демонтаж, транспортировку и монтаж) в соответствии с Положением о проведении экспертизы счётчиков газа, установленных у потребителей и предназначенных для учёта природного газа в быту.

Таким образом, требование о взыскании сумм задолженности по газоснабжению может быть подано Исполнителем в суд за период начиная с **01.10.2014 г.** с учётом льгот, предоставленных Потребителю, и если не будет доказано, что прибор учёта работает неверно.

При рассмотрении незаконности исковых требований газоснабжающей организации необходимо обращать внимание на наличие в материалах дела копии доверенности на лицо, подписавшее договор от имени Исполнителя (ГК «Донбассгаз»). Необходимо убедиться, что в доверенности указаны полномочия

лица подписывать договора о реструктуризации задолженности или договор о предоставлении населению услуг по газоснабжению.

Кроме этого, необходимо детально изучить заключённый между Исполнителем и Потребителем договор «О реструктуризации задолженности».

Когда гражданин заключает договор с газоснабжающей организацией, предполагается, что, руководствуясь Указом Главы Донецкой Народной Республики «О реструктуризации задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги» от 15 октября 2018 г. № 29, стороны заключают Договор о нижеследующем.

Исполнитель реструктуризирует Потребителю задолженность по оплате услуг по газоснабжению, а Потребитель обязуется ежемесячно в установленные сроки осуществлять погашение реструктуризированной задолженности (пункт 1.1.).

Предполагается, что заключаемый договор будет полностью соответствовать Типовому договору о реструктуризации (утверждённому Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства № 238-нпа от 31.10.2018 [7]).

Однако газоснабжающая организация иногда ошибочно указывает в договорах период времени, превышающий законодательно установленный, что приводит к завышению сумм задолженности.

Так, согласно пункту 1 Указа «О реструктуризации задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги» от 15 октября 2018 г. № 29, подлежит реструктуризации задолженность по оплате за газоснабжение, образовавшаяся **в период с 14 мая 2014 года по 01 января 2018 года.**

При изучении Типового договора о реструктуризации также не выявлено возможностей указания периода задолженности, начинающейся ранее **14 мая 2014 года.**

Однако в договорах о реструктуризации задолженности по оплате за газоснабжение можно встретить указание на период начиная с 2010 года, что является нарушением пункта 1 Указа «О реструктуризации задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги». Таким образом, можно утверждать, что стороны при заключении договора о реструктуризации задолженности не пришли к согласию по поводу существенных условий договора – периода и суммы задолженности.

Например, на момент заключения сделки Потребитель не был ознакомлен с Указом Главы ДНР. Поэтому он ошибался относительно обстоятельств, которые имеют большое значение – относительно прав и обязанностей сторон, а именно относительно своих прав оплатить значительно меньшую сумму задолженности за период с 14 мая 2014 года, а не с 2010 года.

Статья 229 действующего на данный момент Гражданского кодекса Украины (далее по тексту – ГКУ) говорит о правовых последствиях сделки, совершённой под влиянием ошибки – о признании судом сделки недействительной. При этом сторона, которая своим неосторожным поведением оказывала содействие ошибке, обязана возместить второй стороне причинённые ей убытки.

Так как проект подписанного сторонами договора о реструктуризации готовит газоснабжающая организация, поэтому возникает вопрос по поводу намеренного несообщения потребителям должностными лицами возможности реструктуризации задолженности именно с 14 мая 2014 года, а не с 2010 г.

Статья 230 ГКУ говорит о таких правовых последствиях совершения сделки под влиянием обмана как признание сделки недействительной судом. При этом необходимо доказать, что одна из сторон сделки нарочно ввела другую сторону в заблуждение относительно обстоятельств, которые имеют важное значение (например, сторона замалчивает о существовании обстоятельств, которые могут воспрепятствовать совершению сделки).

В этом случае сторона, которая применила обман, обязана возместить второй стороне убытки в двойном размере и моральный вред, которые причинены в связи с совершением этой сделки.

В то же время, стороны в договоре могут урегулировать свои отношения на собственное усмотрение (согласно статье 6 ГКУ). Поэтому газоснабжающая организация утверждает, что если Потребитель уже подписал договор о реструктуризации задолженности с 2010 года, то это свободный выбор Потребителя.

Однако стороны договора должны соблюдать общие принципы гражданского законодательства: справедливость, добросовестность и разумность (статья 3 действующего сейчас ГКУ). При защите своих прав можно поставить под сомнение выполнение газоснабжающей организацией своих обязанностей по

договору – вопрос о недобросовестности при определении периода и размера задолженности и злоупотреблении правом на получение завышенных сумм задолженности. В соответствии с пунктом 3 статьи 13 ГКУ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые с намерением злоупотребления правом. Похожие положения содержатся в пунктах 1 и 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [8].

В случае несоблюдения Исполнителем при осуществлении своих прав требований закона, на основании пункта 6 статьи 13 ГКУ суд может обязать его прекратить злоупотребление своими правами, а также применить другие последствия, установленные законом.

Принцип свободы договора, закреплённый в статье 627 ГКУ, не является безграничным. Сочетаясь с принципом добросовестного поведения участника гражданских правоотношений, он не исключает оценку разумности и справедливости условий договора.

Договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным. Встречное предоставление не должно приводить к неосновательному обогащению одной из сторон либо иным образом нарушить основополагающие принципы разумности и добросовестности, что предполагает соблюдение баланса прав и обязанностей сторон договора.

Таким образом, встречное предоставление не может быть основано на несправедливых договорных условиях, наличие которых возможно квалифицировать, как недобросовестное поведение.

В России, если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично (пункт 2 статьи 10 Гражданского кодекса РФ). Кроме этого, суды могут признать условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона соответственно наступившим или ненаступившим (пункт 3 статьи 157 ГК РФ); указать, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (пункт 5 статьи 166 ГК РФ) [9].

Таким образом, целью применения прекращения злоупотребления правами является «защита прав лица, потерпевшего от этого злоупотребления» [10].

На основании ст. 123 ГПК Потребитель имеет право предъявить встречный иск о признании недействительным договора о реструктуризации задолженности. Встречный иск предъявляется к совместному рассмотрению с первоначальным иском, так как оба иска взаимосвязаны и совместное их рассмотрение целесообразно, так как удовлетворение встречного иска может исключить полностью или частично удовлетворение первоначального иска.

Подводя итог, следует отметить, что согласно Указу «О реструктуризации задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги», подлежит реструктуризации задолженность, образовавшаяся **в период с 14 мая 2014 года**. Тогда как в пункте 9.1 Типового договора о предоставлении населению услуг по газоснабжению указано, что Договор распространяется на отношения **не ранее, чем с 01 октября 2014 г.** Это следует толковать как соотношение общего и частного, когда положения Типового договора по газоснабжению уточняют общие нормы по оплате за все жилищно-коммунальные услуги.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок по данной проблеме. При расчёте задолженности за предоставленные населению услуги по газоснабжению выявлены такие основные проблемы: выбор неправильного периода времени для расчёта; незнание населением основных нормативно-правовых актов ДНР в сфере предоставления коммунальных услуг; высокая стоимость услуг адвоката при составлении встречных исковых заявлений; недостаточное использование населением такого способа защиты прав, как признание сделки недействительной судом; недостаточное использование населением бесплатной юридической помощи, предоставляемой юридическими клиниками образовательных учреждений. В этой связи направление дальнейших разработок предполагается выбрать в сфере оповещения населения в средствах массовой информации обо всех существующих правовых возможностях в указанной сфере.

Список использованных источников

1. О реструктуризации задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги: Указ временно исполняющего обязанности Главы Донецкой Народной Республики от 15 октября 2018 г. № 29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minstroy-dnr.ru/29-ot-15-10-2018-o-restrukturizacii-zadolzhennosti-za-zhilishchno-kommunalnye-uslugi>.

2. Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве / А.В. Волков // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 3.

3. Дроздова Р.Р. Злоупотребление правом в заёмных отношениях / Р.Р. Дроздова // Молодой учёный. – 2018. – № 9. – С. 116-119 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/195/48629/>.

4. Новикова С.В. Злоупотребление правом при отчуждении недвижимого имущества / С.В. Новикова, А.С. Шеховцова // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. – 2017. – № 130. – С. 447-458.

5. Камышанский В.П. Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика / В.П. Камышанский, Н.Ю. Ветер // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. – 2015. – № 112. – С. 1961-1981.

6. Об утверждении Типового договора о предоставлении населению услуг по газоснабжению: Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Донецкой Народной Республики № 78-од, утверждённый 18.04.2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minstroy-dnr.ru/78-od-ot-18.04.2017-goda>.

7. Об утверждении Типового договора о реструктуризации задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги: Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства № 238-нпа от 31.10.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minstroy-dnr.ru/238-npa-ot-31-10-2018-ob-utverzhenii-tipovogo-dogovora-o-restrukturizaczii-zadolzhennosti-po-oplate-za-zhilishhno-kommu>.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства

Российской Федерации от 5 декабря 1994 г.
№ 32 ст. 3301.

9. О применении судами некоторых Положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 8, август. – 2015.

10. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 // Вестник Высшего арбитражного суда Рос. Федерации. – 2009. – № 2.

УДК 343.4: 343.549

НЕЗАКОННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ И ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Родзина А.В.,

*ассистент кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;*

Швец М.А.,

*студентка 3 курса кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»*

В данном исследовании рассмотрена проблематика разграничения похищения человека и незаконного лишения свободы в УК ДНР по объективным и субъективным признакам, ввиду отсутствия на законодательном уровне закрепления описательной диспозиции данных составов. Предлагается закрепить понятия похищения человека и незаконное лишение свободы в УК ДНР.

Ключевые слова: похищение человека, незаконное лишение свободы, объективные признаки, преступление.

This study addresses the issue of distinguishing between kidnapping and illegal deprivation of liberty in the Criminal Code of the DPR on objective and subjective grounds, due to the lack of legislative support for a descriptive disposition of these compounds. It is proposed to consolidate the concepts of kidnapping and illegal imprisonment in the Criminal Code of the DPR.

Keywords: kidnapping, illegal imprisonment, objective evidence, crime.

Постановка задачи. Главной проблемой является то, что в Уголовном кодексе Донецкой Народной Республики (далее – УК ДНР) [1] отсутствует определение похищения человека.

Актуальность. На сегодняшний день вопросы применения и разграничения незаконного лишения свободы и похищения человека являются актуальными и дискуссионными в науке уголовного права.

Целью статьи является исследование незаконного лишения свободы и похищения человека.

Изложение основного материала исследования. Несмотря на то, что в юридической литературе выработано большое количество определений как похищения человека, так и незаконного лишения свободы в следственно-судебной практике встречаются случаи, когда объективные признаки незаконного лишения свободы формально совпадают с признаками, характерными для похищения человека, что нередко ведёт к ошибкам в квалификации содеянного со стороны правоприменителя. Переходя к рассмотрению объективных признаков похищения человека и незаконного лишения свободы, важно отметить, что указанные составы совпадают по объекту преступного посягательства. В соответствии с разделом VII «Преступления против личности» Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики, родовым объектом этих преступлений выступает личность человека. В качестве видового объекта похищения человека и незаконного лишения свободы необходимо рассматривать свободу, честь и достоинство личности (Глава 17 УК ДНР). Вопрос о непосредственном объекте изучаемых общественно опасных деяний является свойственным, поскольку не существует единого мнения среди правоведов. Представляется верной позиция Цаневой А.Н., которая определяет непосредственный объект, как физическую свободу человека, то есть общественные отношения, обеспечивающие возможность человека свободно перемещаться и определять место своего нахождения, а также возможность по своему усмотрению совершать активные телодвижения [2, с. 359].

В качестве примера можно привести свободу выбора места проживания, свободу передвижения, свободу в выборе профессии и т.д. Определяя факультативный объект похищения человека и незаконного лишения свободы, важно отметить, что им могут выступать множество общественных отношений, таких как

отношения собственности, безопасность жизни, здоровье человека и другие. Для полноценного изучения проблемы необходимо рассмотреть различные точки зрения исследуемых понятий. Так, О.А. Михаль и Ю.А. Власов под похищением человека понимают «захват и (или) перемещение в пространстве потерпевшего с удержанием его в месте, отличном от обычного его местопребывания, неизвестном его близким, коллегам и друзьям» [3, с. 316]. Тем не менее, существуют и другие толкования похищения человека, наиболее часто встречаемым в правовой литературе является определение В.Н. Воронина, который считает, что «похищение человека – это тайный или открытый захват лица, сопряжённый с предшествующим или последующим его перемещением в другое место помимо его воли с целью удержания» [4, с. 71]. Отличительное определение от вышеназванного имеет И.Я. Козаченко, под которым он понимает, что «похищение человека по своей сути представляет собой любые действия, сопряжённые с перемещением потерпевшего из одного постоянного или временного места нахождения в другое вопреки или помимо его воли» [5, с. 109]. Вышеуказанные точки зрения позволяют выделить ряд признаков, определяющих похищение человека как состав преступления:

1) это общественно опасное умышленное противоправное действие, поскольку похищение невозможно совершить путём бездействия;

2) данное действие направленно на захват (открытый или тайный) и изъятие человека с места его постоянного или временного пребывания;

3) дальнейшие действия выражаются в перемещении и удержании потерпевшего помимо его воли в определённом месте;

4) противоправное действие может быть сопряжено с применением к потерпевшему насилия, угрозы применения насилия, обмана.

Исходя из этого, обязательными элементами объективной стороны состава похищения человека являются три последовательно совершаемых действий преступника:

- завладение живым человеком (захват);
- перемещение его в другое место;
- насильственное удержание его.

При незаконном лишении свободы изъятия человека из привычной для него микросреды и перемещения в другое место не происходит, то есть имеется в виду, что в этом месте потерпевший оказался добровольно [2, с. 360]. Деяние, по сути, выражается лишь в удержании человека помимо его воли.

Так, можно привести следующий пример из судебной практики Российской Федерации. Мировым судьёй в границах Иссинского района Пензенской области было установлено, что Б. 19 августа 2016 г. в период с 10 часов 30 минут до 11 часов 40 минут, находясь по месту жительства, в ходе конфликта со своей супругой Б., с целью её удержания в указанной квартире, вопреки воле последней, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, пристегнул при помощи навесного замка к её правой ноге металлический трос, второй конец которого закрепил у батареи отопления в спальном комнате квартиры, тем самым незаконно лишил её права свободно передвигаться по своему усмотрению, самостоятельно выбирать место пребывания и позвать на помощь посторонних лиц [6, с. 53].

Следует отметить, что похищение человека может совершаться различными способами: насильственным или ненасильственным, тайным ли открытым, с использованием обмана или злоупотребления доверием, в результате которого похищаемый сам добровольно вместе с похитителем перемещается в место последующего насильственного удержания. Причём согласие самого человека на мнимое похищение не образует состава преступления, предусмотренного ст. 127 УК ДНР.

Характерным признаком отграничения от похищения человека при незаконном лишении свободы выступает то обстоятельство, что потерпевшее лицо не захватывается, не изымается из окружающей его среды, то есть не похищается, а остаётся в том месте, где находился или куда ранее добровольно прибыл, но при этом ограничивается его свобода на передвижение или же она вовсе отсутствует. Способами совершения данного преступления могут являться обман, физическое или психическое насилие над потерпевшим, нанесение ему побоев и т.д. В случаях совершения похищения человека и последующего его насильственного удержания содеянное образует состав ст. 127 УК ДНР и дополнительной квалификации по ст. 128 УК ДНР не требует. Существенное отличие незаконного лишения свободы от

похищения человека заключается в следующем: незаконное лишение свободы может быть выражено как в виде действия, так и бездействия [7, с. 145]. Например, незаконное лишение свободы путём бездействия может выражаться в лишении человека инвалидной коляски, без которой он не может самостоятельно передвигаться, а также случай, когда потерпевший находится в помещении, которое было ранее заперто с его согласия, а впоследствии виновный отказывается его освободить. Отметим, что не всегда лишение человека свободы образует состав преступления, предусмотренного ст. 128 УК ДНР. Исключением является лишение свободы на законных основаниях – при пресечении преступления, доставлении в правоохранительные органы, при крайней необходимости и необходимой обороне.

Если рассматривать похищение человека и незаконное лишение свободы по законодательной конструкции, то необходимо подчеркнуть, что они являются формальными, однако квалифицированные и особо квалифицированные составы могут быть и материальными (в частности, когда деяние повлекло по неосторожности смерть потерпевшего и иные тяжкие последствия).

Похищение человека считается оконченным в момент фактического захвата, независимо от срока удержания, который на квалификацию не влияет. Незаконное же лишение свободы считается оконченным тогда, когда лицо фактически лишается возможности по своему усмотрению передвигаться и перемещаться в пространстве.

Исследуя субъект данных общественно опасных деяний, необходимо указать, что незаконное лишение свободы человека предусматривает наступление уголовной ответственности с шестнадцатилетнего возраста, а в соответствии с ч. 2 ст. 19 УК ДНР, уголовная ответственность за похищение человека наступает с четырнадцатилетнего возраста. Следовательно, лицо, достигшее к моменту совершения преступления, предусмотренного ст. 127 УК ДНР, четырнадцатилетнего возраста, будет нести уголовную ответственность, а в случае совершения незаконного лишения свободы – нет. Однако независимо от того, что вышеназванные составы имеют различный возраст привлечения к уголовной ответственности, рассматривать данное основание как разграничение составов преступления является нецелесообразным в силу «сложности» выполнения объективной стороны

преступлений несовершеннолетними [8, с. 105]. Например, для того чтобы захватить и удерживать жертву, нужно обладать определённой физической силой, либо переместить потерпевшего в место, где он будет находиться, необходимо транспортное средство, т.к. на трамвае похищенного не повезешь, а также неполное физическое и психическое развитие препятствует тому, чтобы спланировать и совершить такие преступления. Предполагается, что при решении данного вопроса, следует учитывать уровень сознания человека, то есть его способность сознавать значение своих действий и руководить ими.

Анализируя субъективную сторону похищения человека и незаконного лишения свободы, важно отметить, что они могут быть совершены лишь с прямым умыслом, поскольку лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия) и желало их совершить. Так, при похищении человека виновный осознаёт, что незаконно захватывает другого человека и вопреки его воле перемещает его в иное место и желает этого, а при незаконном лишении свободы виновный осознаёт, что незаконно удерживает другое лицо, ограничивая его физическую свободу, а также желает этого. Следовательно, субъективная сторона данных общественно опасных деяний совпадает по форме. Следует указать, что умысел незаконного лишения свободы является внезапно возникшим, в отличие от похищения людей, который большей частью является заранее обдуманым. С момента принятия решения совершить похищение человека проходит, как правило, довольно значительное время, используемое, прежде всего, для соответствующей подготовки выбора жертвы, тщательного планирования реализации принятого решения [9, с. 364]. Исходя из того, что вышеуказанные составы являются формальными по конструкции, то есть достаточно лишь действия и последствия находятся за пределами состава преступлений, то исключается возможность наличия косвенного умысла у лица, совершившего общественно опасное деяние. Восприятие окружающей действительности, отражение её в сознании человека вызывают определённые потребности, которые, в свою очередь, порождают конкретные интересы. Интересы и желания человека пробуждают в нём стремление к определённой активной деятельности, становятся мотивами его поведения [8, с. 107]. Так, из всех возможных мотивов только корыстный мотив влияет на

квалификацию похищения человека. Выражается он, как правило, в выкупе или продаже человека «на органы», продаже в рабство, продаже детей за рубеж для усыновления (удочерения), эксплуатации похищенных в публичных домах. Корыстные побуждения законодатель считает наиболее общественно опасными и именно поэтому ему придают статус обязательного признака в п. «ж» ч. 2 ст. 127 УК ДНР. В отличие от похищения человека, при незаконном лишении свободы корыстные побуждения не относятся к признаку преступления. Все другие мотивы не являются обязательным признаком состава преступления и на квалификацию не влияют, но при назначении наказания могут быть учтены судом. Проводя отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы по объективной стороне, необходимо отметить, что незаконное лишение свободы составляет как бы часть действия, составляющего похищение человека или, другими словами, – удержание потерпевшего, составляя основное содержание незаконного лишения свободы, а в то же время является составной частью похищения человека [10, с. 79]. Вышеуказанное суждение показывает явную нелогичность положения, содержащегося в ст. 128 УК ДНР, согласно которому незаконное лишение свободы предполагает отсутствие признаков похищения человека. Следовательно, данное определение означает, что удержание не является признаком похищения человека, что последнее заканчивается совершением действий по перемещению потерпевшего, а последующее удержание – это область иного преступления.

Выводы по данному исследованию. Норма о похищении человека самостоятельно применяться не может, а только по совокупности с незаконным лишением свободы. Таким образом, можно наблюдать явное противоречие двух норм уголовного закона. Устранение этого противоречия возможно только путём закрепления понятий «похищение человека» и «незаконное лишение свободы» в УК ДНР. Первое из них можно было бы определить, как «совершённое тайно либо открыто посредством обмана завладение (захват) потерпевшего, перемещение его в другое место и последующее удержание вопреки его воле». Незаконное же лишение свободы, в отличие от похищения человека, определить в законе как «противоправное ограничение

свободы вопреки воле потерпевшего, не связанное с его захватом и перемещением».

Список использованных источников

1. Донецкая Народная Республика. Законы. Уголовный Кодекс: Закон от 19.04.2014 года / Официальный сайт Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/> .

2. Цанева А.Н. Некоторые проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за похищение человека / А.Н. Цанева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – С. 359-363.

3. Михаль О.А. Некоторые аспекты объективного состава похищения человека / О.А. Михаль, Ю.А. Власов // Современное право. – 2013. – № 4. – С. 118-123.

4. Воронин В.Н. Уголовная ответственность за похищение человека / В.Н. Воронин // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 68-72.

5. Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть: учебник / И.Я. Козаченко. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2011. – 503 с.

6. Безрукова О.В. Незаконное лишение свободы: анализ материалов судебной практики Пензенской области / О.В. Безрукова, Д.Р. Шелков // Наука. Общество. Государство. – 2018. – Том 6. – № 1. – С. 51-56.

7. Андреева А.С. К вопросу о разграничении похищения человека и незаконного лишения свободы / А.С. Андреева // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 2. – С. 144-146.

8. Поляков Д.С. Объективные и субъективные признаки похищения человека / Д.С. Поляков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 3 (29). – С. 103-108.

9. Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Л.В. Иногамова-Хегай, А.И. Рарог. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 664 с.

10. Петров П.К. Похищение человека и незаконное лишение свободы: вопросы квалификации / П.К. Петров // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2008. – № 8. – С. 77-83.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПУТЁМ ОПТИМИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМ

Саенко Б.Е.,
канд. экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой хозяйственного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Рассмотрено содержание категории «эффективность государства», дана её характеристика применительно к условиям ДНР. Обоснована необходимость оптимизации взаимодействия экономической и правовой систем как одного из основных условий обеспечения эффективности государства. Предложены пути и способы решения проблем в области оптимизации взаимодействия экономической и правовой систем государства в интересах повышения его эффективности.

Ключевые слова: государство; эффективность; экономика; право; система; оптимизация; взаимодействие.

The content of the category «state effectiveness» is considered, its characteristic is given in relation to the conditions of the DPR. The necessity of optimizing the interaction of economic and legal systems as one of the main conditions for ensuring the effectiveness of the state is substantiated. Ways and methods of solving problems in the field of optimizing the interaction of the economic and legal systems of the state in the interest of increasing its effectiveness are proposed.

Keywords: state; efficiency; economy; right; system; optimization; interaction.

Постановка задачи. С образованием в 2014 году самостоятельного государства – Донецкой Народной Республики возникли вопросы, связанные с его устойчивостью и эффективностью. Если под устойчивостью понималось сохранение государства, его защита военными, политическими, дипломатическими средствами, то эффективность следует рассматривать как способность государства более качественно и с меньшими затратами выполнять свои функции. Одним из необходимых условий повышения эффективности государства ДНР является устранение несоответствия, существующего между экономической и правовой системами, разработка и реализация механизмов решения этого вопроса.

Обзор последних исследований и публикаций по данной проблеме. Исследования вопроса эффективности государства имеют давнюю историографию, разносторонность в зависимости от цели, аспектов и задач изучения. Например, распространённым является управленческий подход, разработанный американскими учёными и практиками Ф. Тейлором, Г. Эмерсоном и Г. Фордом. Согласно этой концепции, государство сводится к управленческой деятельности и анализируется как механизм, действующий в комбинации ряда факторов, позволяющих добиться определённых целей с максимальной эффективностью при минимальных затратах ресурсов [1; с. 33]. Известны также такие общие принципы управления А. Файоля (максимальная производительность на каждом рабочем месте), системный подход в государственном администрировании, предложенный Д. Истоном, Г. Алмондом и Т. Парсонсом, три универсальных постулата функционального подхода Р. Мертона. Общие положения этих и других научных подходов, теорий, рассматривающих управленческий аспект эффективного государства, механизмы его организации достаточно глубоко изучены и представлены в работах современных авторов [2]. Вместе с тем, современная практика формирования эффективного государства требует выходов за традиционные рамки государственного управления и администрирования, что находит отражение в трудах целого ряда авторов. Попытки переосмыслить традиционные взгляды на эффективность государства, естественно, вызывают новые проблемы.

Первая проблема заключается в том, что среди исследователей, политиков нет единства по широкому спектру вопросов государственного строительства и государственного управления как в ДНР, так и в России, которая является для Республики перспективой воссоединения. Одни исследователи считают, что госуправление является частью общей теории управления [3], другие относят госуправление к политико-правовой и социальной проблематике [4], третьи рассматривают госуправление как некую разновидность менеджмента [5]. Это разнообразие мнений объясняют советским опытом организации и функционирования государства, когда госуправление отождествлялось с политическим руководством. Однако при этом отмечается, что на сегодняшний день достигнута практически полная гармония по вопросу политической нейтральности

госслужбы [6]. Отсюда и следует трактовка госуправления в русле управленческой, но не политической науки.

В современной правовой и экономической литературе в разных аспектах рассмотрены вопросы их системного функционирования, путей и способов устранения противоречий между правовой и социально-экономической сферами в интересах повышения эффективности государства [7].

Вместе с тем, пока остаётся не до конца изученной проблема оптимизации экономической и правовой систем государства в динамике его развития, исходя из геополитических изменений, возрастания роли гражданского общества и его институтов.

Актуальность статьи. Современный этап развития ДНР характеризуется рядом внутренних и внешних факторов воздействия, в совокупности влияющих на эффективность государства. Если в отношении внешних факторов перечень инструментов и способов воздействия является ограниченным ввиду отсутствия политического признания, нарушения международных хозяйственных связей, то внутренние факторы подлежат обязательному учёту при регулировании жизнедеятельности общества и государства. Одним из таких факторов является модель общественно-государственного развития, гармонично сочетающая экономические и правовые элементы. Теоретическая разработка и практическая реализация такой модели необходимы для укрепления государства на более высоком качественном уровне.

Целью статьи является обоснование путей повышения эффективности государства на основе оптимизации взаимодействия экономической и правовой систем.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Поиск модели эффективного государства невозможен без чёткого представления о её содержании и форме, критериях существования. Исходя из данного подхода, можно предложить в качестве содержания отношения, связанные с общественной эффективностью экономики как результатом её развития в пределах определённого временного периода. Речь идёт, прежде всего, о степени социализации экономики, то есть её направленность на первоочерёдное удовлетворение общественных и личных жизненных потребностей как материальных, так и духовных. Данный аспект должен быть

определён в отраслевой структуре экономики, пропорциях народного хозяйства, закреплён в экономической системе, реализован в основных экономических показателях – темпах и качестве роста ВВП, росте производительности труда, снижении уровня инфляции и безработицы, опережающем развитии социально ориентированных отраслей, таких как здравоохранение, образование, наука, культура и т.п. Определяющим фактором экономического развития является использование современных производственных технологий, передовых форм и методов управления хозяйственной деятельностью, широкое применение стратегического планирования и программно-целевого прогнозирования. Важным является не только выбор новых качественных состояний разных сфер общества, но и конкретизация их в качественных показателях. Например, Президент РФ в целях прорывного научно-технического и социально-экономического развития, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека определил национальные цели развития РФ на период до 2024 года по следующим направлениям: демография; здравоохранение; образование; жильё и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт. Правительству РФ поставлена задача обеспечить достижение следующих национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года: обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет); обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации; улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно; ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации до 50 процентов от их общего числа; обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в

экономике и социальной среде; вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов; создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами. В соответствии с указом, Правительство Российской Федерации утвердило основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года и прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года, предусмотрев механизмы и ресурсное обеспечение достижения национальных целей, в соответствии с национальными целями разработать (скорректировать) и представило для рассмотрения на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам национальные проекты (программы) по двенадцати направлениям, указанным выше, от демографии до международной кооперации и экспорта. При этом в каждом национальном проекте (программе) Президентом РФ были определены конкретные цели и целевые показатели, которые должны быть достигнуты к 2024 году. Например, при реализации национальной программы в сфере повышения производительности труда и поддержки занятости обеспечить в 2024 году рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5 процентов в год, привлечение к участию в реализации указанной национальной программы не менее 10 субъектов Российской Федерации ежегодно, вовлечение в реализацию указанной национальной программы не менее 10 тыс. средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики. В сфере развития международной кооперации и экспорта в 2024 году обеспечить достижение следующих целей и целевых показателей: формирование в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг глобальных конкурентных несырьевых секторов, общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых

составит не менее 20 процентов ВВП страны; достижение объёма экспорта (в стоимостном выражении) несырьевых неэнергетических товаров в размере 250 млрд долларов США в год, в том числе продукции машиностроения – 50 млрд долларов США в год, а также объёма экспорта оказываемых услуг в размере 100 млрд долларов США в год; формирование эффективной системы разделения труда и производственной кооперации в рамках Евразийского экономического союза в целях увеличения объёма торговли между государствами-членами Союза не менее чем в полтора раза и обеспечения роста объёма накопленных взаимных инвестиций в полтора раза [8].

Анализ содержания документа позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в экономической системе, а, соответственно, и в экономической политике Российской Федерации отчётливо просматривается тенденция к ускорению развития реального сектора экономики, его несырьевых сегментов, таких как обрабатывающая промышленность, строительство, агропромышленный комплекс, транспорт, дорожное хозяйство и других отраслей, определяющих общественную и производственную эффективность экономики. Во-вторых, взят курс на социализацию экономики, целью которого является существенное повышение уровня и качества жизни населения страны, рост благосостояния семей, улучшения условий труда и отдыха, снижение уровня безработицы и бедности. В-третьих, происходит постепенное превращение государства в главный центр управления и регулирования социально-экономических процессов, обоснования и определения национальных стратегических целей и приоритетов. Это ведёт, в свою очередь, к изменению концептуальных подходов в экономической политике, постепенному вытеснению либерального рыночного фундаментализма идеями, обращёнными к традиционным общественно-государственным отечественным наукам. Понимание неэффективности либерально-рыночной модели, доминировавшей в западной экономике на протяжении XIX-XX веков, пришло вместе с мировыми кризисами 1998 года, 2008 года, стало побудительным мотивом для поиска новых теоретико-методологических идей и концепций разрешения обострившегося противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения материальных благ. Важнейшим

инструментом здесь следует считать научно-технический прогресс, внедрение достижений которого в общественное производство позволяет изменить характер и условия труда, повысить его производительность и эффективность, создать тем самым условия и предпосылки для обеспечения экономического роста преимущественно за счёт внедрения передовых производственных и управленческих технологий. Подтверждением необходимости поиска новых идей, разработки экономических моделей взамен утративших эффективность и перспективу либерально-рыночных моделей и их модификации являются как теоретические взгляды отечественных, зарубежных авторов, так и государственных политиков ведущих стран (США, Франции, Китая, России и др.). Так, о неприемлемости либеральной модели для России утверждает С. Сулакшин. Автор утверждает, что индекс успешности страны на фоне того, как развиваются в пространстве успешности иные страны мира, показывает для России скатывание в область неуспешности. Последний расчёт почти по 200 статистическим показателям развития страны подтверждает, что этот системный процесс возник именно тогда, когда поменялась модель страны на нынешнюю либеральную [9]. Е. Гонгмахер отмечает снижение эффективности государства в РФ на фоне практически в два раза падения цен на нефть и газ, международных санкций. В течение 2010-2019 гг. фактически не растёт экономика (рост ВВП в среднем за год в районе 1%), за последние пять лет падают реальные доходы населения [10]. Исходя из сложившегося положения, автор считает необходимым проведение масштабных реформ – начиная от политической, судебной и правоохранительной и заканчивая экономической и социальной реформами. Дж. Стиглиц пишет, что в течение последних десяти лет четыре из главных проблем, с которыми столкнулось наше общество, были частью великого разделения – огромного неравенства, нарастающего в США и во многих других развитых странах: ошибки в экономическом управлении, глобализации и роли государства и рынка. Ошибки в нашей экономике и ошибки в вопросе глобализации, в свою очередь, связаны с ролью особых интересов в нашей политике, которая всё больше представляет интересы лишь одного процента (населения Земли – прим.). И хотя политика является лишь частью причин наших нынешних проблем, многие ответы мы найдём именно в ней: рынок сам по себе такого не сделает. Свободные

рынки приводят к увеличению власти монополий, большим злоупотреблениям в финансовом секторе, более несбалансированным торговыми отношениями. Только путём реформирования нашего демократического строя наше правительство станет больше соответствовать интересам всех людей, что позволит нам избавиться от великого разделения и направить страну к всеобщему процветанию [11; с. 6]. На внутренние и внешние угрозы России указывают М. Делягин, С. Глазьев, А. Фурсов. Они считают, что системный кризис мировой капиталистической системы всё более явственно превращается в решающий фактор мирового развития, а точнее, мировой деградации. Кардинальная, но при этом неуправляемая трансформация всей структуры международных отношений уже началась стратегическая неопределённость – вот что сегодня доминирует в поведении и мышлении многих, если не большинства, государственных деятелей и политических элит. Среднесрочные прогнозные сценарии и модели перестают эффективно работать. Сегодня для ответственных лидеров именно проблема национального выживания в условиях глобального системного кризиса становится наиважнейшей. Что может противопоставить Россия предельным рискам и вызовам завтрашнего дня? Способен ли российский социум реально бороться за своё выживание и за своё жизненное пространство? Если откровенно, то ни российское общество, но российское государство к надвигающимся драматическим, возможно, катастрофическим изменениям пока не готово. Авторы констатируют, что российское общество охвачено системным кризисом, выход из которого не лежит в плоскости простых решений. Они предлагают в качестве наиболее предпочтительного сценария временного или окончательного преодоления внутреннего системного кризиса такой, когда при соответствующем харизматическом лидере и ответственной элите речь может идти об эффективной выработке и успешной реализации долгосрочной системной стратегии. По их мнению, если исходить из нынешней драматической ситуации в мире, а также потенциально ещё более драматических последствий для самой России, то наша национальная системная стратегия «большого рывка» должна быть сформулирована и реализована в виде особого мобилизационного проекта [12; с. 4-11].

Таким образом, эффективность государства в современном измерении определяется совокупностью взаимосвязанных критериев и показателей. При этом, соотнося между собой факторы, влияющие на эффективность государства как общественного института, на данном этапе следует отдать предпочтение политическим факторам перед социально-экономическими и правовыми факторами. Этот вывод основан на изучении содержания внутригосударственных и межгосударственных процессов, которые определяют смещение акцентов в сторону приоритетности национальных интересов ведущих стран – США, Китая, Индии, России, развитых стран ЕС – Германии, Франции, Великобритании. Под воздействием политических решений правительств происходит реформирование национальных экономик с целью сохранения и наращивания конкурентных преимуществ на мировом рынке, ёмкость которого ограничена. Доступ на такой рынок и максимальную выгоду от участия в нём могут получить только страны с развитой конкурентоспособной экономикой, предлагающие уникальные, остро востребованные товары и услуги различного назначения.

В этом плане жизненно важным для ДНР является правильный выбор стратегических политических, социально-экономических и правовых приоритетов. Первый этап, связанный с образованием ДНР, формированием институтов государственности, гражданского общества, экономической, финансовой и правовой систем, подтвердил исторический выбор народа ДНР на вхождение в Россию в качестве полноправного федеративного субъекта. Возможность такого шага основана на мощном производственно-промышленном, инфраструктурном и кадровом потенциале Донецкого региона, занимавшего в своё время ведущее место в народнохозяйственном комплексе СССР. При условии технологической модернизации производства, крупных предприятий и объединений, составляющих основу экономики ДНР и определяющих конкурентоспособность их продукции на мировом рынке.

Это означает, что, помимо социально-политического стремления ДНР в пространство исторической России, Республике стоит решить ряд сложных внутренних задач по восстановлению и модернизации собственного производственно-промышленного потенциала. По результатам анализа экономики ДНР в 2018 г. при

росте общего объёма реализации промышленной продукции наблюдается сокращение доли основных промышленных производств. Реальный сектор экономики задействован не более чем на 30% официально. Отсутствуют оборотные средства, наблюдается слабая деловая активность населения – незначительная доля малого и среднего бизнеса в производстве (большая часть в торговле), что способствует отчуждению населения от инициативного участия в экономических процессах (кроме потребления минимальных благ) [13; с. 120-121]. Давая реальную оценку сложившегося положения, авторы видят возможность реализации проактивного сценария развития экономики ДНР, который может обеспечить выход на среднегодовые темпы экономического роста 5-8% в течение первых трёх лет, и последующие высокие темпы экономического роста на уровне свыше 8% [13; с. 123].

Разделяя научный подход авторов к определению ожидаемых эффектов от реализации мероприятий для достижения роста экономики ДНР, отражающий геополитический, экономический, социальный, политический аспекты, необходимо дополнить указанный перечень правовым фактором. Изменение содержания и направленности экономических процессов, повышение их общественной эффективности предполагает реформирование правовой системы, особенно в части хозяйственно-правового регулирования. Формальное закрепление экономических отношений в нормативных правовых актах является обязательным условием их эффективного регулирования, начиная от конституционного уровня вплоть до уровня базового звена экономики – предприятия.

Выводы.

1. Эффективность государства представляет собой комплексную категорию, содержащую несколько основных элементов: экономический, правовой, национально-культурный, исторический. На различных этапах общественного развития соотношение и приоритетность этих элементов может изменяться под воздействием различных факторов – внутренних и внешних, структуры производительных сил и содержания производственных отношений, степени развития научно-технического прогресса.

2. В современных условиях, которые характеризуются сменой производственно-технологических укладов в мировой и

национальных экономиках, ведущую роль играют политические факторы, направленные на изменение миропорядка, сложившегося в индустриальную и постиндустриальную эпоху XX – начала XXI вв. Это обстоятельство предопределяет отказ от тупиковой либерально-рыночной экономической модели в пользу государства, выступающего представителем интересов всего общества и гарантом обеспечения личных интересов, прав и свобод каждого человека.

3. Повышение эффективности государства в ДНР требует учёта нескольких важных обстоятельств.

Во-первых, выбор народа Республики на вхождение в Россию как свою историческую родину требует проведения целого ряда политических, социально-экономических, правовых реформ, направленных на развитие экономики и общества до уровня современных требований.

Во-вторых, необходима разработка стратегического плана реформ, ориентированного на принятые в РФ критерии и показатели, в том числе по реализации национальных проектов и программ согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204.

Список использованных источников

1. Василенко И.А. Государственное и муниципальное управление / И.А. Василенко. – М.: изд-во «Юрайт», 2010. – С. 33.

2. Карелина И. Современные проблемы эффективного государства / И. Карелина, С. Мельников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawinrussia.ru>.

3. Граждан В.Д. Теория управления / В.Д. Граждан. – М.: изд-во РАГС, 2004. – С. 237.

4. Зеркин Д.П. Основы теории государственного управления / Д.П. Зеркин, В.Г. Игнатов. – М.: Тесса, 2000. – С. 12.

5. Халиков М.И. Факторы и особенности становления современной модели управления в Российской Федерации / М.И. Халиков. – Власть. – 2010. – № 7. – С. 82.

6. Тихомиров Ю.А. Оптимизация правового регулирования в контексте социально-экономического развития / Ю.А. Тихомиров // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 108-113.

7. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2018 года № 204 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru>.

8. Сулакшин С.С. От либеральной патологии – к будущей России / С.С. Сулакшин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru>.

9. Гонтмахер Е. Диагноз: паралич государства / Е. Гонтмахер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2019/09/04/gosudarstvu-postavili-diagnoz-paralich.html>.

10. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Дж. Стиглиц. – М.: Издательство «Эксмо», 2016. – 256 с.

11. Делягин М. Стратегия «большого рывка» / М. Делягин, С. Глазьев, А. Фурсов. – М.: Алгоритм, 2014. – 131 с.

12. Половян А.В. Проблемы и ключевые приоритеты развития экономики ДНР / А.В. Половян, Р.Н. Лепа, Р.Н. Гриневская // Современные проблемы хозяйственного законодательства: материалы I Международной научно-практической конференции (г. Донецк, 25 октября 2018 г.): ГУ «Институт экономических исследований»; под ред. О.А. Амуркова. – Донецк: Изд-во ФЛП Кириенко С.Г., 2019. – 388 с.

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМАЛЬНОГО СОЧЕТАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО И ЛОКАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сичкар В.А.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

Проведен анализ исследований и мнений учёных по проблеме оптимального сочетания централизованного и локального регулирования трудовых отношений. Рассмотрено централизованное и локальное регулирование отдельных отношений в сфере труда. Предложены пути совершенствования централизованного и локального регулирования трудовых отношений в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: трудовые отношения, гармонизация, производство, правовое регулирование, работник, работодатель.

The analysis of researches and opinions of scientists on the problem of optimal combination of centralized and local regulation of labor relations is presented. Centralized and local regulation of separate relations in the sphere of labor is considered. The ways of improving the centralized and local regulation of labor relations in the Donetsk People's Republic are proposed.

Keywords: labor relations, harmonization, production, legal regulation, employee, employer.

Проблемой в указанной сфере на сегодняшний день является то, что централизованное регулирование преобладает над локальным. Также имеет место дискурс, является ли вообще целесообразным сочетать централизованное и локальное регулирование трудовых отношений.

Цель этого исследования: предложить пути гармонизации, оптимального сочетания централизованного и локального регулирования трудовых отношений.

Вопросы регулирования правового обеспечения трудовых отношений на центральном и местном уровнях являются чрезвычайно важными, поскольку гармоничное сочетание даёт возможность эффективно использовать человеческий потенциал в различных отраслях: в производстве, оказании услуг,

государственном управлении, охране правопорядка, окружающей среды и других сферах.

Трудовые отношения имеют двойное регулирование: централизованное и локальное. Централизованное осуществляется на уровне государства и нашло своё отражение в Конституции Донецкой Народной Республики [1], Кодексе законов о труде [2], законе ДНР «Об отпусках» [3], законе ДНР «О занятости населения» [4], законе ДНР «Об основах общеобязательного социального страхования» [5], законе ДНР «Об оплате труда» [6] и других, постановлениях Правительства ДНР, актах министерств и других центральных органов исполнительной власти.

Локальное регулирование осуществляется через решения органов местного самоуправления и местных органов исполнительной власти, структурных подразделений центральных органов исполнительной власти на местах, в учреждениях и организациях.

Правовое регулирование трудовых отношений – сложная система, включающая целый ряд подсистем низшего порядка. Среди них важное значение отводится системам централизованного и локального регулирования. Сложность правового регулирования в указанной сфере обусловлена сложностью общественных отношений, требующих различного характера регулирования.

По мнению П.Д. Пилипенко, одним из важнейших принципов, которые определяют сущность трудового права, является принцип сочетания централизованного и локального регулирования трудовых отношений [7, с. 206]. Несмотря на объективную природу локального правового регулирования общественно-трудовых отношений, его развитие происходит слишком медленно. При формальном существовании двух равнозначных методов регулирования в сфере труда – централизованного и локального – неоправданное предпочтение отдаётся первому.

Такое соотношение является результатом системы управления, основанной на жёстком централизме. Отказ от неё, переход к рыночным механизмам управления требуют более гибкого подхода к вопросу правового регулирования трудовых и связанных с ними отношений [8, с. 368].

Централизованное и локальное регулирование трудовых отношений – однородные, тесно связаны между собой, и, кроме

того, взаимодополняющие друг друга методы воздействия права на отношения в сфере труда.

Анализ последних исследований. Проблемам метода правового регулирования отношений в сфере трудового права, а также проблеме сочетания централизованного и локального регулирования трудовых отношений уделяли внимание такие учёные как Н.Г. Александров, А.И. Процевский, В.М. Лебедев, Н.Д. Гетманцева, С.С. Алексеев, В.А. Процевский, В.В. Лазор и др. Они считают, что наиболее эффективным для регулирования трудовых правоотношений, в том числе это касается и порядка определения условий трудового договора, следует определить эффективное сочетание централизованного и децентрализованного регулирования. Именно с помощью государства в условиях кризиса и обострения отношений «работник – работодатель» через значительное количество нарушений законодательства о труде устанавливаются минимальные стандарты и гарантии в сфере труда, определяются пределы договорного регулирования, что способствует налаживанию социального равновесия.

Данной проблеме уделено внимание рядом специалистов. В частности С. Венедиктов отмечает: «...очень важно, чтобы меры морального поощрения персонала находили своё отражение в локальных нормативно-правовых актах конкретного органа, структуры или подразделения внутренних дел» [9, с. 88]. Соглашаясь с тезисом Н.И. Иншина о том, что дифференциация правового регулирования трудовых отношений путём конкретизации общих норм права специальными нормами, не видим достаточной убедительности в его утверждении, что дифференциация осуществляется ещё и путём принятия локальных норм, распространяющихся на всех членов трудового коллектива по тем вопросам, которые вообще не урегулированы в централизованном порядке» [10, с. 168].

По нашему мнению, здесь речь идёт и о «общих» локальных нормах (например, предписания определённого предприятия), и о «специальных» локальных нормах (например, нормативные положения, касающиеся особенностей труда работников того или иного структурного подразделения отдельного предприятия).

За основу понимания термина «оптимальное сочетание» во время характеристики «принципа оптимального сочетания централизованного и локального правового регулирования

трудовых отношений» следует принять то, что такое «сочетание» должно быть наиболее благоприятным, таким, которое позволяет наилучшим образом реализовать обозначенный принцип на практике. Понятно, что вопрос это непростой, особенно, если принять во внимание, что речь идёт об использовании в указанном сроке, в качестве базового, именно оценочного понятия – «оптимальный». Поэтому использование в этой области, как и в любой другой, оценочных понятий требует определённых оговорок.

В эпоху развития индустриального и постиндустриального общества, широкого использования экономических методов управления как работниками, так и работодателями должны иметь возможность выбора вариантов поведения. Законодательство должно быть настолько демократичным, чтобы на уровне предприятия, учреждения, организации существовала реальная возможность для создания локальных правовых норм. Только так можно совместить централизованное регулирование труда с конкретными потребностями и требованиями субъектов трудовых отношений. Чтобы не повторять ошибок прошлого, сейчас нужно решительно изменить в науке и на практике устоявшееся отношение к локальному регулированию, разработать новую концепцию, основной целью которой должно стать существенное расширение самостоятельности субъектов трудового права в правовом регулировании труда. Достижение этой цели существенным образом изменит характер соотношения между централизованным и локальным правовым регулированием, внесёт существенные коррективы в общее направления развития правового регулирования отношений в сфере труда [11, с. 105-108].

Отстаивается позиция, что каждый из указанных методов правового регулирования труда выполняет собственную, присущую только ему роль и имеет собственные особенности. Так, отмечается, что централизованный метод – это основанное на действии общих правовых норм средство урегулирования «базовых» общественных отношений по поводу организации труда, направленный на одинаковое упорядочение взаимоотношений субъектов этих отношений и связан с законодательным закреплением минимального уровня трудовых прав наёмных работников и гарантий их реализации. В свою очередь, децентрализованный (локальный) метод – это основанное на

действию подзаконных нормативных актов средство урегулирования правоотношений по поводу работы, который заключается в принятии или санкционировании государством локальных правовых норм, принимаемых на уровне предприятия с целью детализации, конкретизации общих правовых предписаний, а также упорядочение конкретных и специфических трудовых отношений, которые не могут ухудшать положение работников по сравнению с трудовым законодательством.

Вместе с тем, несмотря на то, что в условиях рыночной экономики наблюдается тенденция к расширению сферы локального регулирования, не стоит думать, что со временем потребность в централизованном регулировании труда вполне отпадёт, то есть, что этот принцип трудового права не является перспективным. В частности, П.Д. Пилипенко считает, что правительство будет продолжать выполнять свою функцию гаранта основных трудовых прав граждан, поэтому соответствующий минимум таких гарантий будет определяться как в Конституции ДНР, так и в Кодексе законов о труде и других нормативных актах. Кроме того, сфера локального регулирования – это, преимущественно, собственно трудовые отношения: трудовой договор, рабочее время, время отдыха, трудовая дисциплина и тому подобное. Другие же институты трудового права: трудоустройство, надзор и контроль над соблюдением трудового законодательства, разрешения трудовых споров традиционно и справедливо считаются участками централизованного правового обеспечения.

Итак, специфика этого принципа заключается в том, что полнота правового регулирования обеспечивается благодаря оптимальному сочетанию как централизованного, так и локального правоопределения.

Локальное правотворчество в сфере трудового права происходит преимущественно для конкретизации централизованных норм об условиях соответствующих предприятий, учреждений, организаций. Локальные нормы будто логично дополняют общие правила, которые получают регулятивные свойства только благодаря сочетанию централизованного и локального правоустановления.

При «заключении и расторжении трудового договора» выяснены особенности соотношения централизованного и локального методов при регулировании данной группы отношений.

Доказано, что основными объектами регулирования института трудового договора с помощью того или иного метода являются соответствующие действия сторон (поведение работника и работодателя) и положения трудового договора, которыми определяются трудовые и связанные с ними права и обязанности сторон, которые в своей совокупности образуют условия трудового договора.

Так, при заключении трудового договора приоритетное значение имеет наличие в нём обязательных условий, которые являются результатом централизованного метода правового регулирования. Относительно факультативных условий, то здесь преимущественно применяется локальный метод согласования условий трудового договора. Ст. 9 Кодекса законов о труде является гарантией того, что условия первой группы обязательно будут изложены в трудовом договоре, а условия второй не нарушат или не ограничат права сторон (в первую очередь работника). В то же время при расторжении трудового договора соответствующие нормы в большей степени должны носить характер юридических гарантий прав работника от необоснованного увольнения. Последнее касается применения централизованного метода, а локальный метод можно использовать как средство учёта интересов работодателя.

Доказано, что действие централизованного и локального методов правового регулирования отношений по заключению и расторжению трудового договора проявляется в следующем: а) общий порядок возникновения или прекращения трудовых правоотношений регламентируется посредством централизованного метода; б) централизованный метод регулирования труда в рассматриваемом случае устанавливает пределы локального нормотворчества; в) локальный метод связывается с договорным характером определения содержания прав и обязанностей сторон трудового договора; г) локальное регулирование позволяет наиболее полно учесть определённые особенности, которые имеют как само производство, так и характер труда на конкретном предприятии. Такое соотношение централизованного и локального методов (как общего, так и особенного) регулирования института трудового договора, а соответственно, и установления условий и оснований его заключения и расторжения, в большей степени соответствует

рыночным условиям, которые сложились в Донецкой Народной Республике в сфере труда.

«Отношения в сфере оплаты труда работников» подвергнуто анализу правового регулирования указанного института с помощью централизованного и локального методов регулирования.

Проведенным анализом установлено, что оптимальное и научно обоснованное сочетание централизованного и локального методов регулирования отношений в сфере оплаты труда непосредственно влияет на: а) степень нормативно-правового обеспечения указанного вопроса; б) введение определённой системы гарантий обеспечения прав работников на оплату труда; в) внедрение более дифференцированного подхода к учёту особенностей трудовой деятельности работника при определении реального размера оплаты его труда; г) ввод в действие современных механизмов управления отношениями в сфере оплаты труда; д) дальнейшее развитие социальной сущности нашего государства [12, с. 117-125].

Как свидетельствуют результаты исследования, использование централизованного и локального методов регулирования отношений в сфере оплаты труда имеет значительный потенциал для обеспечения поставленных перед государством задач, а также является одним из основных средств их достижения. Однако не следует забывать, что при правовом упорядочении регулирования отношений в сфере оплаты труда одинаково важны как централизованный, так и локальный методы регулирования. Это нужно последовательно учитывать при разработке соответствующих норм проекта Трудового кодекса ДНР.

Таким образом, чтобы гармонизировать централизованное и локальное регулирование трудовых отношений в ДНР нужно сформировать наиболее оптимальные формы сочетания централизованного и локального правового регулирования труда, в том числе в контексте необходимости приведения его в соответствие с законодательством Российской Федерации.

Вывод. Проведя анализ соотношения централизованного и локального регулирования трудовых правоотношений, можно сделать вывод, что оно требует как дальнейшего разграничения, так одновременно и более тесного взаимодействия. Достижению этой цели будут способствовать следующие положения:

1. Для образования оптимального соотношения между этими методами необходимо: а) выработать эффективный механизм их взаимодействия; б) образовать чёткий понятийно-категориальный аппарат; в) закрепить, что ведущими являются нормы централизованного (общего) характера; г) установить, что локальные нормы принимаются на основании и с учётом централизованных (общих) положений; д) зафиксировать, что централизованные (общие) нормы должны быть конкретными, поскольку стремление к максимальному учёту в них индивидуальных особенностей правоотношений может привести к потере таких их свойств, как способность определять определённый масштаб поведения субъектов права; е) закрепить, что локальная норма необходима в том случае, когда централизованная (общая) норма не может урегулировать определённые отношения.

Необходимость приведения трудового законодательства Донецкой Народной Республики в соответствие с требованиями Российской Федерации в части надлежащего определения соотношения централизованного и локального методов предопределяет: 1) проведение юридической экспертизы всех законопроектов, а также подзаконных нормативных актов, регулирующих трудовые и связанные с ними отношения, на соответствие с международно-правовыми актами, с подготовкой специального заключения; 2) обеспечение уполномоченными министерствами и ведомствами систематического контроля над соблюдением законодательства в сфере правоприменения с учётом международно-правовых документов и практике их реализации [13, с. 160-165].

Список использованных источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>.

2. Кодекс законов о труде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravodnr.ru/lawdnr/kzot-dnr/>.

3. Об отпусках: Закон ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-otpuskah/>.

4. О занятости населения: Закон ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-zanyatosti-naseleniya/>.
5. Об основах всеобщего социального страхования: Закон ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-obshheobyazatelnom-sots-strahovanii/>
6. Об оплате труда: Закон ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-oplate-truda/>.
7. Трудове право України: академічний курс: підручник для студ. горид. Т78 спец. вищ. навч. закл. / П.Д. Пилипенко, В.Я. Бурак, З.Я. Козак та ін.; за ред. П.Д. Пилипенка. – 2-е вид., перероб. і доп. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2006. – 544 с.
8. Лукаш С.С. Соотношение централизованного и локального регулирования трудовых отношений в условиях рыночной экономики: монография / С.С. Лукаш. – Х.: Изд-во «ФИНН», 2009. – 368 с.
9. Венедиктов В.С. Юридическая ответственность сотрудников ОВД Украины: монография / В.С. Венедиктов. – М.: НУВД, 2003. – 269 с.
10. Иншин М.И. Правовое регулирование служебно-трудовых отношений в Украине: монография. – М.: Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2004. – 337 с.
11. Лукаш С.С. Становление и развитие локального регулирования трудовых отношений на территории Украины IX – нач. XX вв.ст. / С.С. Лукаш // Наука і правоохорона. – 2010. – № 4 (10). – С. 105-108.
12. Лукаш С.С. Регулирование отношений в сфере оплаты труда / С.С. Лукаш // Актуальные проблемы работы с персоналом в правоохранительных органах: материалы научно-практической конф. – Х., 2008. – С. 117-125.
13. Лукаш С.С. Применение зарубежной практики в вопросе централизованного и локального регулирования труда / С.С. Лукаш // Правовые средства обеспечения и защиты прав человека: отечественный и зарубежный опыт: мат. Всеукр. науч.-практ. конф. учёных, преподавателей, аспирантов, студентов. Кн. 1. – Луганск, 2010. – С. 160-165.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА

Сичкар В.А.,
канд. юрид. наук, доцент
доцент кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;
Кондрашина К.С.,
магистрант кафедры хозяйственного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В данной статье исследуется сфера общественных отношений, связанных с совершением мошенничества. На основе историко-правового анализа проанализированы проблемы квалификации мошенничества.

Ключевые слова: история, анализ, мошенничество, обман, злоупотребление доверием.

This article explores the scope of public relations related to the commission of fraud. Based on the historical and legal analysis, the problems of qualification of fraud are analyzed.

Keywords: history, analysis, fraud, fraud, breach of trust.

Постановка задачи. Состав преступления, известный в наше время как мошенничество, известен в законодательстве многих народов мира, начиная с древнейших времён. Изучение эволюции представлений о мошенничестве, в том числе в сфере уголовного права, может стать предметом отдельного глубокого исследования.

Цель исследования – проанализировать наиболее интересные моменты, связанные с квалификацией мошенничества, начиная с представлений о мошенничестве восточных народов за несколько веков до нашей эры и заканчивая современным моментом для отображения общей панорамы, которые позволят определить логику произошедших изменений.

Анализ научных исследований. Отметим, что многие учёные и практики как А. Безверхов, И.А. Клипецкий, С.М. Кочои, С.А. Елисеев, В.В. Хилюта, Л.Р. Хилязова и др. придерживаются мнения о «цивилизованности» мошенничества как вида преступлений: «Уголовно-правовые нормы об обманах в имущественной сфере – плод более развитого экономического

состояния общества в сравнении с нормами о других имущественных преступлениях. Указанные посягательства появляются и получают распространение по мере развития договорных отношений, экономическую основу которых составляют глубокое общественное разделение труда, господство обмена и товарно-денежных отношений, развитие торговли и иных атрибутов товарного хозяйства» [2, с. 8-12].

Изложение основного материала исследования. Например, в кодексе законов вавилонского царя Хаммурапи (XVIII ст. до н.э.) в параграфе 227 указывалось, что любой, кто обманет цирюльника, призвав его поставить клеймо непродávаемому рабу, будет приговорен к смертной казни, а вот, например, пастух, уличённый в незаконном присвоении скота, должен будет вернуть украденное вдесятеро. Действия обманщиков при этом не подразделяются на виды в зависимости от цели, т.е. мошенничество классифицируется древним восточным народом либо как кража, либо как ложное деяние.

Не рассматривало мошенничество в современном понимании этого явления библейское право. Вне зависимости от цели обман был отдельным видом преступления, суть которого состояла в посягательстве на правду. Иными словами, с позиций библейского права мошенничество является составным преступлением и представляет собой связь обмана и посягательства на чужое право собственности.

Познавательный анализ библейских случаев толкования преступных действий как мошенничество даётся в «Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона» [1, с. 348-353].

В частности, под квалификацию обмана с корыстной целью подпадает поступок патриарха Якова, одного из известных библейских праотцов-патриархов. Для получения благословения отца, предназначенного не ему, а Исаве, Яков переоделся в одежду брата и накрыл кожей козла части тела, лишённые растительности, для создания эффекта волосатости: «впрочем, для Якова может служить смягчающим обстоятельством то, что он действовал по внушению матери Реввеки, которой принадлежит и инициатива, и исполнение (Бытие, 27, 6-17)» [1, с. 348-353].

Впрочем, и сам Яков оказывается в роли человека, ставшего жертвой мошенничества. Его доверием злоупотребляет Лабан и в вечерний час, чтобы скрыть истинную ценность, вводит к нему в

дом дочку Лию вместо Рахили. Яков, впервые встретив Рахиль, настолько сильно влюбляется в неё, что для получения руки девушки нанимается к её отцу пасти овец в течение семи лет, но в результате мошеннических действий отца девушек, срок его наёмной работы увеличивается вдвое – до четырнадцати лет.

Как мошенничество в современном понимании можно трактовать и действия Изебель, которая нанимает ложных свидетелей для того, чтобы они оболгали Набота.

В своё время Изебель имела огромное влияние и на Израильское, и на Иудейское царства. При этом её характер отмечался властолюбием, тщеславностью. Царица требовала беспрекословного повиновения, а для достижения цели могла пойти не только на обман или мошенничество, но и на убийство.

Вина Набота состояла именно в неповиновении: израильтянин отказал царю продать свой виноградник, поскольку считал его наследством, доставшимся от предков, за что его и решила наказать Изебель. Суд над нарушителем царской воли происходил публично и с размахом. Нанятые царицей лжесвидетели убеждали присутствующих на народном собрании в том, что Набот высказывался нелицеприятно о Боге и царе, всячески хулил их. Виноградаря вывели за пределы города и побили камнями, но царю Ахабу так и не удалось получить удовольствие от завладения чужим имуществом. В отвоёванном таким нецивилизованным образом винограднике его встречает пророк Илия и сообщает о печальной судьбе всего рода.

Как отмечают исследователи, действия Изебель в данной ситуации можно квалифицировать как один из случаев, встречающихся и в современной практике. Речь идёт о несовпадении обманутого лица и лица, которое пострадало от обмана: «здесь обман народа, повлекший за собой смерть Набота, является средством к посягательству на имущество; вместе с тем, обманутое лицо не совпадает с лицом, пострадавшим от этого обмана» [1, с. 348-353].

В качестве мошенничества в современном понимании этого понятия могут рассматриваться и такие случаи покушения на имущественные права как:

- взяточничество судей;
- фальсификация мер и весов;

- перенос камня, свидетельствующего о величине земельного участка;
- случаи ложной присяги, которая позволяет обмануть судью и посягать на спорное имущество;
- ложные свидетельские показания в процессах, в которых непосредственно рассматриваются права на имущество;
- распространение лжи и клеветы, которые могут причинить материальный убыток объекту и др. [1, с. 348-353].

Все перечисленные случаи, кроме ложного свидетельства с корыстной целью, рассматриваются в рамках гражданского иска, а выбор преследования определяется жалобой пострадавшей стороны. В случае ложного свидетельства с корыстной целью актуализируется принцип юридической ответственности, известный как талион, т.е. ложный свидетель получает такое же наказание, как тот, который мог быть ложно обвинен.

Древнее восточное законодательство имеет ещё один источник сведений – это еврейский кодекс религиозно-юридических правил жизни Талмуд, который, к тому же, отображает новый уровень общественных отношений, обусловленный развитием торговли.

Существенными изменениями, направленными против мошеннических злоупотреблений, является, в первую очередь, целая система доказательств, могущих подтвердить злой умысел мошенника. Не менее важным является введение нотариальных документов для подтверждения сделок гражданского или же коммерческого характера. Они требуют свидетельства очевидцев, заверения подписями сторон сделки.

В плане наказания Талмуд также суров, поскольку диктует правило лишать всех уличённых в мошеннических намерениях доверия со стороны общества и определённых личных прав.

Таким образом, в Талмуде понимание мошенничества приближается к современному и фактически в целях и характере приравнивается к грабежу.

Интересно, что в древнейшей части Талмуда – Мишне – дифференцируются мошенничество и фальсификация, и для их обозначения используются два термина:

- «кража сознания» как название невинной формы обмана, когда жертва вводится в заблуждение. Например, награждение нееврея-рабочего за труд трэфной курицей, стоимость которой невысока;

– «кража зрения» как название фальсификации, связанной в основном с фальшивыми мерами и весами, фальсификацией товара и некоторых других [1, с. 348-353].

В Мишне получают новое толкование и нечестные манипуляции с межевым камнем. Если мошенник переносит камень втайне, то его действия квалифицируются как кража, если же он применяет насильственные действия, то уже как грабеж.

Следует отметить, что список видов мошенничества в Мишне значительно превышает имеющийся в Библии и включает ряд неизвестных прежде. К ним можно отнести:

– мошеннические намерения при предъявлении гражданского иска;

– уклонение от уплаты налога (дефракция);

– правовая сделка между лицами, заключённая для вида, основной целью которой является намерение обмануть третье лицо, причинить этому лицу убыток (симуляция);

– скрывание предметов, с которых должен быть взыскан долг, с последующим изгнанием из общины лица, причастного к данному виду мошенничества. Позже наличие данной квалификации привело к обязательной присяге, когда должник клялся, что ничего из имеющегося у него имущества он не утаил и не подарил с условием возврата назад [1, с. 348-353].

Важные исторические сведения по истории мошенничества приводит в пример и анализирует представитель юстиции Республики Беларусь В.В. Хилюта в статье «Мошенничество в историко-правовом аспекте», уделяя внимание и мировому историческому процессу, и процессам, происходящим в славянском мире.

В частности, учёный-практик определяет основную ось квалификации мошенничества, связанную с различием насилия, обмана, подлога и др.

В.В. Хилюта указывает на то, что значение деликта против имущественных прав в древнеримском праве было достаточно широким и не совпадало ни с пониманием кражи, обмана или присвоения, при этом обман (*dolus*) «вошёл в ряд деликтов со времени введения претором в 66 г. до н.э. инфарирующего иска *actiodoli*, направленного на простое возмещение причинённого обманом вреда» [2]. Размытость понятия *actiodoli* позволяла

юристам использовать его во всех тех случаях, когда возможность оформить иной иск сводилась к нулю.

Основой имущественных прав, имеющей неопределимое значение для уголовно-правовой практики оценки преступных действий, стал *Stellionatus* как коварное или ложное действие, которое влечёт «уголовное наказание, не подходящее под точно определённое преступление» [3, с. 25-27].

Так, в римском праве выделение мошенничества в особый вид преступления под названием *Stellionatus* происходит во время гражданской войны, с одной стороны, в связи с участвовавшими случаями разнообразных преступлений, суть которых состояла в обмане с корыстной целью или же получении имущественной выгоды, а с другой – вследствие развития отношений ипотеки, когда «наказуемым признавался заклад чужого имущества и своего нескольким лицам порознь» [3, с. 25-27].

В английской традиции понятие мошенничества вводится для того, чтобы обозначить ранее ненаказуемые действия лиц, которые приобретали право собственности обманным путём.

А вот в русском уголовном праве первоначально (X-XV века) предписания полицейских касались случаев обмана в торговой сфере, что повлекло унификацию системы мер и весов. В статье Л.Р. Гилязовой «Понятие мошенничества: ретроспективный анализ» исследуется исторический аспект становления понятия мошенничества преимущественно в русской древней и современной российской законодательной действительности [3, с. 25-27].

В частности, автор отмечает отсутствие квалификации мошенничества в таких памятниках древнего законодательства как «Русская правда», Псковская Судная грамота и некоторые другие. Первоисточником сведений о квалификации мошенничества является Судебник времен Ивана Грозного, в котором указывалось, что мошенник и вор должны иметь одинаковое наказание – казнь. А вот В.В. Хилюта приводит пример, указанный в комментариях к «Пространной редакции Русской Правды», в котором описана та же норма, но правда, без формы наказания – вор и мошенник одинакового не должны пользоваться доверием.

Итак, понимание мошенничества как самостоятельного деяния в русском правовом поле формируется на границе XVI-XVII веков, что, как и в случае с древними народами Востока, было

обусловлено развитием торговой сферы. Таким образом, по словам Л.Р. Гилязовой, даже в конце XIX века мошенничество в законодательной практике не является самостоятельным видом посягательства, хотя в судебной практике его понимание целиком сложилось. Это «умышленные действия лица с целью похищения чужого имущества посредством обмана, под которым понимались ложь, лживые поступки и сведения, искажения истины с намерением обморочить кого-то» [3, с. 25-27].

В.В. Хилюта также убеждён, что в русской традиции понятие мошенничества формируется судебной практикой, причём уже вначале этого процесса развивается две тенденции в его квалификации: «а) обман охватывается мошенничеством как общее понятие; б) в уголовном законодательстве присутствуют самостоятельные случаи обмана (не охватываются родовым понятием мошенничества) ввиду их исторического происхождения» [2, с. 8-12]. Происходит постепенная замена теории, так называемого нормального благоразумия на обязательную личную осмотрительность, что перемещает зону ответственности со среды или нравов в среде, где произошёл обман, на личность самого мошенника. Иными словами, если потерпевший был неосмотрительными, обманщик может остаться без наказания.

Учёный указывает на то, что постепенно в национальных правовых системах, в том числе и русской, формируется понятие о наказуемом обмане, одним из важных признаков которого являлся имущественный ущерб. Однако вскоре происходит переосмысление понятия, что позволяет толковать наказуемый обман как лживый поступок, который явился средством нарушения юридически охраняемых благ.

Первый уголовный кодекс Российской империи – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – трактовал мошенничество как хищение (вещи, деньги, другое движимое имущества), совершённое посредством обмана, который определялся при наличии таких признаков как заведомое, намерение обольщения другого лица, искажение истины. Обман юристы к XIX веку понимали, как отдельный вид мошеннической деятельности, не связанный с хищением имущества.

В Уголовном уложении за 1903 год предметом мошенничества обозначалось не только движимое имущество, но и всякого рода

вообще имущественные блага и права на них. В соответствии со ст. 591, как мошенничество квалифицировались похищения движимого имущества посредством обманаобмера, обвеса или же обмана, связанного с количеством и качеством предметов в возмездных сделках, например, купле-продаже, а также побуждение доставить имущественную выгоду, уступить права на имущество или вступить в иную невыгодную сделку, связанную с имуществом посредством того же обмана.

Как считает В.В. Хилюта, формулирование ст. 611 стало показателем того, что русским правоведам удалось разработать теорию наказуемого обмана, который квалифицировался как преступный, когда порождал неправильное представление потерпевшего о возможностях распоряжения своим имуществом: «В составе мошенничества значение обмана сводилось к искажению фактов настоящего и прошедшего. Побуждение лица, не имевшего ясного представления о свойствах и значении совершаемого по имуществу действия, посредством лживых обещаний и иных уловок образовывало недобросовестность по имуществу» [2, с. 8-12], т.е. сокрытие или искажение фактов в качестве объективно познаваемых обстоятельств рассматривалось также как обман.

В советское время квалификацию «получение с корыстной целью имущества или права на имущества посредством злоупотребления доверием или обмана» [3, с. 25-27] мошенничество получает в Уголовном кодексе УССР и РСФСР в первой редакции, опубликованной в 1922 году. При этом обманом считалось сообщение ложных или утаиванием важных сведений.

В УК в 1926 году было внесено изменение, которое позволило расширить границы применения закона, а именно были добавлены слова «иные личные выгоды», при этом окончанием преступления, если мошенник не успевал завладеть имуществом, являлся момент совершения действий по обману. Корыстный характер деяния также исключался из характеристики мошенничества.

В связи с этим В.В. Хилюта отмечает, что на первый план в квалификации мошенничества в УК 1926 года выходит понятие про злоупотребление доверием, что направляло действия на борьбу с мошенническим злоупотреблением доверчивостью и неопытностью рабочих и крестьянства.

Следующий этап формирования понятия про мошенничества связан с УК 1960 года, где была прописана ст. 147. Именно эта формулировка с изменениями и дополнениями от 1994 года стала основной определения мошенничества в УК РФ 1996 года. Примечательно, что в данной редакции отсутствовало понятие обмана [2, с. 8-12].

В редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ мошенничество определяется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием. Таким образом, можно говорить о двух разновидностях мошенничества – хищении или приобретении прав на чужое имущество путём обмана или злоупотребления.

В 2012 году в Уголовный кодекс РФ были внесены изменения, которые позволили установить ответственность за мошенничество в сфере кредитования, при получении выплат, мошенничество с использованием платёжных карт; мошенничество в сфере страхования и компьютерной информации. Утратила силу статья 159.4 УК РФ, которая предусматривала наказание за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности.

Такая же схема ответственности за мошеннические действия предусмотрена и Уголовным кодексом ДНР. В нём также прописано наказание за противоправные действия в сфере кредитования (ст. 166), мошенничество при получении выплат (ст. 167), с использованием платёжных карт (ст. 168), в сфере предпринимательской деятельности (ст. 169), в сфере страхования (ст. 170), в сфере компьютерной информации (ст. 171) (табл. 1).

Описание состава преступления, связанного с мошенническими действиями, находится в Разделе VIII «Преступления в сфере экономики» в главе 21 «Преступления против собственности» Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики.

В частности, в части 1 статьи 165 указывается, что мошенничество является хищением чужого имущества или приобретением прав на чужое имущества вследствие обмана или злоупотребления доверием.

Таблица 1

Приложение 13 к Инструкции о едином учёте преступлений
(п. 10.7.4)

Сравнительная таблица Уголовного кодекса ДНР и Уголовного кодекса Украины (в редакции 2001 г.)

№ п/п	НАЗВАНИЕ СТАТЕЙ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА	Статья УК ДНР 2014 г.	Направленность: У - общеуголовная Э - экономическая Н - налоговая В - военная	Статья УК Украины (2001 г.)	ПО СТЕПЕНИ ТЯЖЕСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ			
					Небольшой тяжести	Средней тяжести	Тяжкие	Особо тяжкие
60.	Мошенничество	165	У, Э	190 ч. 1,2	ч.1	ч.2	ч.3, ч.4	
61.	Мошенничество в сфере кредитования	166	У, Э	222	ч.1	ч.2 ч.3	ч.4	
62.	Мошенничество при получении выплат	167	У, Э	222	ч.1	ч.2 ч.3	ч.4	
63.	Мошенничество с использованием платежных карт	168	У, Э	200	ч.1	ч.2 ч.3	ч.4	
64.	Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности	169	У, Э	----	ч.1, ч.2	ч.3	ч.4	
65.	Мошенничество в сфере страхования	170	У, Э	----	ч.1	ч.2 ч.3	ч.4	
66.	Мошенничество в сфере компьютерной информации	171	У, Э	190 ч.3	ч.1	ч.2 ч.3	ч.4	

При этом частью первой статьи 165 предусмотрены следующие виды наказаний (табл. 2.): штраф (в размере 120 тыс. рублей или в размере дохода (в том числе, заработной платы) за последний годы), обязательные работы (до 360 часов), исправительные работы (до 1 года), ограничение свободы (до 2-х лет), принудительные работ (до 2-х лет), арест (до 4-х месяцев), лишение свободы (до 2-х лет).

Во 2-й части 165 Статьи Уголовного Кодекса ДНР прописаны виды наказаний в случае реализации деяния по предварительному сговору с либо без причинения ущерба жертве (табл. 3). В данном случае предусмотрено наказание в виде штрафа (до 300 тыс. рублей либо доход за 2 года), обязательные работы (до 480-ти часов), принудительные работы (до 5-ти лет) с ограничением свободы (до 1-го года) или без него; лишение свободы (до 5-ти лет) ограничением свободы (до 1-го года) или без него.

Таблица 2

Виды наказаний, предусмотренные частью 1 статьи 165 УК ДНР

№ п/п	Виды наказания						
	Штраф	Обязательные работы	Исправительные работы	Принудительные работы	Лишение свободы	Ограничение свободы	Арест
Часть первая	до 120 тыс. или доход (до 1-го года)						
		до 360 часов					
			до 1-го года				
						до 2-х лет	
				до 2-х лет			
					до 2-х лет		
							до 4-х месяцев

Таблица 3

Виды наказаний, предусмотренные ч. 2 ст. 165 УК ДНР

№ п/п	Виды наказания						
	Штраф	Обязательные работы	Исправительные работы	Принудительные работы	Лишение свободы	Ограничение свободы	Арест
Часть вторая	до 300 тыс. или доход (до 2-х лет)						
		до 480 часов					
			до 2 лет				
				до 5-ти лет		до 1-го года или без него	
					до 6-ти лет	до 1-го года или без него	

Так, в январе 2018 года в г. Харцызске жертвами мошенников стали граждане Республики пенсионного возраста (мужчина 60 лет

и женщина 80 лет). Злоумышленники наведались в домовладения пострадавших и предложили им оплатить товар, якобы приобретённый их детьми. Сумма ущерба составила 50 и 40 тыс. рублей соответственно. Действия мошенников были квалифицированы судом как мошенничество, совершённое группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину – по ч. 2 ст. 165 УК ДНР [4].

В части 3 статьи 165 УК ДНР прописано наказание лицу, которое совершило мошенничество с использованием служебного положения, равно как и в крупных размерах (табл. 4). В соответствии с нормой закона осуждённый может быть наказан штрафом (до 500 тыс. рублей либо доход от 1-го до 3-х лет); принудительными работами (до 5-ти лет) с ограничением свободы (до 2-х лет) либо без него; лишением свободы (до 6-ти лет) со штрафом (до 80-ти тыс. рублей или доход до 6-ти месяцев) или без него и с ограничением свободы (до 1,5 лет) или без него.

Таблица 4

Виды наказаний, предусмотренные ч. 3 ст. 165 УК ДНР

№ п/п	Виды наказания						
	Штраф	Обязательные работы	Исправительные работы	Принудительные работы	Лишение свободы	Ограничение свободы	Арест
Часть третья	от 100 тыс. до 500 тыс. или доход (от 1-го года до 3-х лет)						
				до 5-ти лет		до 2-х лет или без него	
	до 80 тыс. или доход (до 6-ти месяцев) или без него				до 6-ти лет	до 6-ти лет или без него	

Как указано в п. 17 часть 3 статья 165 УК ДНР охватывает и те случаи, когда должностное лицо использовало свои служебные полномочия путём хищения чужого имущества с изъятием: «Если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически

произошло его изъятие, содеянное полностью, охватывается частью 3 статьи 165 УК ДНР или частью 3 статьи 172 УК ДНР и дополнительной квалификации по статье 334 УК ДНР» [5].

Наказание за совершение мошенничества группой лиц или в особо крупных размерах или такое, которое повлекло лишение прав гражданина на жилое помещение прописано в части 4 ст. 165 УК ДНР (табл. 5). За данной квалификацией преступления предусмотрено лишение свободы (до 10-ти лет) со штрафом (до 1 млн рублей либо доход до 3-х лет) или без него и ограничение свободы (до 2-х лет) или без него.

Таблица 5

Виды наказаний, предусмотренные ч. 4 ст.165 УК ДНР

№ п/п	Виды наказания						
	Штраф	Обязательные работы	Исправительные работы	Принудительные работы	Лишение свободы	Ограничение свободы	Арест
Ч. 4	до 1-го млн или доход (от 3-х лет) или без него				до 10-ти лет	до 2-х лет или без него	

Обратим также внимание на размер ущерба, определяемый как «крупный» и «особо крупный» – соответственно выше двухсот пятидесяти тысяч рублей и выше шести миллионов рублей.

По нашему мнению, данная система наказаний является несбалансированной. Как нам видится, лишение свободы на срок до двух лет по преступлениям, относящимся к нетяжким (именно так квалифицируется мошенничество по ч.1 ст. 165 УК ДНР) слишком обременительно и не возымеет соответствующего воспитательного действия на лицо, совершившее преступление, а наоборот, может подтолкнуть его к проступкам с более тяжкими последствиями для общества.

При решении этого вопроса нельзя упускать из виду тот факт, что уголовное право, кроме всех остальных функций, призвано также предупреждать возможные преступления. А реализация этой функции, как нам кажется, возможна только при адекватности применяемой меры степени тяжести совершенного

деяния. В ином случае, несправедливость решения может возбудить в виновном отчаяние и агрессию, которые будут стимулировать продолжать вести преступную деятельность, но уже на другом уровне – на основе полученного в месте лишения свободы негативного уголовного опыта.

Другим аспектом наказания является то, что, к сожалению, размытость квалификационных признаков преступлений по мошенничеству приводит к злоупотреблениям, связанным с тем, что уголовное преследование используется для решения хозяйственных споров. На сегодня в практике отмечается ряд случаев, когда в тождественных обстоятельствах в одном случае в правоотношениях представители правоохранительных органов усматривают умысел в уклонении и исполнении обязательств по договору, а в других нет. Т.е. возбуждаются уголовные дела в связи с правоотношениями гражданско-правового характера.

Кроме того, развитие киберпространства и кибертехнологий обуславливает активизацию неправомерных действий лиц в этой сфере, адекватная квалификация которых с позиций уголовного права не всегда возможна в силу размытости соответствующих формулировок (в частности, статья 171 УК ДНР).

Выводы. Таким образом, в законодательстве ДНР учитывается опыт законодательных инициатив в Российской Федерации, что свидетельствует о достаточно высоком уровне осознания проблем, связанных с обманом в сфере использования платёжных карт, при получении выплат, в сфере компьютерной информации. Таким образом, логика развития законодательства в сфере ответственности за мошенничество в целом не изменилась: развитие общественно-экономической жизни, появление новых сфер человеческой деятельности, которые открывают возможности для мошеннических действий, требует изменений и в законодательстве, однако продиктованных непосредственно ежедневной юридической практикой.

Список использованных источников

1. Мошенничество / Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – Т. 11: Миддот. – Община. – С. 348-353 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://qps.ru/fZrkM>.

2. Хилюта В.В. Мошенничество в историко-правовом аспекте / В.В. Хилюта // Вестник ТИСБИ. – 2008. – № 2. – С. 8-12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1299666>.

3. Гилязова Л.Р. Понятие мошенничества: ретроспективный анализ / Л.Р.Гилязова // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 6. – С. 25-27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5087>.

4. «Мошенники в Харцызске ограбили пенсионеров...» от 16.02.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://dnr-blacklist.ru/16022018-moshenniki-v-hartsyzske-ograbili-pensionerov-zastavlyaya-oplatit-kuplennuyu-detmi-shubu/>.

5. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 (с изменениями от 23.09.2014) № 35-1/1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/ugolovnyj-kodeks-dnr/>.

УДК 342:351.86

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Смирнов А.М.,
канд. юрид. наук, доцент,
профессор кафедры специальных дисциплин
ГОУ ВПО «ДонНУ»

Данная статья посвящена проблеме определения сущности такого нормативно-правового документа как Концепция национальной безопасности, её трактовки, раскрытия основных признаков, структуры и факторов, которая на текущем этапе стала на самом деле важным вопросом правового закрепления национальной безопасности Донецкой Народной Республики. Анализируются основные концепции современного понимания национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, нормативно-правовой акт, концепция, государственная политика, законодатель.

This article is devoted to the problem of determining the essence of such a regulatory document as the Concept of National Security, its interpretation, disclosure of the main features, structure and factors,

which at the current stage has actually become an important issue of legal consolidation of the national security of the Donetsk People's Republic. The basic concepts of a modern understanding of national security are analyzed.

Keywords: national security, normative legal act, concept, state policy, legislator.

Постановка задачи. Проблема национальной безопасности государства имеет важное значение в контексте общего развития любого государства и реализации его национальных интересов. Само понятие национальной безопасности в последнее время всё чаще появляется на страницах информационных изданий, одновременно многоаспектность и комплексность этой проблемы сделали её предметом исследования специалистов различных сфер деятельности.

Анализ понятия «национальной безопасности» и направлений по его пониманию обусловлен тем обстоятельством, что оно является базовым для формирования концепции национальной безопасности любого государства, а это является основным двигателем при определении политики национальной безопасности, основная функция которой возложена на определение главных интересов наций и осуществления руководства при создании основных стратегий (концепций), касающихся сегодняшних и будущих угроз, а также возможностей их устранения.

Понимание сущности, видение структурных и функциональных компонентов общей системы обеспечения национальной безопасности способствует методологическому обоснованию задач обеспечения национальной безопасности, в том числе и нашей молодой Республики.

Освещение основных аспектов данного вопроса позволяют раскрыть их тесную взаимосвязь с практикой, придаёт ей возможность утвердиться в более точной системе теоретических знаний в области обеспечения государственной безопасности.

Анализ последних исследований и публикаций. Понятие национальной безопасности и механизма её обеспечения базируется на прочном фундаменте как общетеоретических, так и отраслевых исследований, данная категория достаточно давно вошла в научный оборот.

Понятие безопасности исследовалось ещё в трудах Платона и Аристотеля, в философских концепциях Т. Гоббса, Д. Локка,

Ж.Ж. Руссо, Б. Спинозы, Ф. Гегеля и других мыслителей XVII – XIX вв. Большой вклад в определение безопасности внесли русские философы XIX – XX вв. Н.А. Бердяев, Л.Н. Гумилев, Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьёв, Е.Н. Трубецкой и другие.

Вопросы национальной безопасности рассматривались в различных отраслевых и прикладных аспектах, определяемых спецификой информационной, экологической, технической, военной, правоохранительной и других сфер жизнедеятельности, в трудах А.И. Александрова, Т.С. Бакуниной, А.Б. Венгерова, И.Н. Глебова, Д.Н. Демичева, Б.В. Ерофеева, А.Э. Жалинского, Ю.С. Каниной, Ю.П. Ляпунова, Б.Н. Макеева, А.Е. Никитина, И.Ф. Панкратова, В.И. Рыкунова, М.Б. Смоленского, С.Н. Тихомирова, Г.Г. Феоктистова и др.

Исследование отдельных проблем теории национальной безопасности проведено в работах С.С. Алексеева, П.П. Баранова, В.И. Бахмина, Б.Б. Бидовой, В.В. Вандашева, И.М. Гальперина, М.С. Гринберга, В.В. Данилейко, Ю.А. Дмитриева, О.С. Елфимовой, Р.Ф. Идрисова, В.А. Карташкиной, Е.В. Киричек, В.А. Колокольцева, А.П. Кочеткова, Н.В. Кривельской, А.А. Куковского, Ю.И. Ляпунова, Л.С. Мамута, В.С. Нерсисянца, С.З. Павленко, Л.В. Павловой, А.А. Першина, В.К. Петрова, С.М. Петрова, С.А. Проскурина, А.А. Прохожева, В.Л. Райгородского, А.Р. Ратинова, В.П. Сальникова, Д.Е. Свистунова, А.П. Семитко, В.Н. Синюкова, С.В. Смутьского, А.Н. Суркова, С.В. Степашина, Ю.А. Тихомирова, Н.А. Трусова, Т.В. Шатковской, А.В. Шобоедовой, М.Н. Энтина, Р.А. Явчуновской и других [1].

Актуальность. С усложнением производственных и социальных процессов значительно расширяются границы безопасности существования человека и общества. Появляются новые виды угроз, требующих адекватных мер относительно их предупреждения и нейтрализации.

Вместе с тем, в науке практически отсутствует общетеоретическое концептуальное представление как о правовой природе, сущности и содержании национальной безопасности, так и о механизме её обеспечения. Нерешённость указанной проблемы не способствует устранению коллизий в действующем законодательстве, а также противоречий в правоприменительной

практике, что в результате негативным образом влияет на эффективное обеспечение национальной безопасности Донецкой Народной Республики.

Цель статьи заключается в определении ключевых направлений исследования национальной безопасности для выработки единой системы при подготовке Концепции национальной безопасности Донецкой Народной Республики.

Изложение основного материала. Проблемы обеспечения национальной безопасности актуальны для каждого государства в любой исторический период его существования. С течением времени меняется содержательное наполнение этого понятия и соответственно формы, методы, средства обеспечения национальной безопасности.

Так, в середине XIX в. научное и эмпирическое понимание национальной безопасности в России связывалась только исключительно с обеспечением военной и политической безопасности. Это объяснялось задачей фактического выживания государства, которое в тот период времени перманентно находилось под угрозой военного вторжения, захвата и удержания власти завоевателями на отдельных его территориях. После Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. решающим фактором национальной безопасности стал экономический фактор, который и сейчас является критическим показателем его состояния.

В советскую эпоху односторонность взглядов на безопасность, которая понималась как определённая система военных и военно-политических мероприятий, обусловила опоздание с распознаванием ряда новых угроз жизненно важным интересам государства и, соответственно, непринятие мер по их предупреждению и нейтрализации. К таким угрозам, прежде всего, относятся экономический кризис и политическая дестабилизация.

По территориальной направленности выделяют внутригосударственные, а также региональные угрозы существования человечества (так называемые международные). По сфере жизнедеятельности общества (по характеру) различают угрозы: экономические, социальные, информационные, технологические, эпидемические, экологические, военные.

Такое многообразие факторов коренным образом меняет и само понимание национальной безопасности. Сейчас её невозможно свести только к военной безопасности. Национальная

безопасность приобрела многосторонний, системный характер. Наряду с военной и экономической безопасностью необходимо выделить следующие направления: внешнеполитические, внутривнутриполитические, экологические, информационные, демографические и др.

При создании системы национальной безопасности существенного значения вместе с другими аспектами (проведение эффективной государственной политики в сфере национальной безопасности, экономическая основа, кадровый потенциал, духовная база обеспечения национальной безопасности и т.д.) приобретает организация соответствующей нормативно-правовой базы, способной охватить все сферы жизнедеятельности общества в едином правовом поле, служить основой для разработки общенациональной концепции развития государства, обеспечить эффективную реализацию политики национальной безопасности.

Это означает, что все без исключения действия, направленные на защиту и реализацию национальных интересов Донецкой Народной Республики, в любой сфере и на любом уровне должны, прежде всего, опираться на действующее законодательство в данной сфере и отвечать общепризнанным международно-правовым нормам.

Без выработки целостной государственной политики в сфере национальной безопасности и обеспечения её реализации невозможно решение проблем, которые приобрели характер угроз жизненно важным интересам Республики, а именно: прекращение вооружённого конфликта с Украиной, создание эффективного механизма социальной защиты населения, стабилизация политических процессов, борьба с коррупцией в высших эшелонах власти и т.п. Отсюда, реализация политики национальной безопасности, содержание которой определяется приоритетными национальными интересами и существующим им угрозам, является основной целью системы национальной безопасности нашей молодой Республики.

В большинстве стран надлежащее документальное обеспечение является необходимым элементом политики национальной безопасности. Именно реализация соответствующих доктрин, стратегий, концепций и программ в различных сферах национальной безопасности в соответствии с действующим законодательством способна обеспечить эффективное

функционирование системы национальной безопасности государства.

В основе любой системы лежит центральное звено, на базе которой строится, функционирует и развивается вся система. Роль подобного интегрирующего звена в системе нормативно-правового обеспечения национальной безопасности ДНР должна играть соответствующая Концепция (Основы государственной политики) национальной безопасности.

Концепция национальной безопасности Донецкой Народной Республики – это система научно обоснованных и принятых высшим органом законодательной власти взглядов о понятии и содержании национальной безопасности, целях и задачах, формах, способах и средствах её обеспечения.

С уверенностью можно утверждать, что Концепция национальной безопасности призвана в основном определять конкретные цели, функции, компетенции и ответственности органов и учреждений, участвующих в обеспечении национальной безопасности. Принципы обеспечения национальной безопасности являются производными и определяющими дальнейшее функционирование всех государственных органов, организаций и учреждений, а также граждан Донецкой Народной Республики.

Исходя из важности данного документа, следует, прежде всего, обозначить предпосылки для его создания.

Основное назначение Концепции: во-первых, разработка понятия национальной безопасности; во-вторых, формулирование общих принципов, а также принципов политики национальной безопасности по основным направлениям; в-третьих, определение целей, задач, структуры и системы обеспечения национальной безопасности ДНР; в-четвёртых, заложить основы объединения доктрин, программ, стратегий в различных сферах обеспечения национальной безопасности; в-пятых, согласовать общегосударственные меры по защите национальных интересов на разных уровнях (республиканском, региональном, глобальном); в-шестых, найти механизм эффективного обеспечения национальной безопасности.

По нашему мнению, изложение в Концепции исключительно основных принципов и основных направлений реализации государственной политики в сфере национальной безопасности будет отвечать требованиям сегодняшнего дня. Ведь содержание

этой политики должно отвечать требованиям гибкости, восприимчивости к изменениям ситуации, давать определённое пространство для решений, направленных на устранение, уменьшение или нейтрализацию угроз национальным интересам ДНР в конкретное время и в конкретных ситуациях.

Таким образом, Концепция должна быть лаконичной по содержанию, сжатым по объёму документом, в котором зафиксированы основополагающие, научно обоснованные и практически взвешенные взгляды на понятие и содержание национальной безопасности.

Практическое значение Концепции заключается в том, что она должна обеспечить:

а) единство принципов формирования и проведения государственной политики в сфере национальной безопасности;

б) сочетание подходов к формированию соответствующей законодательной базы, подготовки доктрин, стратегий, государственных и ведомственных программ в различных сферах национальной безопасности и организацию системы обеспечения национальной безопасности.

Базовой категорией Концепции является понятие национальных интересов, которые отражают фундаментальные ценности и стремления народов, проживающих на территории Донецкой Народной Республики, их потребности в достойных условиях жизнедеятельности, а также цивилизованные пути их создания и способы удовлетворения. Национальные интересы ДНР и их приоритетность обуславливаются конкретной ситуацией, складывающейся в Республике и за её пределами.

С уверенностью можно утверждать, что определяющее значение при создании системы национальной безопасности и прежде всего её нормативно-правовой базы играют концепции и доктрины. Концепция национальной безопасности определяет общую организацию системы обеспечения национальной безопасности, основные стратегические принципы формирования и проведения политики по национальной безопасности. Концепция отражает сочетание подходов к формированию соответствующей законодательной базы, разработки доктрин, стратегий, государственных и ведомственных программ в сфере обеспечения национальной безопасности.

Учитывая масштаб законотворческой работы в сфере обеспечения национальной безопасности, целесообразно для её надлежащего проведения разработать государственную программу развития законодательства в этой сфере, которая определила бы этапы осуществления такой законотворческой работы, перечень законодательных актов по проблеме национальной безопасности и последовательность их принятия.

Подводя итоги можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, Концепция – это одна из первых попыток комплексного подхода к проблеме национальной безопасности Донецкой Народной Республики.

Во-вторых, этим документом будут заложены основы понимания национальных интересов, приоритетов и целей Донецкой Народной Республики.

В-третьих, Концепция достаточно чётко сформулирует основные угрозы национальной безопасности, определит основные направления деятельности общества и государства по обеспечению национальной безопасности Донецкой Народной Республики.

В-четвёртых, и это особо следует подчеркнуть, что для практики государственного строительства Концепция даст главное – возможность на законодательном уровне реализовать, развивать и дополнять основные направления обеспечения национальной безопасности, выстраивать стройную нормативно-правовую базу по вопросам обеспечения национальной безопасности и на этой основе совместными усилиями формировать действенную государственную политику в сфере обеспечения национальной безопасности.

Список использованных источников

1. Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм её обеспечения: теоретико-правовое исследование: дисс. на соискание учёной степени д-ра юрид. наук. Курск, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava-teoriya/vvedenie-83221.html>.

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ

Смирнов А.А.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры хозяйственного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»

В данном докладе отображены психологические аспекты применения исключительной меры наказания, рассмотрена история возникновения смертной казни. Также обосновывается экономическая несправедливость пожизненного заключения как альтернативы смертной казни. Был проанализирован религиозный аспект применения высшей меры наказания в следующих религиях: православие, ислам, иудаизм. Также обоснована необходимость применения смертной казни в условиях военного положения.

Ключевые слова: смертная казнь, теория устрашения, превентивный показатель, экономическая несправедливость, религиозный аспект, негуманный акт, военное положение.

The relevance of the topic dues to the fact that the question of the death penalty for many centuries remains open. This report displays the psychological aspects of an exceptional punishment, the history of occurrence of the death penalty were reviewed. It is also justified by the economic injustice of life imprisonment as an alternative to the death penalty. It was analyzed the religious aspect of the application of the death penalty in the following religions: orthodoxy, islam, judaism. Also, the necessity of the death penalty under martial law were proved.

Keywords: capital punishment, deterrent theory, preventive measure, tooth for a tooth, economic injustice, the religious aspect, inhumane act, martial law.

Постановка задачи. Вопрос о таком виде наказания как смертная казнь был и остаётся одним из самых дискуссионных в науке уголовного права. На протяжении своего существования смертная казнь неоднократно рассматривалась учёными и государственной властью. Однако в каждую эпоху находились как противники, так и сторонники данной меры наказания.

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты применения исключительной меры наказания были предметом исследования многих отечественных и зарубежных учёных, а именно таких как: А.Ф. Кистяковского, В.В. Лунеева,

С.П. Мельгунова, А.С. Михлина, А.С. Никифорова, Т.В. Шатковская [1], О.Ф. Шишова и др.

Но, несмотря на значительное количество научных исследований в рассматриваемой сфере, ещё имеют место вопросы, которые остаются неразрешёнными до конца.

Актуальность. Данная тема имеет большую популярность, носит дискуссионный характер, и это объясняется тем, что вопрос применения смертной казни на протяжении многих веков остается открытым.

Цель статьи – изучение смертной казни в ходе её исторического развития, анализ правомерности её применения, необходимости и эффективности смертной казни; сопоставление доводов сторонников и противников этой меры наказания, их теоретической базы.

Изложение основного материала исследования. Исторически смертная казнь «эволюционировала» из древнейшего обычая кровной мести, который существовал ещё в догосударственном обществе и выражался в формуле «око за око, зуб за зуб». Тогда не покарать преступника, не отомстить, не восстановить справедливость считалось позором, бесчестьем для пострадавшего или его родственников (в случае смерти). с появлением государства карательные функции постепенно переходят к специальному государственному аппарату. Убийство преступника (смертная казнь) становится публичным и обретает статус уголовного наказания, исполняемого от имени государственной власти. Однако перечень преступлений, подпадающих под такое наказание, всё более расширялся (государственные, религиозные и другие преступления) [1].

Смертная казнь – это высшая мера наказания за содеянные преступления, определённые в законодательстве. Все лица, достигшие 18-летнего возраста (для некоторых стран это 16 лет, в США – 12-17 лет), могут быть приговорены к смертной казни.

Перечень государств, в которых в настоящее время прибегают к такой мере социальной защиты, достаточно широк. Однако из общего числа выделяются и те, которые полностью искоренили это явление. В их числе Российская Федерация, Украина, Испания, Франция и прочие [2].

На сегодняшний день наибольшее количество всех смертных казней (90%) приходится на такие страны как Иран, Ирак, Китай,

Пакистан, США и Судан. В Китайской Народной Республике, по оценкам, среднегодовой показатель казнённых составляет свыше 1000 человек. На второй позиции Иран, где этот показатель колеблется в пределах от 100 до 150. На третьем месте – Саудовская Аравия – от 80 до 100 казнённых. На следующей позиции – Соединённые Штаты, там в год подвергают казни в среднем 60 человек. В Европе единственным государством, которое применяет смертную казнь, остаётся Белоруссия [3].

Возникает главный вопрос: нужна ли смертная казнь в качестве наказания за совершённые преступления?

Сторонники смертной казни считают, что исполнение приговора позволяет предотвратить совершение нескольких убийств. В научной среде такие теории получили развитие в первую очередь в Соединённых Штатах Америки.

Экономист Исаак Эрлих, который занимался исследованием данного вопроса в 70-х гг. XX в. провёл анализ статистических данных о казнях и убийствах в США. Проанализировав полученные данные, он пришёл к выводу, что одна казнь убийцы спасает восемь других жизней. Так он стал родоначальником «теории устрашения». По нашему мнению, основная ошибка в его исследовании состояла в том, что он не учитывал влияющие на уровень преступности различные факторы, а только лишь хотел доказать прямую зависимость между смертной казнью и количеством убийств [4].

В настоящее время в защиту смертной казни ряд учёных приводят следующие доводы:

1. Во многих странах пожизненное заключение введено как высшая мера наказания и альтернатива смертной казни. Преступник содержится в тюрьме много лет на средства государства. Ирония заключается в том, что среди налогоплательщиков находятся родственники и друзья жертвы преступника. Таким образом, вместо законного возмездия, они вынуждены расплачиваться своими деньгами на содержание убийцы близкого им человека.

В местах лишения свободы лицам, осуждённым на пожизненное лишение свободы, предоставляются длительные свидания в специальной комнате, возможность регулярно консультироваться со штатным психологом, получать газеты и журналы, писать письма.

2. Смертная казнь как право на месть.

Рассмотрим более детально такой момент, как исполнение пострадавшим или его близкими права на месть.

Учёные при обсуждении аргументов «против» смертной казни всегда говорят о правах преступников, но никто не уделяет должного внимания правам жертвы преступления.

Нельзя не согласиться, что смертная казнь, совершаемая государством, некогда служила именно для того, чтобы не реализовывался механизм кровной мести и т.п. Но в то же время это никогда не отменяет желание мести у родственников и других близких жертв.

То есть в данном случае речь будет идти не о «мести государства», а о праве на отмщение со стороны близких.

Если у преступников есть специфические права, то они должны быть и у пострадавшей стороны. А специфическое право у жертвы или её близких является месть. Всё другое (права на честное правосудие и т.п.) не специфично, является общим правом каждого, в том числе и того же преступника.

Достаточно большому числу из пострадавших, считаем, будет гораздо легче, если будет применена исключительная мера наказания. Особенно если убийство было совершено с особой жестокостью, либо иные тяжкие преступления. Можно предположить, что если не будет применена такая мера наказания, то не будет никакой гарантии, что пострадавший сам не совершит расправу над преступником.

Но, если никто из близких (включая друзей жертвы) не требует смертной казни, то этот аргумент не должен действовать. Что, разумеется, не означает отмены главного аргумента: наиболее эффективная реализация высшей меры социальной защиты.

3. Смертная казнь является одной из форм защиты общества от антисоциальных элементов, а также выполняет превентивную функцию.

Можно сказать, что смертная казнь, безусловно, является сдерживающим фактором, в некотором плане ограничением. Так, например, Рой Адлер и Майкл Саммерс – социологи из университета Пеппердайн, США, выступившие со статьёй в Wall Street Journal, пишут, что «с каждой казнью в каждом последующем году происходит на 75 убийств меньше». К мнению социологов присоединяются также представители иных дисциплин. Например,

The New York Times в статье «смертная казнь может послужить спасению человеческих жизней?» цитирует высказывания других учёных, по мнению которых смертная казнь позволяет избежать по меньшей мере от 3 до 18 убийств [5].

Использование высшей меры наказания имеет высокий превентивный показатель – страх преступника перед смертью порой заставляет его отказываться от противоправных деяний.

Последователи этого аргумента считают, что даже если смертная казнь не остановит других преступников, тем не менее, для общества будет польза – одним жестоким убийцей станет меньше. Высшая мера наказания, несомненно, является сдерживающим механизмом против роста тяжких преступлений. И с этой точки зрения её можно расценивать как инструмент защиты общества.

Русский юрист и психолог С.В. Познышев утверждал, что наказание имеет только одну цель – предупреждение преступлений, которое возможно в форме физического удержания (для преступников) или психического противодействия преступлению (для других членов общества). Учитывая, что наше государство сейчас находится на стадии строительства, отменять смертную казнь нецелесообразно, так как ни общество, ни страна к этому не готовы. Замена смертной казни возможна на пожизненное заключение, а с этим возникают проблемы экономического характера, то есть финансирования, а также недостаточное количество мест для осуждённых [6].

Считаем также необходимым рассмотреть следующие психологические аспекты данного вопроса.

Анализируя историю Руси, можно прийти к выводу, что смертная казнь возникла из принципа Талиона: «око за око, зуб за зуб». В древности смертная казнь не существовала как наказание, налагаемая государством за совершение особо тяжких преступлений. В то время существовал обычай кровной мести, который служил общественным целям – сохранности, выживаемости рода. Первоначально месть была проявлением животного инстинкта самосохранения, однако по мере повторения мести выработалось положение, суть которого заключалось в том, что за обиду не только можно, но и нужно мстить. На сегодняшний день данный принцип заключается в том, что чувство справедливости требует, чтобы преступник, лишивший жизни

другого человека, был за это наказан. Только так родственники жертвы могут считать инцидент исчерпанным [7].

Ещё одним психологическим аспектом является экономическая несправедливость пожизненного заключения. Во многих странах пожизненное заключение введено как высшая мера наказания и альтернатива смертной казни. Преступник содержится в тюрьме 10, 20 и более лет на средства добропорядочных налогоплательщиков. Трагизм этой ситуации заключается в том, что среди таких налогоплательщиков неизменно находятся родственники или друзья жертвы преступника. И как ни мала сумма, уходящая на их содержание, сколь ничтожной она ни становится в пересчёте на каждого жителя страны, всё равно моральная проблема налицо [8].

Таким образом, вместо законного возмездия они вынуждены расплачиваться своими деньгами на содержание убийцы близкого им человека.

При исследовании наказания в виде смертной казни нельзя пройти и мимо религиозного аспекта. Большинство главных мировых религий занимают различные позиции на морали смертной казни. Религии часто основаны на теле обучения, таковы как Ветхий Завет и Коран, которые содержат много случаев казнимых преступников.

Что касается православия, то здесь никогда не было формальной декларации от Православных церквей на использовании смертной казни в качестве наказания, но много отдельных епископов сделали заявления, осудив такую практику как нехристианина. Это может быть замечено в России, которая отменила смертную казнь.

В отличие от христианства, ислам содержит более жёсткие требования к применению смертной казни. Мусульманская религиозно-правовая доктрина предполагает обязательное применение смертной казни за три вида преступления:

- преднамеренное убийство;
- разбойное нападение;
- прелюбодеяние, совершённое женатым мужчиной или замужней женщиной.

Что касается иудаизма, то официальное обучение иудаизма одобряет смертную казнь в принципе, но стандарт доказательства, требуемого для применения смертной казни, чрезвычайно строгий,

и на практике это было отменено различными Талмудическими решениями. Допуская смертную казнь при некоторых гипотетических обстоятельствах, учёные иудаизма широко настроены против смертной казни, как осуществлено в современном мире. Еврейское понимание библейского закона не основано на буквальном чтении Библии, а скорее через линзу устного закона иудаизма [9].

Исходя из анализа религиозного аспекта применения смертной казни, можно заметить, что религия играет важную роль в становлении института смертной казни, где запрещая, а где разрешая её применение.

Фонд «Общественное мнение» провёл опрос, результаты которого показали, что 60% россиян считают смертную казнь в принципе допустимым наказанием. В 2001 году проводилось аналогичное исследование, тогда такое мнение высказали 80% респондентов. Почти половина — 49% опрошенных социологами — поддерживают возвращение высшей меры наказания. Они объяснили свою позицию высоким уровнем преступности, а также респонденты выразили недовольство тем, что заключённых в тюрьмах содержат на деньги налогоплательщиков.

Только каждый пятый из опрошенных назвал смертную казнь недопустимой мерой наказания (22%), а ещё 17% респондентов не смогли дать однозначный ответ на вопрос.

Исследование проводилось 11-12 апреля в 43 субъектах России, в нём участвовали 1500 человек.

71% опрошенных считают, что следует казнить тех, кто совершил сексуальные преступления против несовершеннолетних. 57% высказались за это наказание для убийц, 55% — для террористов, 46% — для насильников, 34% — для наркоторговцев.

Также среди преступлений, за которые, по мнению россиян, нужно применять казнь, назвали государственную измену (15%), шпионаж (9%), взяточничество (8%), кражу, грабеж и разбой (5%), осквернение религиозных святынь (4%), неуплату налогов (1%).

41% участников опроса полагают, что Россия допустила ошибку, введя мораторий на смертную казнь. 33% опрошенных считают это решение верным, а 26% затруднились ответить.

5% высказались за полную отмену смертной казни, аргументируя это существованием судебных ошибок, а также тем, что смерть иногда является слишком лёгким наказанием. 27%

призывают придерживаться моратория, 19% не дали чёткого ответа [10].

Такие данные говорят нам о том, что общество в целом одобряет смертную казнь, поскольку опросы общественного мнения показывают, что половина населения страны выступают за возобновление казни [11].

Каким бы негуманным актом ни казалась смертная казнь, её отмена (в нашей стране особенно) нецелесообразна. Как показывает история, такая мера наказания скорее необходима, нежели нет. Государство, имея в арсенале данный вид наказания, может им пользоваться крайне редко, заменяя его пожизненным заключением; но бывают такие случаи, когда любой гуманист и почти любой противник казни скажет, что этот человек не достоин жить. Дело не столько в наказании, так как наказаниями преступность не устранишь, ими её лишь в определённой степени сдержишь, сколько в устранении источников зла, в исправлении той обстановки, которая сложилась в нашем обществе.

Целесообразность действия исключительной меры наказания на территории Донецкой Народной Республики обусловлена ещё и военным положением. Особенности военного положения, точнее – времени военных действий, несомненно, оправдывают, например, лишение жизни начальником обратившегося в бегство подчинённого, ибо это нередко может быть единственным средством предотвратить панику и бегство всего отряда. Необходимо отметить, что особенности такого периода нарушают обычное течение правосудия в смысле расширения военной подсудности, изменения процессуальных форм, видоизменения условий вменения, а также в смысле усиления строгости наказаний.

Выводы. Подводя итоги, хочу сделать акцент на тех психологических аспектах, которые указывают на необходимость применения смертной казни, а именно:

1. Смертная казнь предотвращает рецидивы. Раз и навсегда. Пока преступник жив, он опасен. Во-первых, как бы хорошо не охранялась тюрьма, из неё можно убежать. Во-вторых, даже находясь в тюрьме, убийца продолжает убивать. Во всём мире охранники тюрем гибнут от рук заключённых. При этом наказать уже отбывающего пожизненное заключение преступника невозможно. В-третьих, преступника могут выпустить по очередной амнистии или при смене политического режима. К

тому же, давать всем опасным преступникам пожизненное заключение невозможно – это значительно сократит бюджет государства.

2. Исторически смертная казнь возникла из принципа кровной мести: «око за око – зуб за зуб»: только физически уничтожив преступника, родственники жертвы чувствовали себя отмщёнными.

3. Одним из принципов правосудия является соответствие наказания тяжести деяния. Вряд ли пожизненное лишение свободы можно считать справедливой мерой в отношении маньяков и террористов, на совести которых – сотни невинных жертв. Ответ напрашивается сам собой: смертная казнь – адекватное наказание за такое серьёзное преступление, как умышленное лишение жизни человека.

4. Экономическая несправедливость замены казни на пожизненное заключение. Почему налогоплательщики (в частности родственники и близкие жертв) должны оплачивать пожизненное содержание преступника?

5. Смертная казнь служит более эффективным средством предупреждения преступности, чем другие виды наказаний. Применение высшей меры наказания к одному преступнику заставит других лиц задуматься, а стоит ли совершать противоправные действия, преступления?

Список использованных источников

1. Шатковская Т.В. История отечественного государства и права: учебник / Т.В. Шатковская. – М: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». – 2007. – 416 с.

2. В каких странах смертная казнь. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sovetchub.ru/v-kakih-stranah-smertnaya-kazn>.

3. Из истории смертной казни. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bankreferatov.ru/referats/C325729F00717F7B43257B0B000A49B5.doc.html>.

4. Hood R. The Death Penalty: A World-wide Perspective. – Oxford: Clarendon Press, 2002.

5. Как смертная казнь влияла на уровень преступности в разных странах. – 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gigamir.net/agenda/culture/pub1019075>.

6. Смертная казнь: «за» и «против» // Юридическая практика. – 2002. – № 22. – 232 с.
7. Появление смертной казни, её место в системе уголовного наказания феодального права России. – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reftrend.ru/220534.html>.
8. Аргументы «за» и «против» смертной казни. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/616174#>.
9. Религия и смертная казнь. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.knowledgr.com/>.
10. Меняется ли отношение россиян к смертной казни. ФОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12128>.
11. Половина россиян высказалась за возвращение смертной казни. НТВ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1394809/>.

УДК 346.543

**ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ С ПОМОЩЬЮ
ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА «ОБ ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ»**

Ушакова Д.С.,

*ассистент кафедры хозяйственного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;*

Руденко С.И.,

*студентка 4-го курса кафедры хозяйственного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»*

Основной целью данной статьи является раскрытие положительных сторон проекта Закона «Об инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике». В результате был проведен анализ данного проекта Закона, и выявлено его положительное влияние на экономику Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: инвестор, инвестиции, инвестиционная деятельность, экономика, глобализация, Конвенция, международные связи.

The main purpose of this article is to disclose the positive aspects of the draft Law «on investment activity in the Donetsk people's Republic». As a result, the analysis of this draft Law was carried out, and its positive impact on the economy of the Donetsk people's Republic was revealed.

Keywords: investor, investments, investment activity, economy, globalization, Convention, international relations.

Постановка задачи. Для активного развития экономики и увеличения платёжеспособности предприятий требуется правовое регулирование инвестиционной деятельности, а именно создание в Донецкой Народной Республике Закона «Об инвестиционной деятельности».

Анализ последних исследований и публикаций. Инвестиционная тематика традиционно находится в центре внимания рассматриваемой проблемы, в развитие которой свой вклад внесли классики экономической мысли: Дж.М. Кейнс, А. Маршалл, Д. Милль, П. Самуэльсон, А. Смит, М. Фридман, У.Ф. Шарп и другие. Изучением проблем формирования инвестиционной привлекательности и разработки эффективной инвестиционной политики занимались такие отечественных исследователи как В.В. Ковалёв, В.Н. Лившиц, В.П. Семёнов, В.В. Коссов, Т.В. Теплова, Д.А. Ендовицкий и ряд других.

Такуев М.М. пишет, что «одним из важнейших факторов, влияющих на инвестиционный климат любой страны, является существующая система законодательства, определяющая национальный правовой режим инвестиционной деятельности и регламентирующая принципы и механизм взаимоотношений инвесторов с государственными органами, с одной стороны, а также с иными участниками экономических отношений и субъектами хозяйствования – с другой» [1].

Актуальность. Инвестиционная деятельность не может быть саморегулирующимся процессом, поэтому особенно в условиях развивающейся рыночной экономики необходимость создания механизма регулирования инвестиционной деятельности становится актуальным вопросом. Иначе, развиваясь хаотично, инвестиционные процессы не позволяли бы государству достигать тактических, а тем более стратегических задач при решении общеэкономических и социальных вопросов.

Цель статьи – выявление положительных сторон в развитии экономики в связи с принятием проекта Закона «Об инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике».

Изложение основного материала исследования. Для полноты понимания сущности и дальнейшего анализа проекта Закона «Об инвестиционной деятельности в Донецкой Народной Республике» (далее – проект Закона) необходимо, в первую очередь, подробнее остановиться и ознакомиться с некоторыми понятиями, касающимися инвестиционной деятельности. Таким образом, обратим внимание на следующие термины в этой области:

1. «Инвестор – это государство, юридическое или физическое лицо, осуществляющее вложения собственных, заёмных или привлечённых средств в форме инвестиций».

2. «Инвестиции – это вложенные инвестором финансовые и материальные средства в различные объекты деятельности, а также переданные права на имущественную и интеллектуальную собственность с целью получения прибыли (дохода) или достижения социального эффекта, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в соответствии с национальным законодательством Сторон» [2].

3. «Инвестиционная деятельность – это вложение инвестиций и совокупность практических действий по их реализации» [3].

Исходя из постановки проблемы для активного развития экономики Донецкой Народной Республики, необходимо сделать шаг в сферу инвестиционной деятельности, что приведёт к необходимости принятия Закона об инвестиционной деятельности. Учитывая опыт мировой практики в этой области и ссылаясь на один из важнейших источников в области регулирования инвестиционной деятельности – Сеульскую Конвенцию «Об учреждении многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ)», подписанную ещё в 1985 г., в которой утверждается, что инвестирование может осуществляться на длительный срок и в государство, никак не относящееся к родине самого инвестора [4]. На основании этого, данный проект Закона поможет привлечению иностранных инвестиций, а также развитию банковской сферы Донецкой Народной Республики, целью деятельности которого является создание, организация и развитие платёжной системы, обеспечение стабильного, эффективного и надёжного

функционирования платёжной системы, в том числе для осуществления международных расчётов [5].

В связи с мировыми тенденциями и направленностью всех стран на увеличение процессов глобализации, т.е. процесс объединения большого количества государств в экономическом, политическом и культурном плане, данный проект Закона поможет Донецкой Народной Республике увеличить лояльность сотрудничества государств с Донецкой Народной Республикой, а также увеличить количество экспортно-импортных договоров. Учитывая опыт прошлых лет и нормативно правовую базу в сфере инвестиционной деятельности, можно обратить внимание на: Вашингтонскую Конвенцию «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» 1965 года; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о поощрении и взаимной защите инвестиций; Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24.12.1993 года; Конвенцию о защите прав инвесторов от 28.03.1997 года и другие.

Исследуя проект Закона, можно обратить внимание на то, что он направлен на развитие многих сфер деятельности Донецкой Народной Республики. Рассмотрев уже несколько из них, можно прийти к выводу, что данный проект Закона будет положительно влиять на экономическую ситуацию на рынке. Так как привлечение иностранных инвестиций будет способствовать увеличению конкурентоспособности отечественных производителей за счёт улучшения качества поставки продукции, работ, услуг. В свою очередь, уровень конкурентности и появление новых «игроков» на рынке будет упрощать работу республиканской антимонопольной службе Донецкой Народной Республики.

Также одним из положительных моментов данного проекта Закона является то, что предприятия будут использовать более совершенное оборудование, это, в свою очередь, приведёт к их переоснащению, развитию и использованию достижений научно-технического прогресса, в целом, в Донецкой Народной Республике.

Одним из главных положительных моментов в необходимости принятия Закона об инвестиционной деятельности и создании механизма его регулирования является состоявшееся 29-30 октября 2019 года пленарное заседание международного инвестиционного форума в Донецкой Народной Республике, направленного на улучшение инвестиционного климата и развитие внешних экономических и деловых связей. В мероприятии приняли участие Глава Донецкой Народной Республики Денис Пушилин, Председатель Народного Совета Владимир Бидёвка, представители министерств и ведомств, а также представители 17 стран [10]. Среди них – делегации из Луганской Народной Республики, Российской Федерации, Республики Абхазия и Южной Осетии, а также представители из Египта, Ирана, Йемена, Сирии, США, Таджикистана, Турции, Финляндии, Франции.

Выступая на информационном форуме, который является площадкой по привлечению капитала в экономику Донбасса, улучшению инвестиционного климата и развитию внешних экономических и деловых связей, Глава Народной Донецкой Республики сказал следующее:

«Для нас очень ценно, что Вы сегодня с нами, откликнулись на приглашение принять участие в столь значимом для Донбасса событии. Встреча такого уровня – это уникальная возможность сформировать конструктивную повестку для расширения географии сотрудничества, продемонстрировать инвестиционные возможности Республики, показать наш промышленный потенциал и уровень задач, которые мы перед собой ставим. Донецкая Народная Республика по праву является промышленно-экономическим и научно-образовательным центром, на территории которого расположены крупнейшие предприятия машиностроения, угольной, металлургической, пищевой и лёгкой промышленности, высококвалифицированные медицинские центры и образовательные учреждения. И даже сейчас, несмотря на известные сложности положения нашего государства, Донецкая Народная Республика сохраняет существенный потенциал в этих

отраслях и ставит перед собой задачи по его развитию и приумножению».

Представители разных стран, присутствующие на данном форуме, смогли ознакомиться с 6 площадками следующих направлений: «Экономический потенциал Донбасса», «Формирование благоприятного инвестиционного климата: пробелы и перспективы», «Сотрудничество в сфере АПК: инвестиции и кооперация», «Научно-образовательный потенциал Донбасса», «Донбасс и регионы России», «Экологическое развитие как вклад в будущее поколение», а также посетить крупные предприятия Республики в Донецке, Макеевке и Харцызске, увидеть техническое оснащение, рабочий процесс и ознакомиться с образцами выпускаемой на них продукции.

Иностранные инвесторы готовы инвестировать в строительство и восстановление жилого фонда Донецкой Народной Республики. «На данном этапе мы готовы подписать договор по поставке оборудования, строительных материалов и прочего для строительства дорог, больниц, школ, домов. Мы готовы инвестировать», – сказал один из участников международного инвестиционного форума. Не может не радовать такая самоотверженность инвесторов в такое тяжёлое для Республики время, но без должного урегулирования на законодательном уровне инвестиционной деятельности будет сложно обеспечить гарантии равной защиты прав, интересов и имущества субъектов инвестиционной деятельности независимо от форм собственности.

«В рамках форума было заключено 34 соглашения на 135,6 миллиарда рублей в промышленном и аграрном секторах, а также в части вновь реализуемых и инвестиционных проектов», – сказала председатель оргкомитета форума, ректор Донецкой академии и управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики Лариса Борисовна Костровец [11].

Подводя итоги этого форума, можно сделать небольшие выводы о том, что иностранные представители, заключившие договора с Донецкой Народной Республикой, внесут значительный вклад в развитие экономики нашего государства, а также в развитие

и модернизацию производств, и в восстановлении инфраструктуры Республики.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, при исследовании проблемы стоящей перед нами изначально, можно сделать следующие выводы.

В первую очередь, данный проект Закона поможет привлечению иностранных инвестиций, что повлияет на развитие банковской сферы.

Иностранные инвесторы помогут увеличению лояльности сотрудничества государств с Донецкой Народной Республикой. В целом, будет развиваться и экономика Донецкой Народной Республики, и научно-технический прогресс, а также способствовать появлению новых рабочих мест.

В процессе привлечения иностранных инвесторов Донецкая Народная Республика сможет в большей степени развивать международные связи, что положительно будет сказываться на развитии Донецкой Народной Республики как государства.

На основании проекта Закона необходимость в издании Закона «Об инвестиционной деятельности» достаточно важный и нужный шаг в развитии Донецкой Народной Республики и урегулировании нормативно-правовой базы.

Список использованных источников

1. Токуев М.М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности РФ / М.М. Токуев // Журнал «Пробелы в российском законодательстве». – М.: Издательский дом «Юр-ВАК», 2009. – С. 47-53.

2. Конвенция СНГ «О защите прав инвестора» от 28.03.1997 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902147>.

3. Инвестиции: учебник для вузов / под ред. Л.И. Юзвович, С.А. Дегтярева, Е.Г. Князевой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 543 с.

4. Сеульская конвенцию «Об учреждении многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ)», 1985 г.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900505>.

5. О центральном республиканском банке Донецкой Народной республики: Закон / офиц. текст; принят Постановлением Народного Совета № 32-ПНС от 26 апреля 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-tsentrалном-respublikанском-banke-donetskoj-narodnoj-respubliki/>.

6. О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами: Вашингтонская конвенция 1965 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902243>.

7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о поощрении и взаимной защите инвестиций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901802722>.

8. Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 24.12.1993 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1900180>.

9. Положение о Республиканской антимонопольной службе Донецкой Народной Республики, утверждённое Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 16.08.2016 г. № 10-34 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/rev/11876/>.

ВИДЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ДОГОВОРА И ДРУГИХ ВИДОВ СДЕЛОК В СФЕРЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

*Шпиняковская Е.С.,
Магистрант кафедры хозяйственного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»;
Сасов А.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры административного права
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»*

В статье проведен хозяйственно-правовой анализ видов недействительности хозяйственных договоров и других видов сделок в сфере хозяйствования, критериев их разделения на ничтожные и оспариваемые и особенностей правоприменения по этим вопросам. Обосновано, что критерием разделения сделок на ничтожные и оспариваемые является характер правонарушений: если в случае ничтожных сделок нарушаются права субъектов или иные нормы, установленные законодательством, то в случае оспариваемой сделки нарушаются законные интересы субъектов, соблюдение которых гарантируется законодательством, их права, предусмотренные локальными нормативными актами или договорами. Приведены аргументы относительно оправданности постановки вопроса о признании ничтожной сделки (договора) недействительной и предложено согласованное толкование соответствующих норм ГК и ХК Украины.

Ключевые слова: хозяйственный договор, сделка, недействительность сделки, ничтожные сделки, оспариваемые сделки

Economic and legal analysis of the types of invalidity of economic contracts and other transactions in the field of management is considered in this article, the criteria for dividing them into insignificant and contested reviewed here, and also features application of the law on these issues. In the article substantiates that the criterion for the separation of transactions in the paltry and contested nature of the offenses is: if in the case of void transactions violated the rights of the subjects or other rules established by the legislation, in the case of the disputed transaction violated the legitimate interests of entities, where legislation ensures compliance with them, guarantee their rights as provided for by local regulations or treaties. Arguments are justified raising the question of recognition of a void transaction (contract) void and suggested agreed interpretation of the relevant provisions of the Civil Code and Commercial Code of Ukraine.

Keywords: business contract, transaction, the invalidity of the transaction, a void transaction disputed transaction.

Постановка задачи. Переход к рыночным условиям хозяйствования и законодательное закрепление свободы предпринимательской (хозяйственной) деятельности обусловили стремительное расширение сферы применения договора как правового средства регулирования хозяйственных отношений, соответственно существенно расширилась и сфера свободного усмотрения субъектов хозяйствования при совершении других видов сделок. Таким образом, была заложена основа для более эффективного развития хозяйственных отношений, однако побочным явлением в реализации этой, в целом, положительной тенденции стал стремительный рост количества недействительных хозяйственных договоров и других сделок в сфере хозяйствования (далее – сделок), что вредит стабильности хозяйственного оборота, негативно сказывается на уровне защиты прав и законных интересов его участников, хозяйственного оборота, соответственно препятствует реализации не только частных, но и публичных интересов.

Количество судебных дел о признании сделок недействительными стремительно выросла, зато рассмотрение таких дел составляет для судов значительные трудности, обусловленные разнородным регулированием соответствующих вопросов в Гражданском и Хозяйственном кодексах Украины, и необходимостью освоения в правоприменении ряда нововведений, появившихся при кодификации.

Задача правоприменения осложняется тем, что среди теоретиков и практиков нет единой точки зрения по многим вопросам недействительности сделок. По ряду вопросов принципиально расходятся точки зрения цивилистов и хозяйственников, и это обуславливает потребность в дополнительной аргументации хозяйственно-правовой позиции.

Обзор последних исследований и публикаций по данной проблеме. В хозяйственно-правовой науке проблемы современности о недействительности сделок исследовались рядом авторов, среди которых А.В. Безух, А.А. Беляневич, А.Н. Винник, В.В. Джуль, В.К. Мамутов, Б.Н. Поляков, В.С. Щербина и др.

Актуальность данной проблематики увеличивается в условиях признания законодателем приоритетности договора в регулировании хозяйственных отношений и, тем самым, превращение его в самостоятельный источник права.

Целью статьи является обоснование предложений по решению спорных вопросов видов недействительности хозяйственных договоров и других видов сделок в сфере хозяйствования.

Изложение основного материала исследования. Статья 204 ГК Украины закрепляет презумпцию правомерности сделки и предусматривает, что сделка является правомерной, если её недействительность прямо не установлена законом или если она не признана судом недействительной. При этом предусматривается два вида недействительных сделок – ничтожные и оспариваемые.

Согласно ч. 2 ст. 215 ГК Украины, недействительной является сделка, если её недействительность установлена законом (ничтожная сделка). В этом случае признание такой сделки недействительной судом не требуется. В случаях, установленных этим Кодексом, ничтожная сделка может быть признана судом действительной. Согласно ч. 3 ст. 215 ГК Украины, если недействительность сделки прямо не установлена законом, но одна из сторон или другое заинтересованное лицо отрицает его действительность на основаниях, установленных законом, такая сделка может быть признана судом недействительной (оспариваемая сделка).

Правоприменение этих положений натолкнулось на ряд проблемных вопросов, что свидетельствует о несовершенстве законодательных формулировок правовых норм.

Во-первых, имеется недостаточно чёткое определение критериев деления сделок на ничтожные и оспариваемые, что приводит к их смешиванию.

В результате в литературе высказывается мнение, что ГК Украины фактически рассматривает как оспариваемые и те обязательства, возникающие из сделок, которые, по ГК Украины, являются ничтожными.

Этому даётся следующая аргументация. Согласно ч. 1 ст. 207 ГК Украины, хозяйственное обязательство, не отвечающее требованиям закона или совершённое с целью, которая заведомо противоречит интересам государства и общества, или заключённое участниками хозяйственных отношений с нарушением хотя бы

одним из них хозяйственной компетенции (специальной правосубъектности), может быть по требованию одной из сторон или соответствующего органа государственной власти признано судом недействительным полностью или в части. Из текста ч. 1 ст. 207 ГК Украины делается вывод, что обязательство, «совершённое» с целью, которая заведомо противоречит интересам государства и общества, отнесено по ГК Украины к оспариваемым. Что влечёт за собой вывод о коллизии норм ГК и ХК Украины, «Между тем сделка, совершённая с целью, которая заведомо противоречит интересам государства и общества, не может не нарушать тем самым публичного порядка. Но такие сделки в соответствии с ч. 2 ст. 228 ГК Украины являются ничтожными» [1]. Такой вывод представляется неоправданным, о чём свидетельствует в т.ч. норма ч. 2 ст. 207 ГК Украины, в которой речь идёт о возможности признания недействительным ничтожного условия хозяйственного обязательства.

Итак, в ГК Украины речь идёт о признании судом недействительным ничтожного условия договора, так и договора в целом. Поэтому речь в данном случае нужно вести не о «фактическом отнесении ничтожных сделок к оспариваемым», а о признании судом недействительными как оспариваемых, так и ничтожных сделок.

На самом деле в ГК Украины речь идёт несколько о других критериях деления недействительных сделок на ничтожные и оспариваемые, которые сложились исторически. Гражданский кодекс УССР 1963 г. определение ничтожных или оспариваемых сделок не содержал, но фактически предусматривал такое разделение, используя относительно ничтожных соглашений слова «недействительным является соглашение ...», а относительно оспариваемых соглашений слова «соглашение ... может быть признано судом недействительным по иску».

Анализ этих норм позволяет сделать вывод, что недействительность договоров или иных видов соглашений (сделок) может быть абсолютной и относительной. Абсолютная недействительность предусматривает недействительность в силу закона (ничтожность сделок, полную или частичную, за нарушение законодательства) и она наступает с момента совершения такой сделки. Относительная недействительность имела место в случае оспариваемой сделки. В этом случае сделка считалась

действительной, если её действительность не оспорена в суде или не признана судом недействительной. Как видим, абсолютная недействительность возникает в результате нарушения прав субъектов хозяйствования, предусмотренных законодательством, или иных законодательных норм.

Относительная недействительность возникает в результате нарушения частных интересов, и признание таких сделок недействительными ставится в зависимость от того, обратилось лицо за защитой своих прав или нет. То есть оспариваемыми являются сделки, по которым закон предоставляет возможность лицу самому решать, обращаться ли ему за защитой своего права или нет. Если ни одна из сторон оспариваемого договора не подала иска о признании договора недействительным, то этот договор может быть исполнен сторонами, что не противоречит законодательству.

Поэтому оспариваемый договор, который называют относительно недействительным, возможно также называть условно действительным, что означает, что оспариваемый договор действителен, если участник отношений не прибегнул к судебной защите своего права. Из этого следует такой критерий деления сделок на ничтожные и оспоримые, как характер правонарушений: если в случае ничтожных сделок нарушаются права субъектов или другие нормы, установленные законодательством, то в случае оспариваемой сделки нарушаются законные интересы субъектов, соблюдения законодательством, их права, предусмотренные локальными нормативными актами или договорами. Такое толкование ничтожных и оспариваемых сделок практиковалось до принятия ГК Украины и было использовано при кодификации хозяйственного законодательства. Зато через одновременное принятие новых норм о недействительности сделок в ГК Украины это толкование отошло в тень и на первый план в правоприменении вышли проблемы правоприменения новых норм гражданского законодательства.

На практике одним из проблемных стал вопрос, допустимо ли применение в ГК Украины формулировки о признании ничтожной сделки недействительной. Основания для этого составила судебная практика. До принятия ГК Украины 2003 г. в судебных решениях отмечались указания на то, что та или иная сделка (ничтожная согласно ст. 48 ГК УССР) не признавалась судом недействительной,

поэтому установленные ею права должны защищаться в полном объёме. При этом указывалось на отсутствие права суда выходить за пределы исковых требований и невозможность в связи с этим признать ничтожной соглашение [2].

В результате сформировалась проблема, которая нашла решение при принятии ГК Украины 2003 года, который в ч. 2 ст. 215 специально предусмотрел, что признание ничтожной сделки недействительной судом не требуется. Считаем, что такая норма стала откликом на подобную практику, и имела целью исправить её. С этой задачей она успешно справилась. Но, с другой стороны, применённая формулировка породила вопрос о возможности обращения в суд с таким иском. В судебных решениях начала отрицаться такая возможность со ссылкой на то, что согласно указанной статьи ГК признания договора ничтожным не требуется. Тем самым отрицался использованный в ГК Украины подход, согласно которому ничтожный договор может быть признан судом недействительным. Как отмечалось выше, такой подход сложился исторически, он сохранился в законодательстве других стран на постсоветском пространстве.

Например, в Российской Федерации арбитражные суды исходят из того, что Гражданский кодекс Российской Федерации, хотя и не предусматривает, но и не исключает возможности признания недействительными ничтожных сделок, поэтому споры по таким требованиям подлежат рассмотрению в общем порядке по требованию любого заинтересованного лица [3].

Подобная позиция сформировалась ещё в дореволюционный период. Как отмечал известный цивилист конца XIX – начала XX в. Ю. С. Гамбаров, «из того, что ничтожность сделки наступает в силу закона, не требуя ни иска, ни судебного решения, не следует, что она никогда и не приводила бы к судебному разбирательству. если ничтожность соглашения вызывает сомнения, и против него возникает спор, то судебное разбирательство становится необходимым. Однако роль судьи ограничена в таких случаях констатацией ничтожности сделки» [4].

В процессе дискуссий к подобному выводу пришли и отечественные учёные, и судебная практика. При этом в законодательстве обращаются с пунктом 2 ч. 2 ст. 16 ГК Украины, в котором определён такой способ защиты гражданских прав и интересов лица, как признание сделки недействительной.

«Поскольку ничтожная сделка является лишь разновидностью недействительных сделок в целом, то отсюда может следовать и право лица на обращение в суд за защитой нарушенного права в указанный способ» [5].

Однако такой вывод продолжает оставаться спорным в части права субъекта обращаться в суд за признанием ничтожной сделки недействительной. «Ничтожный договор по своей правовой природе является недействительным уже в силу императивных требований закона, поэтому его недействительность должна восприниматься в любом судебном процессе независимо от требований сторон и решения суда. Так, если суд, рассматривая спор о взыскании задолженности по договору, или любые другие требования, основанные на договорных обязательствах, обнаружит, что договор является ничтожным, то даже при отсутствии соответствующих заявлений сторон он оценивает указанные фактические обстоятельства как элемент доказывания по делу, отображается в мотивировочной части решения и в зависимости от установленного принимает судебное решение об удовлетворении или отказе в иске» [5].

Признанные специалистами-практики современного периода (Д.Н. Притыка и др.) также отмечают, что нет необходимости для выхода за пределы исковых требований и указания в резолютивной части судебного решения недействительности ничтожной сделки, достаточно указания на её ничтожность в мотивировочной части судебного решения (кроме случаев, когда на защиту оспариваемого права заявлен иск о признании недействительной сделки, которая по закону признаётся ничтожной) [2].

Следует согласиться с тем выводом, что иск о признании недействительным ничтожной сделки может быть заявлен, и это соответствует нормативному регулированию вопросов недействительности договоров, предусмотренном ГК Украины.

В данном случае как раз и говорится о судебном признании договора ничтожным. Нельзя согласиться с тем выводом, что в ГК Украины предусмотрено обращение с иском в суд не о признании сделки ничтожной, а лишь о применении последствий ничтожной сделки (п. 5 ст. 216 ГК Украины), и поэтому лицо может обратиться в суд только с исковым требованием о применении последствий ничтожной сделки. Ведь удовлетворение такого требования зависит от установления судом самого факта ничтожности сделки. С учётом

несовершенства законодательства, коллизий и т.д. факт ничтожности сделки может иметь спорный характер. Для установления ничтожности сделки нужно проводить всесторонний глубокий анализ законодательства, возможно даже научную экспертизу. С другой стороны, суд должен учитывать нормы Конституции о правах и свободы человека и гражданина и другие нормы Конституции, которые имеют прямое действие.

Поэтому признание недействительным ничтожной сделки в резолютивной части представляется обязательным.

Итак, использованная в ГК Украины постановка вопроса о признании ничтожной сделки (договора) недействительным является оправданной. Нужно ответить ещё на один вопрос, который возникает: в резолютивной части речь должна идти о признании ничтожной сделки недействительной, как это предусмотрено ГК Украины, возможно об установлении факта ничтожности сделки (констатацию ничтожности сделки). В этом вопросе опять же следует склониться к использованному в ГК Украины подходу.

Во-первых, факт ничтожности сделки не требует установления, поскольку недействительность ничтожной сделки установлена законом, и субъекты могут относиться к ничтожной сделке как к недействительной независимо от того, признан этот факт судом или нет. Собственно, в этом, как представляется, и состоит суть нормы, предусмотренной в ГК «Недействительным является сделка, если её недействительность установлена законом (ничтожная сделка). В этом случае признания такой сделки недействительной судом не требуется».

Во-вторых, любым субъектам правоотношений гарантировано право обратиться в суд за защитой своего права и применением мер государственного принуждения для выполнения законодательства. Поэтому при обращении субъекта судом выносится решение о признании государством сделки недействительной и обеспечивается принудительное применение соответствующих последствий. То есть стороны в силу закона имеют право не выполнять ничтожную сделку, но могут и обращаться в суд за вынесением судебного решения о признании её недействительной и применении последствий недействительности, гарантированных средствами государственного принуждения. Подтверждение этому

выводу находим как в зарубежных, так и отечественных теоретических источниках.

По мнению Л. Енекцеруса, ничтожные сделки характеризуются следующими признаками:

а) поскольку ничтожная сделка в правовом смысле не существует, то она не вызывает правовых последствий ни для кого, ни против кого. Поэтому на ничтожность сделки может ссылаться каждый и против каждого;

б) если ничтожность сделки выявится в ходе судебного процесса, то судья должен принять её во внимание, даже если тот, кому это выгодно не требовал её применения. Не требуется представления особого иска для получения вывода о ничтожности сделки или чтобы установить такую ничтожность;

в) ничтожная сделка не может в будущем стать настоящей, в частности, не может быть подтверждена. То, что с внешней стороны кажется подтверждением, в действительности является новым совершением сделки и, как следствие, требует соблюдения формы, если она установлена законом для данного вида сделок, и должно соответствовать другим необходимым условиям этой сделки.

А. Иоффе характерным признаком ничтожных сделок определял то, что стороны вправе такие соглашения просто не выполнять, рассматривая их как несуществующие, а если об их заключении станет известно судебным-арбитражным органам, последние принимают решение о признании этих сделок недействительными, несмотря на то, что контрагент не только не обращался в суд с такой просьбой, но даже решительно против этого возражал [7].

Вывод. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы в целом.

1. Критерием разделения сделок на ничтожные и оспариваемые является характер правонарушений: если в случае ничтожных сделок нарушаются права субъектов или иные нормы, установленные законодательством, то в случае оспариваемой сделки нарушаются законные интересы субъектов, соблюдение которых гарантируется законодательством, их права, предусмотренные локальными нормативными актами или договорами. Оспариваемая сделка является действительной, если она не оспорена в суде, что позволяет считать её условно

действительной. Ничтожные сделки являются недействительными независимо от обращения субъектов в суд.

2. Использованная в ГК Украины постановка вопроса о признании ничтожной сделки (договора) недействительной является оправданной, поскольку удовлетворения искового требования о применении последствий ничтожной сделки зависит от установления судом самого факта ничтожности сделки с учётом несовершенства законодательства, коллизий и т.п., может иметь спорный характер, потребовать проведения научных экспертиз и тому подобное. С другой стороны, суд должен учитывать нормы Конституции о правах и свободах человека и гражданина и другие нормы Конституции, которые имеют прямое действие. Поэтому целесообразным является установление недействительности ничтожной сделки в резолютивной части судебного решения.

Поскольку любым субъектам правоотношений гарантировано право обратиться в суд за защитой своего права и применением мер государственного принуждения для выполнения законодательства, на обращение субъекта судом должно выноситься судебное решение о признании государством сделки недействительной и обеспечиваться принудительное применение соответствующих последствий. Поэтому установление недействительности ничтожной сделки в резолютивной части судебного решения должно иметь форму признания недействительным ничтожной сделки (договора) в полной мере или частично, что соответствует подходу, использованному в ГК Украины.

3. Факт ничтожности сделки не требует установления, поскольку недействительность ничтожной сделки установлена законом, и субъекты могут относиться к ничтожной сделке как недействительной независимо от того, признан этот факт судом или нет. В этом заключается суть норм, предусмотренных в ГК Украины: «Недействительной является сделка, если её недействительность установлена законом (ничтожная сделка). В этом случае признания такой сделки недействительной судом не требуется».

Список использованных источников

1. Подоляк С.А. Правовые основания и последствия признания хозяйственных договоров недействительными и незаключёнными в

Украине: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.04 / С.А. Подоляк; НАН Украины, Киевский ун-т права. – К., 2010. – 172 с.

2. Притыка Д.Н. Договорное право: общая часть. Комментарий к гражданскому законодательству Украины / Д.Н. Притыка, В.Я. Карабань, В.Г. Ротань. – Киев-Севастополь: Институт юридических исследований, 2002. – 880 с.

3. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1996. – № 7. – С. 89-90.

4. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права / Ю.С. Гамбаров. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. – Т. 1. – 793 с.

5. Потопальский С.С. Основания и последствия недействительности предпринимательских договоров (на материалах практики хозяйственных судов): дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 / С.С. Потопальский; НАПрН Украины, НИИ частного права и предпринимательства. – К., 2007. – 197 с.

6. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Том I, полутом 2. Введение и общая часть / Л. Эннекцерус, Т. Кипп, М. Вольф; перевод с 13-го немецкого издания проф. И.Б. Новицкого, канд. юрид. наук Г.Н. Полянской и В.А. Альтшулера; под редакцией, с предисловием и вводными замечаниями заслуженного деятеля науки проф. Д.М. Генкина и проф. И.Б. Новицкого. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – 483 с.

7. Иоффе О.С. Советское гражданское право: учебник / О.С. Иоффе. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Ч. 1. – 508 с.

Научное издание
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики»

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
СЕРИИ «ПРАВО»

Выпуск 16

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Материалы представлены на языке оригинала.

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов,
которая может не совпадать с мнением редколлегии сборника.

При цитировании или частичном использовании текста публикаций
ссылка на сборник обязательна.

Ответственный за выпуск – Саенко Б.Е.

Научный редактор – Ворушило В.П.

Компьютерная вёрстка – Зензеров В.И.

Подписано в печать решением учёного совета ГОУ ВПО «ДонАУиГС».
Протокол № 5 от 26.12.2019 г. Формат 60x84¹/₁₆ Бумага офсетная
12,15 усл.-печ. л. Тираж 100 экз.

Адрес редакции: 83015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163а,
ГОУ ВПО «ДонАУиГС»